Б. Кёпеци

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И „НОВЫЕ ПРАВЫЕ”

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Köpeczi Béla

■

ÚJ KONZERVATIVIZMUS ÉS ÚJ JOBBOLDAL

KOSSUTH KÖNYVKIADÓ / 1982

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Б. Кёпеци

■

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И „НОВЫЕ ПРАВЫЕ”

Москва
Издательство политической литературы
1986

87.3в03
К35

Перевод с венгерского *М. А. ХЕВЕШИ*

Общая редакция и послесловие
доктора философских наук,
профессора *Б. Т. ГРИГОРЬЯНА*

Кёпеци Б.
К35 Неоконсерватизм и «новые правые».— Пер. с венг.— М.: Политиздат, 1986.— 144 с.— (Критика бурж. идеологии и ревизионизма).

В книге известного венгерского ученого, члена Академии наук ВНР дан критический анализ идей неоконсерватизма, получивших широкое распространение на Западе с конца 70-х годов и нашедших отражение в политике ряда ведущих капиталистических государств. Автор представляет широкую панораму идеологии современного неоконсерватизма, «новых правых», «новых философов», идейных истоков этого направления и его эволюции, его особенностей в различных странах, исследует социально-политические процессы, которые его питают. Книга содержит большой и в значительной степени малоизвестный нашему читателю фактический материал.

Издание рассчитано на широкий круг пропагандистов, преподавателей, студентов, оно будет полезно всем, кого интересуют тенденции идеологической жизни Запада.

$К \frac{0302030900-224}{079(02)-86}$ 114—85

87.3в03
1ФБ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К СОВЕТСКИМ ЧИТАТЕЛЯМ

Свою работу над венгерским изданием этой книги я в основном закончил в 1980 г. и поэтому считаю нужным обратить внимание советских читателей на происшедшие с тех пор изменения и вытекающие из них последствия.

В США администрация Рейгана стремится на практике осуществить положения, выдвинутые «старыми» и «новыми» консерваторами. В плане политэкономии доминирующее влияние на взгляды ее представителей оказывает так называемая чикагская школа во главе с М. Фридменом, которая отдает предпочтение крупному капиталу, «свободной игре» рыночных сил, монетаризму и призывает отказаться от ряда социально-политических программ, осуществлявшихся так называемым «государством благоденствия». С помощью ряда финансовых мер рейгановской администрации удалось снизить темпы инфляции, но при этом увеличился дефицит государственного бюджета, а союзники США и развивающиеся страны оказались как бы «обложенными налогами». В области идеологии нынешнее правительство США использует религиозное учение фундаментализма, ярый американский национализм и все это под знаменем «крестового похода» против коммунизма. Что касается внешней политики, то здесь преследуется цель достичь превосходства над социалистическими странами как в экономическом, так и в военном отношении, провозглашен отказ от разумной политики мирного сосуществования.

Налицо редкая по своей очевидности связь между идеологическими предпосылками и практической политикой, на редкость доктринерское применение идеологических установок в политике. Другой вопрос, как реальная жизнь реагирует на эту политику, с каким противодействием она сталкивалась и сталкивается в самих США и за их пределами.

Консервативная политика крупнейших империалистических государств оказала заметное воздействие на ход экономических и политических процессов на Западе. Находящаяся у власти консервативная партия Великобритании и прежде применяла в жизни некоторые принципы,

отличающие нынешнюю экономическую политику рейгановской администрации. Именно этой партии в известном отношении принадлежит приоритет в реконструкции идеологии консерватизма. В 1982 г. в ФРГ распалась правительственная коалиция социал-демократов и свободных демократов. К власти пришли христианские демократы (с перешедшими на их сторону свободными демократами), которые хотя и не смогли из-за широкого противодействия полностью воспользоваться монетаристскими рецептами, но по своим взглядам весьма близко стоят к американскому неоконсерватизму.

Иная политическая ситуация сложилась во Франции, где на протяжении трех лет существовало правительство социалистов, в котором участвовали и коммунисты. На первом этапе это правительство проводило ряд существенных реформ. Однако экономическая ситуация в капиталистическом мире и соотношение сил в самой Франции привели к тому, что летом 1984 г. правительство состояло уже только из социалистов, которые не решились взять на себя ответственность за проведение радикальных элементов правительственной программы 1981 г.; коммунисты же отказались участвовать в этом правительстве. Одновременно во Франции усилилось экономическое и политическое наступление правых сил. Более того, в результате кампании против иностранных рабочих, оголтелого национализма на передний план вышли крайне правые силы (например, Национальный фронт Ле Пена).

В современной капиталистической Европе левые силы располагают более широкой базой в скандинавских и средиземноморских странах.

Те идеологические тенденции, о которых идет речь в этой книге, при создавшихся благоприятных для них политических условиях в первой половине 80-х годов проявились еще в большей степени и оказали еще большее воздействие, чем в 70-е годы. Кризисные явления в мире капитала способствовали тому, что многие стали искать выход из сложившегося положения в экономических теориях консерваторов и неоконсерваторов, призывающих оттеснить на задний план государственное воздействие на экономику и всячески содействовать частной инициативе. Особое значение в рамках этих теорий имеет положение, согласно которому в современном капиталистическом обществе происходит переоценка ценностей, и в таких условиях жизненно важно возвратиться к «доброму старому времени», когда в почете были ценности христианства.

Показательно, что это стремление к нравственному обновлению, как правило, не затрагивает вопроса о тех общественно-экономических причинах, которые вызвали к жизни идеалы «общества потребления». Но во всяком случае, нравственное беспокойство, охватившее широкие круги населения капиталистических стран, способствовало укреплению религиозной идеологии, идеологии традиционализма и национализма.

В качестве основного средства идеологического запугивания используется кампания против социалистических стран по вопросам прав человека и демократии. При этом многие не замечают, что нападки консервативной идеологии направлены в первую очередь против общественной справедливости, стабильного уровня жизни, равенства социальных возможностей — одним словом, против того факта, что общественный прогресс и осуществление прав человека взаимосвязаны.

Разумеется, антикоммунистическая пропаганда использует также экономические трудности, которые имеют место в социалистических странах, общественно-экономические противоречия, ошибки и кризисные моменты. Она стремится доказать, что идеалы, провозглашаемые прогрессивной мыслью в последние 500 лет, ведут в тупик, что в экономическом отношении надо вернуться к периоду либерального капитализма, а в социальном, идеологическом отношении — к системе ценностей феодального общества.

Господство в течение ряда лет консервативных политических сил, консервативной идеологии в некоторых развитых капиталистических странах, тот опыт, который за эти годы получили массы, интеллигенция, несомненно, направят их размышления в русло основополагающей проблемы, заключающейся в том, что консерватизм не смог предложить средство для преодоления кризиса капитализма и что по-прежнему стоит задача создания нового общества.

Будапешт
Июль 1984 г.

Бела Кёпеци

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время в США и Западной Европе много говорят о неоконсерватизме и «новых правых». Так называют себя прежде всего определенные группы интеллигенции в США, Франции, ФРГ, Англии или Италии, желая противопоставить себя прежнему консерватизму. Но в большей мере они противопоставляют себя самим себе, своему прошлому. Дело в том, что многие представители этого нового направления вышли из неолиберализма или были «новыми левыми».

Между «новыми правыми» и неоконсерватизмом много общих идейных черт и политических взаимосвязей, поэтому в своем изложении мы не отделяем их друг от друга. Но мы попытаемся выявить специфические условия, сложившиеся в той или иной стране, идейно-политические движения, которые там имеют место, и благодаря этому показать взаимосвязь между неоконсерваторами и «новыми правыми».

Наша цель в первую очередь состоит в том, чтобы выявить идейную систему неоконсерватизма и «новых правых», тем более что эти направления начали свою деятельность с идейной реконструкции, соединившей в себе старые и новые взгляды и направленной на защиту капитализма. Основной характерной чертой этих направлений является то, что защита существующего строя ведется ими с позиций пессимистического истолкования истории, ибо они не верят в возможность изменить природу человека и создать воистину справедливое общество. Отрицая идею общественного переустройства, особенно идею революции, они стремятся доказать, что всякое радикальное изменение отбрасывает материальную и духовную культуру назад. Они готовы признать только необходимость ограниченных реформ, ибо общество трактуется ими как такое органическое единство, которое в состоянии выдержать лишь медленные преобразования.

Идея неизменности природы человека обосновывается при помощи соответствующего истолкования некоторых положений современной биологии. Особенно выделяются определенные положения генетики, которые приводятся

для доказательства того, будто судьба человека зависит от его унаследованных особенностей. Неравенство между людьми тоже обосновывается ссылками на генетику: того, мол, что дано от природы, уже не изменить.

Говорят о различном уровне интеллектуальности у людей, о различиях между расами и между различными слоями общества в рамках одной расы, разумеется в том смысле, что никакие общественные изменения и воспитание не в состоянии их ликвидировать. Отсюда делается вывод, что в соответствии с различиями в способностях людей общество должно быть иерархическим по своему устройству и оно лишь тогда может нормально функционировать, когда им управляет элита. Не нужно стремиться к общественному равенству, напротив, надо противостоять всякого рода экономическим, социальным и культурным идеям и практическим мерам, направленным на его достижение.

С этих позиций неоконсерватизм и «новые правые» отвергают вмешательство государства в экономику и призывают возродить капитализм периода свободной конкуренции. Они клеймят «бюрократизацию» капитализма, которая ограничивает свободу предпринимательства, а в области социальной политики способствует безделию и паразитизму. В противовес лозунгу деидеологизации, который провозглашали в свое время некоторые представители неоконсерватизма, теперь подчеркивается необходимость создания новой системы ценностей на основе пуританской морали предков-бюргеров или еще более ранних систем ценностей. Многие обращаются к христианству, некоторые — к идеализированной Древней Греции или к индогерманским мифам, в центре которых стоит слившийся с природой человек.

Мифы являются питательной почвой и для различных видов национализма, в том числе для культа американской исключительности, которому придается четкая антикоммунистическая направленность. Вместе с тем в Западной Европе встречаются и такие «новые правые», которые выступают против национального шовинизма, в защиту малых народностей, ранее угнетавшихся национальных меньшинств, но все это во имя единения западноевропейских стран, во имя борьбы против социализма.

Общность идеологических характеристик неоконсерватизма и «новых правых» говорит о том, что речь идет не просто о лозунгах отдельных групп, а скорее о стремлении дать идейное обоснование волне консерватизма, широко

распространившейся в развитых капиталистических странах. Западная Европа познала, что такое крайне правые формы правления, в том числе и фашизм. После 1945 г. даже буржуазно-консервативные партии постарались отмежеваться от правых и выступили за проведение разного рода реформ. Это, конечно, не значит, что среди них не было радикально настроенных правых. После периода коалиционных правительств в ФРГ, Франции, Италии у власти оказались христианско-демократические партии, которые провозгласили необходимость реформ в духе христианского социализма. По мере того как они терпели поражение на выборах, их сменяли социал-демократы, продолжавшие реформы по «исправлению» капитализма в рамках концепций «индустриального общества», «общества благосостояния» или «общества потребления». Идея «общества всеобщего благоденствия» утвердилась и в США. И демократические и республиканские правительства в равной мере использовали ее в своей политике.

В развитых капиталистических странах к левым причисляют себя часть так называемых радикальных буржуазных партий, социал-демократия и, конечно, коммунистические партии. Однако необходимость революционных изменений признают лишь коммунистические партии. Коммунисты представляют собой значительную политическую силу во Франции и Италии, меньшим влиянием они пользуются в ФРГ, Англии и США. Во Франции и Италии коммунистические партии принимали участие в коалиционных правительствах, сформировавшихся после второй мировой войны, но в начале 1947 г. буржуазия с американской помощью отстранила их от власти и попыталась изолировать вообще.

В 60-е годы влияние коммунистических партий возросло, однако левым силам не удалось объединиться из-за имевшихся между ними разногласий, из-за позиции некоторых социалистических партий и осложнившейся международной обстановки. Часть левой интеллигенции во второй половине 60-х годов под воздействием очередного начинающегося экономического кризиса считала, что складывается революционная ситуация, которая позволит сокрушить капитализм и осуществить революцию в образе жизни. Однако выступления «новых левых» в 1968 г. потерпели крах, и радикальную интеллигенцию в западноевропейских странах охватил глубокий идейный кризис.

Господствующие классы этих стран сделали все возможное, чтобы молодая интеллигенция, разочаровавшись

в ультрарадикализме, отказалась от идеи общественного преобразования вообще. Одним из наиболее действенных средств для этого служила дискредитация реального социализма. С помощью литературы, средств массовой информации велась систематическая работа, с тем чтобы доказать, будто экономика социалистических стран неэффективна, будто они не могут достичь экономического уровня развитых капиталистических стран и, главное, будто в них не создается условий для осуществления политической демократии. В подтверждение этого ссылались не только на культ личности, но и на существование оппозиционных настроений среди некоторых групп интеллигенции в отдельных социалистических странах.

Названные моменты в определенной мере проявились уже у «новых левых», которые отмежевывались от реального социализма и коммунистических партий. Но вместе с тем они заявляли о своей приверженности идеям общественного прогресса, социальной революции и ссылались на марксизм. Правда, эти ссылки касались в основном роли субъективных факторов в исторических процессах, своими же действиями «новые левые» показывали главным образом то, что трактуемый на их манер марксизм не в состоянии дать ответы на серьезные экономические, общественные и культурные вопросы современности.

Условия для восприятия идей неоконсерватизма или «новых правых» создали кризисные явления в капиталистическом обществе. Начиная с 1973 г. в экономике развитых капиталистических стран наступил период глубокой депрессии, который многими объяснялся как результат нефтяного кризиса, но в действительности имел значительно более глубокие причины. Речь идет о смене эпох в мировой экономике, кроме того, обострились так называемые глобальные проблемы — энергетическая, продовольственная, сырьевая, экологическая, демографическая. Эти проблемы известны и социалистическим странам (правда, в иной степени), но в данном случае имеется в виду внутренний, органический кризис монополистического капитализма, проявляющийся в застое производства, инфляции и в возрастающей вследствие этого безработице. Наконец, речь идет и о конъюнктурных кризисах, связанных не только с экономическими, но и с политическими факторами, которые в различных странах дают себя знать по-разному. Результатом этого явился и кризис системы ценностей капиталистического общества, который выра-

зился в молодежном движении 60-х годов и углубился вследствие кризисных явлений в экономике.

Все перечисленное породило в массах чувство неуверенности, желание сохранить результаты, достигнутые в упорной классовой борьбе. В таких условиях и произошло выдвижение консервативных партий, громко обещавших сохранить существующий жизненный уровень и обвинявших в ухудшении жизни прежние левые правительства, буржуазно-либеральные или социалистические партии. В 1976 г. потерпело поражение левое правительство в Швеции, в 1979 г.— лейбористское правительство в Англии, в 1980 г.— демократическая партия в США. Конечно, в то же время происходили события и иного рода. Во Франции в 1981 г. на президентских выборах победил Ф. Миттеран, представитель левых сил, поддержанный и Французской коммунистической партией. В 1981 г. социалисты одержали победу в Греции.

Тем не менее часть интеллигенции начала считать, что разрыв с левыми соответствует историческому моменту и даже ожиданиям масс. Для обоснования подобного идейного «поворота» она прибегла к идеологии неоконсерватизма. Успехи левых правительств стали представлять как преходящие. Со своей стороны господствующий класс капиталистического мира сделал ставку на консервативные силы. Но одновременно, и это тоже вполне естественно, обострились идеологические противоречия среди самой буржуазии.

Мы остановимся на анализе формирования идеологии неоконсерватизма и «новых правых» в четырех странах: США, ФРГ, Франции и Англии. Это не значит, что данные направления не имеют сторонников в других капиталистических странах, однако с точки зрения истории становления рассматриваемой идеологии именно указанные страны представляют наибольший интерес.

После рассмотрения ситуации в каждой из этих стран в отдельности, мы вернемся к выявлению общих черт идеологии неоконсерватизма и «новых правых». Мы постараемся показать несостоятельность данной идеологии, которая может вызывать лишь удивление у думающих людей, ибо, по нашему глубокому убеждению, XX век ищет совсем другие ответы на великие вопросы, стоящие перед человечеством.

ГЛАВА I

КОНСЕРВАТИВНАЯ ВОЛНА И ЗАПАДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Интеллигенция может быть только левой, говорил в свое время Ж. П. Сартр. Такое мнение разделял и целый ряд других западных писателей, художников, ученых XX века. Правильно ли это положение? Сартр, высказываясь столь категорически, исходил из того, что для интеллигенции является обязательным принятие такой системы ценностей, которая неразрывно связана со служением общественной справедливости, прогрессу, миру, защите прав на свободу личности. Если принять подобную систему ценностей за критерий существования интеллигенции, то утверждение, что интеллигенция может быть только левой, справедливо. Однако реальная ситуация такова, что среди интеллигенции даже в самом узком смысле этого слова, то есть среди представителей литературы, искусства, науки, были и есть люди правонастроенные, которые не принимают указанную систему ценностей или не принимают те или иные ее элементы.

На Западе в период борьбы против фашизма, в ходе движения Сопротивления сформировался такой слой левой гуманитарной интеллигенции, который в последующем занял ведущее положение в культурной жизни своих стран. Однако в последнее время одновременно с усиливающейся поляризацией политических сил начинает все более четко вырисовываться новый портрет гуманитарной интеллигенции, придерживающейся правых взглядов. Именно эта интеллигенция задает сегодня тон в ряде развитых капиталистических стран. Подобного рода переориентация связана с изменением самого положения и роли интеллигенции в жизни общества, и оно создает питательную среду для распространения неоконсерватизма и идеологии «новых правых».

Наиболее заметна такая переориентация в США, где возникло широкое движение «новых правых». Причины данного явления было бы неправильно искать лишь в разочаровании, вызванном неудачами движения «новых левых».

Американский автор У. Гоулднер в своей книге «Будущее интеллигенции и возвышение нового класса», из-

данной в 1979 г., отмечает, что, по мере того как при капитализме на передний план выступают профессиональные знания и занятия интеллектуальным трудом, возрастает не только общественный вес интеллигенции, но и меняются ее функции. Так называемая критическая позиция интеллигенции, с одной стороны, позволяет ей участвовать в формировании идеологии, а с другой — служит интересам самой интеллигенции. Именно таким путем она создает себе привилегированное положение. В наши дни эта критическая позиция не мешает интеллигенции принимать участие в функциях власти, и она делает это, по мнению автора, в качестве «нового класса», чей классовый интерес состоит в сохранении капитализма, более того — в укреплении капиталистического государства. Ведь через государственные органы можно более успешно осуществлять свое влияние. Правда, это вступает в противоречие с критической позицией интеллигенции. Но, создавая определенную напряженность, такая ситуация не может совсем помешать ей выполнять свои новые функции. Начиная с 70-х годов она стала выступать против левых, поддерживая тем самым истеблишмент, существующую систему институтов капиталистического общества.

Идеология неоконсерватизма была сформулирована М. Фридменом, Д. Беллом, И. Кристолом и другими, она была воспринята ведущими деятелями администрации Рейгана. В рамках этой идеологии наблюдаются те или иные расхождения, но можно отметить наличие нескольких общих принципов, которые связывают ее воедино. Например, все неоконсерваторы говорят о том, что надо возродить свободную конкуренцию, прекратить или хотя бы ограничить вмешательство государства в экономику, надо вернуть прежние ценности, то есть те пуританские нравственные нормы, которых придерживаются большинство новых фундаменталистов. Во внешней политике, с их точки зрения, надо опираться на превосходство силы, для чего необходимо вооружаться. В то же время они считают нужным культивировать чувство национального превосходства, используя интегрирующую силу этого чувства и во внутренней политике.

В распространении идеологии неоконсерватизма особая роль принадлежит той новообращенной интеллигенции, которая отреклась от своих левых взглядов 60-х годов. Редактор влиятельного американского «интеллектуального» журнала «Комментари» Н. Подгорец усматривает в ней новых защитников капитализма. Он выделяет в США та-

кие фигуры, как политолог И. Кристол, теолог М. Новак, философ У. Баррет, социолог П. Л. ван ден Берге. Среди представителей других стран он отмечает П. Джонсона, редактора английского журнала «Нью стейтсмен», и Ж. Ф. Ревеля, редактора французского журнала «Экспресс». Все эти интеллигенты, считает Подгорец, придерживались идеи социализма или по крайней мере были либералами, но отказались от своих взглядов, ибо не приняли путь развития Советского Союза и других социалистических стран.

Среди ценностей капитализма они особенно высоко ставят экономическую свободу, которая, по их мнению, гарантирует неотъемлемые права человека. Кристол считает, что рыночная экономика предполагает бóльшую терпимость, чем ее допускают тоталитарные системы. Когда неоконсерваторы касаются проблемы равенства, то они заявляют, что в социалистических странах равенство провозглашается якобы только теоретически. При этом они готовы признать, что экономическая свобода с неизбежностью ведет к неравенству, но это неоконсерваторов не волнует, ибо капитализм, как пишет Баррет, «допускает свободу и продуктивен». Оговорки по отношению к капитализму делаются прежде всего в связи с состоянием духовной жизни общества. Например, Новак говорит, что успехи так называемого демократического капитализма сопровождаются духовной бедностью общества.

Н. Подгорец приходит к выводу, что влияние интеллигенции, о которой идет речь, будет возрастать. Он предлагает и бизнесу обратить на нее внимание, так как капитал тоже нуждается в идеях. Й. Шумпетер еще в 40-е годы предупреждал, что буржуазия испытывает влияние радикализма, который фактически ставит под вопрос само ее существование. И действительно, «новый класс», в который Кристол зачисляет ученых, преподавателей, журналистов, работников средств массовой коммуникации, так называемых «социальных рабочих» (психологов, юристов, врачей, проектировщиков, высокопоставленных чиновников управленческой бюрократии), в каком-то отношении антикапиталистичен. Этим тенденциям надо противопоставить новые идеи. Задача заключается, следовательно, в том, чтобы создать более тесное сотрудничество между бизнесом и «новой интеллигенцией».

Развитие событий в США свидетельствует о том, что рейгановская администрация стремится на деле осуществить союз большого бизнеса с неоконсерватизмом.

Для английской интеллигенции достаточно характерно придерживаться традиционалистских, или консервативных, взглядов. В ФРГ консервативное направление тоже имеет давние традиции у интеллигенции, хотя фашистское прошлое Германии служит ей в данном отношении достаточным предостережением. Но более всего удивительным кажется то, что часть французской интеллигенции, когда-то считавшей себя левой, стала разделять взгляды правых. Подобного рода «повороты» нельзя объяснить только субъективными факторами. Речь идет об изменении функций интеллигенции, задававшей ранее тон в культурной жизни страны. В последнее время было проведено много исследований положения интеллигенции.

Р. Дебре, бывший в свое время сторонником Че Гевары, а в настоящее время являющийся советником президента Миттерана, издал в 1979 г. книгу «Власть интеллигенции во Франции». В ней он утверждает, что «высшая интеллигенция» проникла в сферы политической власти, так как приобрела монопольное положение в деле «порождения и распространения идей, ценностей, символических фактов и норм». Тем самым, по мнению Дебре, функции интеллигенции деградировали (функции интеллигенции, понимаемые в старом смысле, когда на первый план интеллигенция ставила свободу исследования и критики). Поведение интеллигенции стало другим. Суть этой перемены сводится к тому, что интеллигенция привлечена к делам управления с использованием средств массовой информации, но старается осуществлять свою власть таким образом, чтобы не терять ореола героя «гражданского общества». Дебре характеризует поведение «высшей интеллигенции» следующими словами: «Иметь авторитет, вкушая все его преимущества, и не иметь неприятностей, с которыми сопряжено обладание властью». Такая позиция позволяет жить с ощущением чистой совести. Дебре тщательно анализирует «власть интеллигенции», как она функционирует, каково ее содержание.

Подобный же анализ нового положения интеллигенции с точки зрения социологии и политэкономии дают А. Амон и П. Ротман в книге, которую они назвали «Интеллекраты», то есть «господствующие интеллектуалы». Книга вышла в свет в 1981 г. Эпиграф к ней взят из Евангелия от Матфея: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды». Авторы хотели сказать этим эпиграфом, что, хотя интеллигенция любит

отрицать свою связь с властью, она разделяет эту власть, приукрашивая при этом исполняемую ею роль. Хамон и Ротман перечисляют институты, которые создают и распространяют идеи, они называют поименно примерно сотню интеллигентов, рассказывают об издательствах, критике, печати, о системе распределения наград и премий, о телевидении.

Власть интеллигенции осуществляют определенные «семейства», например так называемые левые христиане или те, кто участвовал в событиях 1968 г., а также воспитанники некоторых высших учебных заведений. Среди сотни человек, о которых идет речь, половина — преподаватели высших учебных заведений, остальные журналисты, издатели и люди других профессий. Большинство из них старше 50 лет, восемь из них не имеют дипломов вообще, только у 23 человек родители были служащими или рабочими, а у остальных родители или владельцы собственности, или люди, занимающие высокие посты, у многих — медики. В книге рассказывается об увлечениях, путешествиях этих семей и т. д., что для нашего разговора особого интереса не представляет.

Интересно, однако, остановиться на политическом облике этой «высшей интеллигенции». В книге «Грамотей» (1980) Р. Дебре утверждает, что люди, связанные со средствами массовой информации, направляют свои усилия на создание такой общественной атмосферы, которая в наши дни может приобрести и правый и левый характер. Интеллигенция готова служить и тем и другим. Получается, что не власть манипулирует интеллигенцией, а она сама занимается манипулированием чужого сознания, участвуя во власти.

Итак, мы попытались описать поведение интеллигенции, когда к власти приходит правительство правого толка. Но какова позиция такого рода интеллигенции, когда к власти приходят, как во Франции, левые силы?

После поражения движения 1968 г., так называемые «новые философы» во Франции подвергли критике не только марксизм, но и все понятия, связанные с прогрессивными традициями общественной мысли. Нападкам подверглись понятия прогресса, классовой борьбы, революции, государства. «Новые философы» отвернулись от всей рационалистической традиции в истории философии. А. Глюксман, Б. А. Леви и другие подготовили почву для «новых правых».

Основные идеи данного направления были изложены в

книге А. де Бенуа «Взгляд справа: Критическая антология современных идей», вышедшей в 1977 г. Ссылаясь на новые достижения естествознания, он стремился обосновать идею общественного неравенства, необходимость иерархического устройства общества. По его мнению, надо вернуться к иррационалистической философии или религии. «Новые правые» больше интересуются проблемами культуры, философии и меньше экономическими проблемами. Однако отдельные их представители доказывают необходимость введения монетарной системы, принимают теоретические положения М. Фридмена.

Правые партии, которые после 1981 г. выступают против левого правительства, взяли на вооружение многие положения «новых философов», «новых правых», хотя некоторые представители «новых правых» и не согласны с ними. Так, уже упомянутый А. де Бенуа заявлял, что «никогда не будет на стороне партии Версаля», иными словами, не желает идти одним путем с буржуазией, которая, как он выразился, «опасается только за свои деньги». На одном из коллоквиумов, устроенных правыми организациями в ноябре 1984 г., некий П. Виаль высказался еще откровеннее: «Мне ближе мужчины и женщины, с оружием в руках погибающие за свои идеи, чем либералы, которые впадают в экстаз перед Рейганом и папой Иоанном — Павлом II, но вместе с тем стараются так обстряпать свои дела, чтобы обеспечить себе, когда падут достаточно низко, трамплин для прыжка». Сам Виаль восторгается не только Че Геварой, но и «группой Баадера-Майнхоф» и итальянскими «красными бригадами». Восторг его вызывает именно то, что те отмежевываются от правых партий и буржуазии.

А как же повела себя среди этого «идейного тумана» левая интеллигенция Франции? После избрания Миттерана президентом страны можно было предположить, что она от всей души поддержит левое правительство. На деле же в большинстве своем она заняла откровенно выжидательную позицию. Это заставило одного из сторонников правительства, М. Гала, поставить на страницах газеты «Монд» в августе 1983 г. вопрос: почему молчит интеллигенция? Многие известные журналисты, писатели, преподаватели, ученые откликнулись на предложенный вопрос. Обобщая полученные отклики, газета пришла к выводу, что фактически в кругах левой интеллигенции царит замешательство: «Левонастроенная интеллигенция лишилась своих корней и многих иллюзий». Очень немногие ратовали за тра-

диционные левые ценности, а те, кто поддерживал левое правительство, проявляли интерес прежде всего к проблемам экономической модернизации. Они не выдвигали идеологических программ, более того, сомневались в том, нужны ли они вообще.

М. Надю, один из знатоков авангарда, заявил в «Кинзэн литерер» (август 1984 г.), что интеллигенция вообще не должна служить какой бы то ни было власти. Левая интеллигенция должна не «одобрять», а «вопрошать», ей свойственно не присоединяться к политике, а оспаривать политику, критиковать ее недостатки, просчеты, ошибки, уступки противнику, сопротивление принципам, ею же провозглашенным.

Однако вопрос всегда стоит так: во имя кого и чего провозглашается все это? Критика всегда ведется с позиций определенной системы ценностей. М. Надю еще готов ломать копья во имя прежних левых идей, но при этом он отмежевывается от коммунистов и марксизма. Позиция интеллигенции, которая считает себя левой, но которой стало в тягость говорить о левой идеологии, освобождает поле деятельности для консервативных сил, для «реидеологизации», которую восторженно приветствуют буржуазные партии.

При анализе процессов, происходящих в современном капиталистическом обществе, встает задача выявлять и использовать то общее, что объединяет все левые силы, включая марксистов, задача объединенными усилиями противостоять консервативной, правой идеологии. Отношение неоконсерваторов и «новых правых» к левым немарксистским силам такое же, как и к коммунистам и марксистам. Даже если левые отмежевываются от марксизма и реального социализма, их обвиняют в тех же «грехах», что и коммунистов. То же самое делали фашисты, и мы знаем, к каким последствиям это привело. Не только страны социализма, но и все прогрессивные силы заинтересованы в том, чтобы многовековой гуманистический, рационалистический образ мышления оставался живым источником идей и в конце XX века. Это жизненно важный вопрос.

ГЛАВА II

ИДЕЙНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ

Консерватизм, в сущности, весьма не новая форма мировоззрения. Как политическая идеология он возник в Англии как реакция на идеи французской буржуазной революции. В 1790 г. вышла в свет книга Э. Бёрка «Размышления о революции во Франции», ставшая одной из настольных книг и современного неоконсерватизма. Бёрк выступил как противник Просвещения XVIII века, он отвергал представление о том, что разум и теория являются главными средствами в познании и преобразовании общественной жизни. История есть не результат спекулятивных размышлений, а кладезь традиций, предвидений и морали, созданной обычаями и цивилизацией. Конституции появляются тоже не в результате спекулятивных предписаний, а постепенно вырастают из многовековых традиций. Конституция французской революции, считал Бёрк, исходила из теоретических посылок и стремилась преобразовать общество на теоретической основе, тогда как конституция, порожденная английской революцией, представляла собой конгломерат традиционных обычаев, предрассудков, учреждений, но тем не менее была гармоничным единством. «Парижские философы,— пишет он,— в высшей степени безразличны по отношению к тем чувствам и обычаям, на которых основывается мир нравственности... В своих опытах они рассматривают людей как мышей».

В противовес «Декларации прав человека и гражданина», согласно которой все люди равны перед законом, Бёрк направляет основные свои нападки именно на принцип равенства, который якобы противоречит самой природе человека. Аристократические воззрения Бёрка делают для него неприемлемым экономическое равенство и заставляют сопротивляться идее политического равенства; он против того, чтобы «брадобреи» и прочий мастеровой люд управляли государством. Каждый человек, полагает Бёрк, в соответствии со своими возможностями и способностями может достичь счастья, преодолев при помощи добродетели свои невзгоды. Если человек хочет добиться счастья, он должен примириться с насилием, с тем, что другие управляют им, потому что людьми призвана управ-

лять «естественная аристократия», которая сама воздержанна и чтит добродетель. Исходя из этого, Бёрк наделяет королевскую власть священным достоинством, он не допускает возможности ее свержения, ибо это означало бы, считает он, разрушение системы, основанной на цельной традиции. Согласно провиденциалистским взглядам Бёрка, бог наслал на людей революцию как наказание, как предупреждение о необходимости вернуться к освященным практикой и опытом полезным традициям. Неоконсерваторы заимствуют у Бёрка прежде всего его суждения о неравенстве, традициях, опыте и полезности.

Другим политическим мыслителем, оказывающим большое влияние на неоконсерваторов, является А. Токвиль, один из известных представителей французского либерализма. Его политические представления подытожены в следующем высказывании: «Умом я склоняюсь к демократическим институтам, но стихийно я аристократ, следовательно, презираю толпу и боюсь ее. Свободу, законность, уважение законов я люблю страстно, но не люблю демократию». Наиболее часто цитируется его книга «О демократии в Америке», первая часть которой появилась в 1835 г., а вторая — в 1840 г. По мнению Токвиля, в Америке на первый план был выдвинут принцип равенства, последствием которого явилась демократия и сопутствующая ей нивелировка. От возможности такого развития Токвиля, по его словам, охватывает «религиозный ужас», но он хочет изучить этот процесс, чтобы найти пути воздействия на него, не допустить превращения демократии в анархию или тиранию. Он рекомендует децентрализацию, развитие малых общностей и ассоциаций, ибо «дух общности один из основных элементов порядка и всеобщего покоя». Надо образовывать всякого рода общества — политические, промышленные, торговые, научные и литературные, которые создадут элиту, способную занять место прежней аристократии. И, наконец, надо основываться на нравственных ценностях и пропагандировать чувство ответственности по отношению к общественному благу. Взгляды Токвиля имели хождение на протяжении всего XIX века (их использовал, например, И. Тэн), но и сегодня неоконсерваторы берут на вооружение его анализ демократии и даже отчасти методы ее «излечения».

В политическом мышлении Бёрка и Токвиля я обратил внимание на те моменты, которые сближают их с идеологией неоконсерватизма, какой мы можем ее встретить и в США, и в Англии, ФРГ или Франции. Конечно, это не

значит, что собственные консервативные традиции той или иной страны не играют особой роли. Например, в США влиятельны традиции «отцов-основателей», в Англии — традиции Б. Дизраэли (1804—1881) и его последователей, в ФРГ — не только консервативные традиции XIX века, но и националистические, радикально-консервативные традиции Веймарской республики, во Франции — наследие контрреволюционных мыслителей от Ж. де Местра до Ш. Морраса.

О том, что для неоконсерватизма характерно обращение к прошлому, к периоду классического капитализма, свидетельствует и обильное цитирование (особенно представителями чикагской школы политэкономии) А. Смита (1723—1790), одного из основателей буржуазной политэкономии. Известно, что этот английский философ и экономист выдвинул трудовую теорию возникновения богатства и стоимости товара. Его теория стоимости при всей своей противоречивости (ибо стоимость товара у него объяснялась то трудом, затраченным на его производство, то тем трудом, который можно было получить при товарообмене) оказала влияние на теорию стоимости Маркса, считавшего важнейшим открытием и большой заслугой Смита установление взаимосвязи между трудом и стоимостью. Однако современные почитатели Смита ссылаются не на это его открытие, а на его суждения о свободной конкуренции, об экономическом либерализме. С их точки зрения, основные положения труда Смита «Исследование о природе и причинах богатства народов», касающиеся собственности, стоимости, рынка, конкуренции и свободы, приемлемы и для современного мира.

Основным источником экономического развития Смит считал стремление людей «улучшить свою судьбу», которое «сопровождает их с колыбели и не покидает до самой могилы». Этому, согласно Смиту, естественному стремлению удовлетворяют частная собственность, свободный рынок и многочисленные способы получения прибыли. Смит подчеркивает необходимость общественного разделения труда, которое в значительной степени объясняется, по его мнению, наличием наследственных особенностей людей (правда, он признает, что просвещение способствует уменьшению возникшего таким образом неравенства). Смит противник вмешательства государства в экономику, но правительство, по его мнению, должно устанавливать правила и законы, основанные на принципе справедливости. Но данные соображения в наши дни упоминаются реже,

ибо неоконсерваторы считают, что «общество благоденствия» проявило к ним чрезмерное внимание.

Современные западные консервативно настроенные экономисты, политологи любят цитировать и другую работу А. Смита — «Теория нравственных чувств...» (1759), в которой апологетика капитализма сочетается со специфическим деизмом и пуританскими представлениями о морали. Таким образом, этическая целевая установка буржуазной системы ценностей оказывается тесно связанной у Смита с буржуазной политэкономией.

Дело доходит до того, что, например, консервативно настроенный американский политэконом М. Фридмен считает, будто японцы обязаны своими достижениями в экономической области тому, что приняли «рыночную» политику Смита. Конечно, речь идет не только о Смите, но и о Рикардо, Сисмонди и других представителях классической буржуазной политэкономии.

Шумиха вокруг Адама Смита и классической политэкономии станет понятнее, если рассматривать ее в свете кризиса, охватившего современный капиталистический мир. В 1968 г. при содействии римской Академии деи Линчеи был создан центр, состоящий из 70 ученых, который впоследствии стал известен как Римский клуб. Центр поручил Массачусетскому технологическому институту проанализировать перспективы развития человечества. В докладе «Пределы роста» (1972), подготовленном Д. Медоусом (США) и тридцатью другими авторами, были теоретически осмыслены явственно проступившие признаки надвигающегося кризиса. Но особенно сильный резонанс эта работа получила в связи с разразившимся в 1973 г. так называемым нефтяным кризисом.

Авторы доклада пришли к выводу, что если показатели экономического и демографического роста не изменятся, то к началу XXI века мир постигнет катастрофа. Население земного шара достигнет 7 миллиардов человек, тогда как в 1950 г. оно насчитывало лишь 3 миллиарда. В то же время годовой коэффициент развития мирового хозяйства не сможет идти в ногу с ростом населения. Ограниченность производства продуктов питания, оскудение источников сырья (особенно энергетических ресурсов), усиливающееся загрязнение окружающей среды — вот «пределы роста». Избежать подобного рода конфликтов, по мнению авторов доклада, можно благодаря регулированию рождаемости, ограничению потребления сырья, энергии, защите окружающей среды. В этой связи ими была предложена «мо-

дель мира», в которой в первую очередь приняты во внимание возможности развития техники и весьма мало — общественные возможности.

Первый доклад Римскому клубу «Пределы роста» породил множество дискуссий. В последующих докладах были предприняты попытки найти ответы на затронутые в нем проблемы и нарисована более оптимистическая картина развития человечества. Однако так называемый нефтяной кризис, после которого в развитых капиталистических странах возросли безработица и инфляция, подкрепил в определенных кругах ностальгию по «добрым старым временам».

В области философии неоконсерватизм противостоит не только Марксу и марксизму, но и Гегелю и вообще всему рационалистическому наследию. После второй мировой войны авторы концепций «индустриального общества», «общества благоденствия» обращались к позитивистской философии в поисках обоснования своих надежд, связываемых с развитием техники. С помощью позитивизма они стремились опровергнуть теории классовой борьбы и вытеснить «идеологии», вредные для капиталистического общества. В 50 — начале 60-х годов было модно говорить о «конце идеологии», как об этом свидетельствуют работы Р. Арона во Франции и Д. Белла в США.

В эти годы большая часть интеллигенции, особенно гуманитарной, интересовалась марксизмом. Достаточно отметить попытку Ж. П. Сартра в «Критике диалектического разума» (1960) привести в согласие с марксизмом экзистенциалистски трактуемую феноменологию и психологию.

Однако кризисные явления 60-х годов подтвердили, что ни гуссерлианская феноменология, ни неопозитивизм или структурализм не могут вытеснить «идеологию». Наоборот, стало очевидным, что сознание играет большую роль в разрешении противоречий современного капиталистического общества. Из опыта парижских событий 1968 г. и движения «новых левых» представители господствующего класса — технократы, либералы и консерваторы — сделали вывод о необходимости создания идеологии, которая обновила бы и прежние религии, и иррационалистическую философию, согласовывалась с определенными положениями «новых левых», но при этом была бы направлена против марксизма. В результате оживился интерес к немецкой философии жизни от Ницше до Хайдеггера.

Венгерский философ Д. Лукач в книге «Разрушение разума» (1954) развивает мысль о том, что философия жизни стала господствующей идеологией империалистической Германии. Ее представителями были Дильтей, Зиммель, Шпенглер, Шелер, экзистенциалистские философы Хайдеггер, Ясперс и такие профашистские и фашистские философы, как Клагес, Юнгер, Розенберг. Философия жизни — идеалистическая философия, она устанавливает гносеологическую зависимость бытия от сознания, в центре ее внимания стоит субъект. Согласно воззрениям ее представителей, жизнь наделяется некой опосредствующей ролью между объектом и субъектом: жизнь претворяется в переживания, переживания же объективируются в жизнь. Такого рода построение выдается за преодоление дуализма, разрыва между миром и человеком. Аналогичную роль играет в философии жизни и миф, который уже у Ницше вторгается в процесс создания философских понятий: мифически истолкованная предметность воплощается в субъекте и тем самым порождает определенный вид объективности.

Каждое оживление иррационалистических тенденций в западной философии пробуждает интерес к философии Ницше. В упомянутой книге Лукач характеризует его как основоположника иррационализма эпохи империализма, но при этом Ницше выступает как представитель интеллигенции, которая бунтует против капитализма, но не порывает с ним, а, напротив, заключает с ним множество компромиссов. «Социальный заказ», который выполняет философия Ницше, пишет Лукач,— это «спасение», «искупление» такого типа буржуазной интеллигенции. Ницше показывает ей путь, который не требует разрыва с буржуазией, более того, снимает напряженность в отношениях с нею. На этом пути у человека складывается приятное нравственное ощущение, что он бунтует, а кроме того, противопоставляет «поверхностной», «внешней» социальной революции более основательную «космически-биологическую» революцию. Надо сказать, что ницшеанский бунт оказал влияние не только на правых, но и на либеральных буржуазных мыслителей. Он действительно давал и тем и другим удобное мироощущение, если приверженцы Ницше не шли дальше него. Однако в наши дни философия Ницше воздействует не столько идеей бунтарства, сколько своим отрицанием социальной революции и инспирированием разного рода космическо-биологизаторского мифотворчества.

Неоконсерватизм и «новые правые» используют не только иррационализм и мифотворчество Ницше, но и его суждение об элите (разумеется, отмежевываясь от фашистской интерпретации «сверхчеловека»). Немецкий философ считал неравенство естественной необходимостью. «Сверхчеловеку» дозволено то, что так называемому «стадному» человеку не дозволено. Последователи Ницше в конце XX века не могут принять полностью эти аристократические взгляды. Но они тоже проводят различие между толпой и элитой и говорят о том, что для спасения человечества необходимо существование некоего харизматического руководящего слоя.

С новой силой ощущается влияние экзистенциализма, но уже не сартровского типа с его социальной направленностью, приверженностью к прогрессу, а представленного философией М. Хайдеггера. В своей книге «Бытие и время» (1927) Хайдеггер дал, по словам Лукача, достаточно жизненное описание мироощущения, которое империалистический капитализм вызвал после первой мировой войны у тех, кто не мог и не хотел выйти за рамки переживаний своего собственного бытия, заниматься выявлением общественно-исторических причин, вызывающих такое мироощущение. Хайдеггеровское «описание» подобного мироощущения стало вновь приобретать актуальность, несмотря на то что условия, в которых протекает современный кризис, отличаются от тех, что сложились после первой мировой войны.

В «Бытии и времени» Хайдеггер выдвинул на первый план индивидуальное бытие (после 1945 г. иррационалистический характер его философии еще более усилился). Согласно его воззрениям, человеку, желающему осуществить свое бытие, надо стремиться «стать подлинным», внимать «зову совести», пребывать в так называемой «открытости». «Открытость» же заставляет осознать, что бытие греховно, и ставит перед человеком задачу готовиться к смерти. Этот стоический вывод, так часто встречающийся у моралистов прошлого, приобретает у Хайдеггера особое звучание, усиливая ощущение кризисной ситуации. Смерть придает достоинство смертному человеку. Умирать — значит быть способным к смерти как смерти. Умирает лишь человек, зверь заканчивает свое существование. Готовность к смерти напоминает человеку о боге, его существовании.

Некоторые западные интерпретаторы называют идеалистическую философию позднего Хайдеггера «философией свободы», ссылаясь на такие его высказывания, соглас-

но которым основой всякого рода понимания является свобода: «свобода — основа основ». Но свобода, о которой идет речь, имеет субъективный характер, а ее проявления мистифицируются. Хайдеггер — противник активного изменения мира, а после 1945 г. он резко выступал против технизации современного мира. Он пришел к выводу, что надо преодолеть технику и порожденные ею формы социального отчуждения. Здесь философия Хайдеггера не очень оригинальна, но своим крайним субъективизмом и иррационализмом она оказала и оказывает заметное влияние на западную интеллигенцию. Воздействует она и благодаря своему стилю, в котором слиты черты поэтического и теоретического мышления.

Современные теоретики неоконсерватизма часто упоминают и имя немецкого философа М. Шелера (1874—1928). Шелер использовал феноменологию Э. Гуссерля для «научного» обоснования иррационалистической философии, прежде всего с нравственной точки зрения. В 1919 г. вышла его книга «О разрушении ценностей». В ней Шелер выступил за создание новой метафизики, которая обосновала бы новую иерархию ценностей, на вершине которой находится «святой». Ценностью Шелер называет непосредственный смысл цели, который у него не отождествляется с долженствованием. Ценность независима от времени, вечна и неизменна. Индивид связан с обществом, но Шелер признает лишь два общественных института: церковь, которая воплощает святость, и нацию, в которой воплощаются культурные ценности. Гарантию такой системы ценностей он вначале искал в боге, но в конце жизни богом у него становится человек, а основным средством претворения ценностей — любовь, сострадание к ближнему.

Интерес к Шелеру свидетельствует, в частности, и о том, что история философии привлекает пристальное внимание западной интеллигенции. Поэтому не удивительно, что в литературе неоконсервативного толка мы вновь и вновь встречаемся с именем О. Шпенглера. Автор «Заката Европы» (1918—1922) отвергал идею исторического прогресса. Согласно Шпенглеру, история есть последовательная смена исторически независимых друг от друга, неповторимых культур. Эти культуры представляют собой организмы, возникающие, расцветающие и отмирающие. Задача философии истории — познать морфологическую структуру таких культур, наделенных особой «душой». Шпенглер вывел, что приблизительно раз в тысячу лет

происходит смена больших культур, прежние погибают, новые рождаются.

Но прежде всего немецкого философа занимает культура XX века, которая, по его мнению, находится на пороге своей гибели. Что свидетельствует о ее упадке? Шпенглер различает культуру и цивилизацию; стадия цивилизации является признаком упадка (декаданса). «Каждая культура имеет собственную цивилизацию...— пишет он,— цивилизация — неизбежная судьба культуры... Цивилизация — крайнее и наиболее искусственное состояние, которое может вынести человек. Как только какая-нибудь культура создает собственную цивилизацию, она достигает состояния декаданса».

Единственным средством, способным придать новые силы находящейся в упадке западной культуре, Шпенглер считает «прусский социализм», основы которого заложены при Фридрихе Вильгельме I. Этот «социализм» Шпенглер предлагает возродить в XX веке. Аристократическому, иерархическому, бюрократическому «прусскому социализму» Шпенглер стремится придать вид научности. Его циклический взгляд на историю имел и имеет немало сторонников (например, английский историк и социолог А. Тойнби), особенно в кризисные времена. Поэтому не вызывает удивления возрождение интереса к Шпенглеру на Западе, скажем, его «открытие» во Франции, где его почти не знали в период между двумя мировыми войнами.

Неоконсервативная идеология часто отрицает свою причастность к иррационалистической философии и охотно обращается к работам философов неопозитивистского Венского кружка, прежде всего для того, чтобы найти в них суждения об относительности человеческого познания, тщетности поисков закономерностей в истории, иллюзорности идеи прогресса. К числу философов Венского кружка непосредственно относятся Р. Карнап, О. Нейрат, Ф. Франк, Г. Фейг, А. Мейер, Э. Нагель, Ч. Моррис. В известной мере к ним принадлежит и К. Поппер. Наибольшее влияние на неоконсерваторов оказала прежде всего философия истории Поппера. Как и другие представители Венского кружка, он связывает критерий научности с возможностью эмпирического контроля, принимает принцип верификации, предполагающий сравнение высказывания с тем фактом, к которому оно относится, чтобы таким путем выявить его истинность или ложность. Такое уважение к фактам весьма привлекательно, однако область применения данного принципа заведомо ограниченна.

Самая популярная книга Поппера называется «Открытое общество и его враги». Она вышла в свет непосредственно после второй мировой войны. Поппер анализирует в ней особенности исторического познания и исторического процесса, трактует проблемы социологии, политики, критикует Маркса за якобы «профетический», пророческий характер его учения. Суть его рассуждений сводится к тому, что универсальных исторических законов не существует. Те, кого интересуют «законы», должны заниматься не историей, а какой-то другой «генерализирующей» наукой, например социологией. Историк может лишь описывать события и находить их непосредственные причины.

Надо перестать искать в истории смысл. Вместе с тем Поппер признает, что истории можно *придать* смысл. Это и призвано делать, согласно его концепции, так называемое «открытое общество», выступающее в интересах разума, справедливости, свободы, равенства, осуществляющее контроль за международными конфликтами и, разумеется, тождественное по существу буржуазной демократии. Поппер следующим образом формулирует свою позицию: «Вместо того чтобы позировать в качестве пророка, давайте станем кузнецами собственной судьбы. Давайте научимся делать свое дело так хорошо, как только возможно, и будем признавать свои заблуждения. Давайте откажемся от мысли, что история власти может служить нам судьей, давайте не будем ломать голову над тем, оправдывает нас история или нет. Тогда, возможно, мы достигнем того, что станем контролировать власть. Таким способом мы можем со своей стороны оправдать историю. Она очень даже нуждается в оправдании» [1].

Выпады Поппера направлены против принципа историзма, который он отождествляет с утопизмом. Он считает, что поиск взаимосвязей в истории, по существу, служит подкреплением мессианских взглядов. Так он оценивает и исторический материализм. На амстердамском конгрессе историков в 1948 г. в своей речи, тезисы которой Поппер более подробно развил в книге «Нищета историцизма», он так сформулировал свое понимание задач истории и общественных наук вообще: выявлять непредполагаемые общественные последствия намеренных действий людей. По мнению Поппера, именно этим путем можно приблизиться к тому, что он называет экспериментальны-

---

[1] *Popper K. R.* The Open Society and its Enemies. L., 1947, p. 266—267.

ми общественными науками, и понять их задачи. Общественные науки, считает он, должны отказаться от пророчеств и заняться поисками ответов на вопрос, что надо и что не надо делать в области политики.

Поппер не довольствуется тем, что, как исследователь, отказывается от познания закономерностей общественного развития. Как политик, он открыто выступает против социальных революций. В названном докладе он говорит о том, что согласен с некоторыми «гуманитарными» целями марксизма, но добавляет: «Я убежден в том, что этих целей нельзя достичь посредством революции. Более того, я убежден, что революционные средства только ухудшают состояние дел, увеличивают ненужные страдания, приводят ко все большему применению насилия и разрушают свободу». Поппер выступает за такую общественную систему, которая обходится без революции, и называет ее демократией. После этого не удивительно, что неоконсерваторы рассматривают Поппера как одного из своих сторонников.

Среди западных социологов большим влиянием пользуется М. Вебер (1864—1920), отдавший дань и философии духа, и позитивизму. Вебер выдвинул понятие так называемых «идеальных типов», которые не отражают действительность, а являются субъективным методологическим средством для систематизации и понимания отдельных явлений. С помощью этих искусственно сконструированных «идеальных типов» исследователь может сравнить свою точку зрения с действительностью. Тем самым Вебер тоже пытается обойтись без признания существования объективных закономерностей исторического развития. Для него существуют лишь отдельные события, которые можно понять, учитывая личный смысл и личную мотивацию действующих индивидов.

В многоплановой концепции Вебера современная буржуазная мысль особенно выделяет в противовес марксизму значение культурных и вообще духовных факторов. В данной связи часто приводятся высказывания из работы Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», в частности такое: «Одной из конститутивных творческих частей современного капиталистического духа, и не только его, но и всей современной культуры, является рациональное видение жизни, основанное на идее призвания, порожденной христианским аскетизмом» [1]. Это высказывание ци-

[1] *Weber M.* Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. Tübingen, 1934, S. 202.

тируют для доказательства примата сознания в общественном развитии и в подтверждение того, что новую систему ценностей общества можно создать идейными же средствами.

Воздействие работ Вебера объясняется не только указанными положениями его концепции, но и проведенным им различением между господством и властью. Власть, по Веберу, в рамках определенных общественных связей способна претворять свою волю при любых обстоятельствах, независимо от того, что лежит в ее основе. Господство же связано с готовностью людей повиноваться тем или иным содержательным приказам. Господство ищет своей легитимизации, законного подтверждения. Возможно различного типа господство: рациональное, традиционное и харизматическое. Рациональное господство Вебер отождествляет с бюрократией, и ныне это веберовское представление о бюрократическом господстве распространяется неоконсервативными идеологами на все современное общество — и на капиталистическое, и на социалистическое. Неоконсерватизм предпочитает традиционный и харизматический типы господства, для которых характерна сильная централизованная власть.

В ФРГ, да и за ее пределами, большим влиянием пользуется «префашистская социология». Одним из ее основных представителей являлся Г. Фрайер, который в 20-е годы, анализируя соотношение «духа» и «власти», пришел к выводу, что то и другое связывает вместе «общность» (Gemeinschaft), формами которой являются мифы, культы и язык. По Фрайеру, в период капитализма «общности» распадаются, появляются классы и возникает классовая борьба, теоретическим выражением которой является исторический материализм. Подобному «декадентству» он противопоставляет революцию «правого толка» (его книга, вышедшая в 1931 г., носит название «Революция справа»), в ходе которой возникает новое государство, восстанавливающее в своих правах «общность».

Сходные взгляды на государство высказывал и такой философ права, как К. Шмитт. В своих работах, написанных в 30-е годы, он выступал против либерализма. Оперируя такими категориями, как «друг — враг», он провозглашал тезис о необходимости сильного государства и его «вождя», дойдя до того, что Гитлер предстал у него как защитник «добра». После второй мировой войны «префашистскую социологию» постарались обелить, и это удалось, так как ее сторонники очень быстро сориентирова-

лись в аденауэровской ФРГ. Свои размышления об «общности» и государстве неоконсерваторы часто подкрепляют положениями «префашистской социологии».

И для прежнего иррационализма было характерно, что в поисках обоснования он обращался к биологии. Новые открытия в биологии наших дней способствовали возрождению этой тенденции. В прошедшие десятилетия генетики много занимались проблемой влияния генетических и социальных факторов на интеллектуальное развитие человека. Признавая большую роль наследственных факторов, большинство исследователей констатирует, что все-таки в конечном итоге именно общественная среда определяет, какие из наследственных способностей находят свое проявление, а какие нет. Следовательно, границы возможностей индивида обусловлены генетическими факторами, но как будет складываться развитие того или иного индивида, решается воспитанием и средой. Однако в этой, казалось бы, уравновешенной системе представлений, учитывающей и те и другие факторы, проглядывают внушающие беспокойство тенденции.

Так, американский биолог А. Р. Йенсен, занимающийся проблемой взаимосвязи наследственности и образования, пишет в одной из своих статей, опубликованных в сборнике «Генетика и образование» (Лондон, 1972), что, даже если учитывать различные внешние обстоятельства, люди с признаками умственной отсталости среди негритянского населения США встречаются в шесть — восемь раз чаще, чем среди других его слоев. 20—30 процентов негритянских детей в крупных городах страдают серьезной психической ущербностью, и это превращается в проблему для всей страны, потому что именно негритянское население растет особенно быстрыми темпами.

Йенсен исследует уровень интеллектуального развития представителей не только различных рас, но и различных общественных классов, групп, профессий. Он констатирует, что среди низших слоев общества чаще встречаются люди с признаками умственной отсталости, а среди одной и той же категории населения она встречается чаще у негритянских детей, чем у белых. Йенсен приходит к выводу, что образование способствует развитию умственных способностей, но следует учитывать не только данный, но и другие факторы, способствующие гармоничному развитию личности. Однако при всех оговорках нельзя скрыть того факта, что, по Йенсену, расово наследуемый низкий уровень интеллектуальности является в конечном счете

определяющим с точки зрения социального и культурного развития.

И другие отрасли биологии тоже используются для обоснования идеи неравенства. Американец Э. О. Уилсон в 1975 г. издал работу «Социобиология: новый синтез». Хотя книга в основном посвящена поведению насекомых, но на основе проведенных исследований автор делает определенные выводы относительно всего мира живых существ, в частности поведения человека.

Согласно Уилсону, социобиология занимается изучением биологической основы всякого общественного поведения. Метод, который он использует,— двойственный. С одной стороны, на основе эволюционной теории он выявляет механизмы поведения живых существ, начиная от простейших видов животных и до человека: какие механизмы поведения складываются по отношению к группе, потомству, роль агрессивности, сексуальности и т. д. Уилсон не отрицает воздействия окружающей среды, но объясняет особенности различного рода поведения прежде всего наследственностью, причем это касается не только поведения животных, но и человека. Он вводит такие понятия, как «замкнутость» и «неизменность» поведения. Это вторая сторона его метода, которая встречает резкие возражения других ученых. Так, биолог Р. Левонтин считает социобиологию биологическим редукционизмом, поскольку она берется объяснять сложные явления с помощью одного фактора и механически применяет дарвиновскую теорию эволюции.

Социобиология пытается опереться в своих целях и на этологию, наиболее крупный представитель которой австрийский ученый К. Лоренц в 1973 г. был удостоен Нобелевской премии. Этология изучает поведение животных и стремится выявить соответствующие физиологические, биохимические, генетические процессы, связанные с ним. Большой заслугой Лоренца является дальнейшая разработка понятия инстинкта, выявление различных типов инстинктов. Рефлекс представляет собой ответную реакцию на внешнее раздражение, и он может быть вызван лишь адекватным ему раздражителем. Инстинктивное действие является стереотипным движением, соответствующим наследственной схеме. Оно может происходить как спорадически, так и постоянно, а при соответствующем внутреннем состоянии может совершаться и без внешних раздражителей. Анализируя формирование поведения, Лоренц различает унаследованные и приобретенные его элементы,

исследует иерархию этих элементов. Этологи уделяют большое внимание наблюдениям за поведением различных видов животных с точки зрения его приобретенных и унаследованных элементов. Они придают большое значение выявлению того механизма, благодаря которому активизируются отдельные унаследованные схемы движения.

Вопрос состоит в следующем: в какой мере положения так называемой натуралистической этологии применимы к поведению человека. По Лоренцу, человек — часть животного мира и наиболее глубинные слои его психики, определяющие его поведение, сложились биологически; они влияют на его действия и на стадии культурной эволюции человека. И хотя он считает, что закономерности поведения животных можно перенести на человека лишь с оговорками (Лоренц говорит, что он просто зоолог, ученик Чарлза Дарвина), в некоторых работах он делает достаточно определенные обобщения.

Особенно показательна в этом отношении его работа «Восприятие формы как источник научного познания», вышедшая в свет в 1959 г., на которую охотно ссылались и «новые левые». Мысль Лоренца здесь сводится к тому, что аналитическое мышление и мышление, ориентирующееся на формы, должны взаимно дополнять друг друга. Формы мышления являются формами социальными. Семья, народ, нация, а в перспективе общность народов как условия, в которых протекает деятельность и поведение человека, должны изучаться на основе достижений этологии. В своей работе «Привычки, церемонии, колдовство» Лоренц проводит мысль о том, что ритуалы выполняют тройную функцию: коммуникации, контроля за агрессивностью и формирования связей между индивидами, относящимися к одному роду. Ритуалы становятся автономными регуляторами поведения и приобретают большую самостоятельность. Данное положение австрийский этолог применяет к формам поведения различных групп людей и в этой связи подчеркивает большое значение традиций, сформировавшихся привычек, ритуалов.

Лоренц затрагивает и проблемы истории. В своих философских по характеру работах по истории человечества он приходит к выводу, что общественное поведение определяется не только разумом и культурными традициями, но и закономерностями, определяющими поведение всех живых существ. Человек унаследовал от животных предков не только такие вредные инстинкты, как агрессивность, но и определенные правила общежития. Лоренц счи-

тает, что «естественные наклонности человека вовсе не такие уж и плохие. Человек с юности не плох, он лишь *недостаточно хорош* по отношению к требованиям, выдвигаемым современной общественной жизнью»[1]. Современное общественное бытие лишает человека возможности свободно следовать своим хорошим и плохим инстинктам, что вызывает определенные психические последствия. Но Лоренц не исключает, что природные инстинкты могут действовать и во вред человеку. Человек — двуликий Янус. Он способен служить высоким идеалам, но это осуществляется на основе «биологической структуры поведения», а ее животная природа таит в себе опасность, что человек может причинять зло своим собратьям. Ecce homo («таков человек»), говорит Лоренц, и отсюда можно сделать вывод, что человек крепко привязан к своей животной природе и в делах общественной жизни необходимо принимать во внимание его унаследованные природные особенности.

Биологизаторский подход лежит в основе и философской антропологии А. Гелена. Его основное сочинение появилось в 1944 г. под названием «Человек. Его природа и его положение в мире», и тогда его взгляды во многом соответствовали фашистской интерпретации философии жизни. После второй мировой войны Гелен вместе со своим учителем Г. Фрайером принял участие в разработке проблем «индустриального общества». В книге «Душа в эпоху техники» (1957 г.) он сосредоточил внимание на идейно-ценностной проблематике «индустриального общества». Опираясь на философию М. Шелера, этологию Я. фон Икскюля и А. Портмана, зоологические исследования Л. Болька, он стремился создать философскую антропологию, которая послужила бы основой для современных представлений о человеке.

По Гелену, особенностью человека как биологического вида является его незащищенность и беспомощность. Стремление к преодолению этих недостатков и лежит в основе истории человечества, оно делает человека активным существом. Гелен следующим образом формулирует свое антропологическое кредо: «Человек — деятельное существо. Но в более глубоком смысле он «еще не получил своего определения», то есть для себя самого он еще выступает как задача. Человек, можно так сказать, есть суще-

---

[1] *Lorenz K.* Der sogenannte Böse: Zur Naturgeschichte der Agression. München, 1974, S. 234.

ство, имеющее свою точку зрения. Акт проявления своего отношения к внешнему миру мы называем действием. И поскольку человек для самого себя является задачей, то и по отношению к себе он высказывает свою точку зрения и «делает себя чем-то».

Это рассуждение делает понятным, почему антропология Гелена столь притягательна для последователей философии жизни, хотя аргументация Гелена представляет интерес лишь до тех пор, пока речь идет о связи человека с миром животных. Но как только встает вопрос о происхождении человека, он говорит о «двусмысленности» этого вопроса. Данное обстоятельство вызывает в его философии конфликт между биологией и метафизикой.

Природу человека Гелен трактует метафизически, поскольку он не находит достаточных объяснений на этот счет ни в животном мире, ни в истории. В конечном счете он делает предположение о существовании в далеком прошлом нашего биологического предка, некоего древнего существа, которое, став человеком, потеряло свою так называемую «органическую специфичность» и вследствие этого оказалось вынужденным создавать условия для своего бытия искусственными средствами, то есть действовать в интересах поддержания собственного существования (данное положение восходит к Гердеру). Гелен односторонне выпячивает духовные потребности человека, более того, противопоставляет их его материальным потребностям.

Гелен предпринял попытку структурного исследования человека, особенно формирования деятельности и языка, однако без обращения к понятиям труда и социальной жизни. Деятельность человека у Гелена прежде всего отнесена к нему самому, а не к внешнему миру, в результате он заведомо ограниченно трактует общественную сущность человека, игнорирует историю. И с этой шаткой позиции он критикует марксизм, считая его смесью философии истории и теории науки, утопией с точки зрения развития личности и ликвидации социального отчуждения.

Таковы некоторые идейные источники неоконсерваторов и «новых правых». Стремясь прежде всего создать так называемую политическую философию, они используют для этой цели ряд концепций современной буржуазной философии, общественных наук и биологии. Все эти разнородные элементы соединяются и используются против марксизма и буржуазного либерализма.

ГЛАВА III

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ И «НОВЫЕ ПРАВЫЕ» В США

И демократическая, и республиканская партии США в равной степени стремятся к сохранению существующего общественно-экономического строя и различаются между собой лишь средствами, которые предлагают для достижения этой цели. Американские политологи называют следующие характерные черты консерватизма старого типа: ограничение исполнительной власти, национализм регионального характера, милитаризм, патриотизм, подчеркивание личной ответственности, воинственный антикоммунизм и традиционная мораль. Именно такой консерватизм поддерживается Обществом Джона Бэрча, так называемым «Христианским антикоммунистическим крестовым походом» или расистским ку-клукс-кланом, который представляет крайне правую ориентацию. Демократическая партия считает необходимым более широкое вмешательство государства в экономику в духе так называемого «общества всеобщего благоденствия», то есть выдвигает на первый план определенные социально-экономические мероприятия, которые предполагают усиление федерального централизма.

Политические наблюдатели уже в 70-е годы указывали на то, что идея рузвельтовского «нового курса», то есть идея государства, ратующего за «всеобщее благоденствие» или по крайней мере желающего разрешить социальные проблемы, отошла на задний план. Это проявилось в том, что политическая активность стала носить местный характер, а интерес к общеполитическим вопросам ослаб. Отмечалось также, что крупные партии почти утратили свои своеобразные черты, а вместе с тем и свою значимость, ибо люди перестали отождествлять себя с ними. В американской политической жизни на первый план выдвинулись президентские выборы. Характерным явлением стало возникновение коалиций, то есть группировок, не представляющих собой политического направления и не имеющих четкой идейной системы.

Американская политическая идеология определяется «прописными истинами» капитализма — свободным рынком и связанной с ним возможностью получать прибыли,

а также индивидуализмом, основанным на личной предприимчивости. Эти позиции лежали в основе и либерализма, и демократизма в политике, ими руководствовались как демократическая, так и республиканская партии. Менее влиятельны идеология радикализма, правый и левый популизм, социализм (в его социал-демократическом истолковании), анархизм, освободительное движение национальных меньшинств, движение за равноправие женщин, марксизм [1].

Усиление кризисных явлений в экономике и особенно их устойчивый характер во второй половине 70-х годов укрепили консервативные направления. Этому способствовал в дальнейшем крах внешней политики Дж. Картера, ослабление великодержавных позиций США, часто преувеличиваемое в пропагандистских целях.

Накануне президентских выборов 1980 г. на основе изучения общественного мнения сложились две точки зрения на положение американского консерватизма. Институт Гэллапа зафиксировал определенное падение числа консервативно настроенных американцев по сравнению с предыдущими годами. Согласно его опросам, в 1972 г. 39 процентов американцев считали себя консерваторами, в сентябре 1980 г.— лишь 31 процент. Другое исследование констатировало возрастание волны консерватизма начиная с 1976 г. Тогда 31 процент американцев считали себя консерваторами, в 1980 г.— 34 процента. Видимо, последнее исследование оказалось более точным.

Стоит обратить внимание на те общественно-экономические показатели и систему ценностей, которые были выявлены при исследовании общественного мнения. Согласно полученным данным, большинство консерваторов обладают более низким образованием, чем либералы, но большими доходами, чем они. Среди них больше мужчин, чем женщин, многие представляют собой людей пожилого возраста. Большинство из них протестанты или католики, большинство — белые. 69 процентов употребляют алкогольные напитки, 53 — имеют дома оружие, 50 — более или менее регулярно ходят в церковь, 30 — считают, что дела в США идут плохо, 57 — выступают против абортов, 82 — против узаконения потребления марихуаны, 87 — считают нужным ввести в школах молебны, 79 процентов — за введение смертной казни [2]. В этих опросах явственно обнаруживает-

[1] *Dolbeare K. M., Dolbeare P.* American Ideologies. Chicago, 1976.

[2] «Public Opinion» (февраль — март 1981), «Time» (июнь, № 1, 1981) опубликовали данные, согласно которым против вмешатель-

ся старая консервативная система ценностей, которая выражается прежде всего в расовых, националистических и религиозных предрассудках.

Согласно некоторым исследованиям, в США насчитывается около 30 миллионов так называемых евангелизированных американцев. Среди них 10 процентов — католики, остальные протестанты, 25 процентов — негры, остальные белые. На это «евангелистское» движение сильное воздействие оказывают телевизионные проповедники, которые не довольствуются толкованием Библии, призывами уподобиться божественной сущности Христа, учением о том, что Христос является личным «спасителем» каждого, но предпринимают и политические акции по отношению к тем, кто не согласен с их традиционистскими взглядами. По мнению некоторых социологов, «евангелистское» движение существует параллельно с консервативной волной и между ними нет причинно-следственной связи. Но при этом признается, что то и другое взаимно укрепляют друг друга [1]. Сторонники данного движения, называющие себя фундаменталистами или моральным большинством, сегодня уже выступают против преподавания некоторых научных дисциплин в школе, особенно против дарвинизма, требуют изъятия из библиотек книг, с которыми они не согласны и которые они иногда даже публично сжигают.

В выдвижении консерватизма на авансцену политической жизни США сыграли свою роль те представители интеллигенции, которые, принадлежа к различным идеологическим направлениям, выступали против «государства благоденствия». Ряд авторов, и среди них П. Стейнфелс в своей книге «Неоконсерватизм. Люди, которые меняют политику Америки?», причисляют к неоконсерваторам только одну группу интеллигенции, называя имена И. Кристола, Д. П. Мойнихена и Д. Белла. Несомненно, эти люди, начинавшие с так называемого неолиберализма, сыграли значительную роль в переориентации части интеллигенции, но кроме них имелись и другие группы, даже школы, которые поставляли идеи, способствовавшие укреплению неоконсерватизма.

Уже после 1945 г. возникли различные группы, кото-

ства правительства в экономическую жизнь высказались 62 процента опрошенных, за превращение страны в могущественную военную державу — 72, 60 процентов высказали мнение, что средства массовой коммуникации пропагандируют антиморальную систему ценностей.

[1] Commentary, February, 1981.

рые противостояли весьма распространенным тогда левым настроениям среди интеллигенции. К одной из таких групп относят бывших либералов, выступавших против вмешательства государства в экономическую жизнь. Большое влияние на них оказали австрийские экономисты Ф. фон Хайек и Л. фон Мизес, переселившиеся в США. К другой группе относят так называемых традиционалистов, например, социологов П. Вирека и Р. Низбета. Третья группа состоит из религиозных проповедников антикоммунизма, предшественником которых был Дж. Бэрнхем. Представители этой группы печатались в журнале «Нэшнл ревю», основанном У. Ф. Бакли в 1955 г., и стремились обновить консерватизм, прежде всего в политике и социологии [1].

Кроме того, обновлению консерватизма в немалой степени способствовала и деятельность новой школы политэкономии. В США долгое время (и в этом смысле президенты-республиканцы не представляли исключения) господствовали сложившиеся в 30-е годы воззрения английского экономиста Дж. М. Кейнса, согласно которым увеличение потребления может гарантировать развитие и расширение производства, ликвидировать кризисы, а для этого государство должно вмешиваться в экономику прежде всего посредством крупных капиталовложений и мероприятий в области социальной политики. Но с самого начала у этого учения были и противники, которые придерживались принципа свободной конкуренции.

Хайек, после 1945 г. оставшийся в одиночестве в результате своей упрямой защиты свободной конкуренции, сейчас считает, что время работает на него, ибо идеи, которые он отстаивал, сегодня претворяются в политике. Он нахваливает Тэтчер, Рейгана и их советников, а среди них конечно же М. Фридмена, а также Р. Барра и Ф.-Й. Штрауса, которые его поняли.

Исходная позиция концепции Хайека сугубо антирационалистическая. Он отрицает возможность сознательного преобразования общества и верит в стихийную способность рынка придать здоровую ориентацию экономике. Хайек считает нужным любой ценой остановить инфляцию, даже за счет роста безработицы. В этом плане он не согласен с Фридменом, который рекомендовал Тэтчер растянуть снижение инфляции на два-три года. Ему хотелось бы, чтобы правительства приняли его советы, которые основывают-

---

[1] *Nash G. H.* The Conservative Intellectual Movement in America since 1945. N. Y., 1976.

ся на его представлениях о классическом капитализме и практически отвергают идею государства-попечителя, а заодно и идею социальной справедливости. Он предлагает свести до минимума и децентрализовать помощь тем, кто находится в неблагоприятном положении. Он против государственной помощи развивающимся странам и считает нужным подходить дифференцированно к вопросу о частных капиталовложениях в государства, которые избрали капиталистический путь развития, и в государства социалистической ориентации. В экономическом плане Хайек провозглашает необходимость денационализации денег и одновременно говорит об определяющей роли цен в международной торговле. В политическом плане ему хотелось бы вернуться к взглядам Монтескье о четком разделении законодательной и исполнительной власти, что опять-таки предполагает ограничение государственного вмешательства в экономику [1].

Его последователь М. Фридмен в 1976 г. был удостоен Нобелевской премии за труд, главная идея которого сводится к тому, что рынок должен регулироваться так называемыми монетарными средствами, то есть деньгами, имеющимися в обращении. В соавторстве со своей женой Р. Фридмен в 1962 г. он издал книгу «Капитализм и свобода», в которой стремился доказать, что лишь капитализм в условиях свободной конкуренции способен привести в соответствие политическую свободу и экономическую эффективность. Экономическая свобода, по Фридмену, сама по себе выступает как цель и одновременно является средством осуществления политической свободы. Экономическая свобода — это свобода рынка, исключающая вмешательство правительства. Хорошо функционирующий свободный рынок, считает он, может ликвидировать всякую дискриминацию и создать условия для свободы. Этих же взглядов, по Фридмену, придерживается и либеральная философия, признающая необходимость юридического равенства, но не равенства экономического, которое, по ее мнению, препятствует развитию и свободе.

В книге «Свободно выбирать. Личная точка зрения», вышедшей в 1979 г., чета Фридменов в более подробной и популярной форме изложила свои взгляды на экономику и общество. Рейган следующим образом представил ее читателям: «Прекрасная книга. Фридмены дают красноречивый диагноз тех проблем, которые стоят перед Америкой,

---

[1] L'Express, 1980, 20 December.

и с воображением предлагают пути для их решения. Эту книгу должен прочитать каждый, кого волнует будущее Америки, от президента до простого гражданина».

Фридмены исходят из того, что основой американского прогресса должно быть соединение провозглашенного А. Смитом принципа свободной конкуренции и зафиксированной Т. Джефферсоном, третьим президентом США, политической демократии, то есть соединение экономической и политической свободы. После кризиса 1929—1933 годов руководство США отошло от этой политики, в результате чего возникло так называемое welfare state, «государство благоденствия», за которым, пишут Фридмены, стояла противоречащая американским традициям идея социального равенства. Равенство в американском политическом мышлении означало равенство перед богом и законом, но никак не экономическое равенство. Неравенство же объясняется, с одной стороны, индивидуальными различиями людей, а с другой — и это главное — духом капиталистической конкуренции, теми экономическими стимулами, которыми она подкрепляется. Из всего этого следует, что на первое место надо ставить свободу, ибо «общество, которое ставит на первое место равенство — понимая его как равенство доходов,— кончает тем, что в нем нет ни свободы, ни равенства» [1].

Одним из проявлений политики равенства, по Фридменам, являются чрезмерные государственные дотации системе образования. В связи с мероприятиями по защите интересов потребителей они выступают против больших государственных расходов, стремления к регулированию цен, против законов, запрещающих продажу наркотиков и отдельных видов продовольствия, чрезмерного контроля за соблюдением мер по охране окружающей среды и регулирования расхода энергии. Профсоюзы, призванные защищать интересы рабочих, они критикуют за слишком большую власть, за ущемление интересов высококвалифицированных работников. Супруги Фридмены выступают против пособий по безработице и считают, что в плане применения рабочей силы свободный рынок тоже предоставляет большие возможности, потому что увеличение зарплаты сопровождалось бы повышением производительности труда, увеличением капиталовложений, ростом квалификации рабочих и тем самым способствовало бы всеобщему благу.

---

[1] *Friedman M., Friedman R.* Free to Choose: A Personal Statement. New York — London, 1980, p. 148.

При этом были бы вынуждены работать те, кто не работает, улучшилась бы трудовая дисциплина.

Наиболее подходящим средством для стимулирования частного предпринимательства, увеличения частных капиталовложений Фридмены считают уменьшение налогов. Их занимает и проблема инфляции, прежде всего с позиций монетаризма. Они подчеркивают, что инфляция в первую очередь явление монетарное, свидетельствующее о том, что количество денег, имеющихся в обращении, растет быстрее, чем производство. Существует единственный способ затормозить инфляцию — уменьшить норму наращивания имеющихся в обращении денег. Они считают ложной дихотомию: инфляция или безработица. Рост инфляции приводит к росту безработицы, но избавление от инфляции с помощью предлагаемых ими методов, утверждают Фридмены, делает безработицу лишь временным явлением.

Свои выводы Фридмены резюмируют следующим образом: в современном капиталистическом обществе общий интерес оттесняется групповыми интересами, которые, между прочим, проявляются в большой трате денег на различные правительственные программы и на финансирование осуществляющего их бюрократического аппарата. В результате налогоплательщикам наносится серьезный ущерб, причем они не догадываются об источниках своих бед. Суммы, выделяемые на правительственные программы, препятствуют расходованию денег по усмотрению налогоплательщиков. Следовательно, нужно ограничить власть правительства как в экономической, так и в социальной области. Надо определить рамки расходов федерального правительства, вмешательства правительства в международную торговлю, ликвидировать контроль за зарплатой и ценообразованием, положить конец ограничению профессиональной свободы со стороны правительственных органов. Надо отменить прогрессивный налог и ввести единую норму налогового обложения на всякого рода доходы. С целью уменьшения инфляции следует ограничить увеличение количества денег, имеющихся в обращении, до 3—5 процентов. Соблюдение названных положений, как утверждали авторы книги, приведет в соответствие человеческую и экономическую свободу, это единственный путь будущего развития, основа процветания самого богатого и самого свободного общества в мире.

Фридмены писали о том, что американское общество находится в стадии пробуждения. «Вновь начинают при-

знавать опасность чрезмерно управляемого общества. Начинают понимать, что плохие средства способны испортить хорошие цели, что самый верный путь для полного раскрытия всего потенциала нашего великого общества — это доверить контроль над жизнью народа ему самому, его собственной свободе в соответствии с его собственными интересами» [1].

Эти экономические взгляды разделяют и английская консервативная партия, и Пиночет в Чили, экономическими советниками которого были представители чикагской школы политэкономии. Но данное обстоятельство не смущает ни Фридмена, ни его последователей, а также ту часть неоконсерваторов, у которых нет определенных концепций относительно хозяйственных реформ. Поэтому хотя Фридмена вряд ли можно причислить к неоконсерваторам, его взгляды настолько тесно переплелись с политическими проявлениями неоконсерватизма и «новых правых», что их нельзя было оставить без внимания.

Как мы уже отмечали, взгляды Фридменов были восприняты Рейганом и его окружением. После избрания Рейгана президентом М. Фридмен в данном им интервью выразил свою симпатию по отношению к мероприятиям нового правительства в экономической области. С особым воодушевлением приветствовал он 30-процентное снижение налогов, увеличение расходов на вооружение, ограничение социальной помощи. Все это он воспринял как свертывание вмешательства государства в экономику, как средство для наращивания капиталовложений, роста производства и занятости [2].

Гуверовский институт опубликовал сборник «Соединенные Штаты в 80-е годы», который открывается цитатами из книги четы Фридменов. Авторы сборника придерживаются их точки зрения и доказывают необходимость отказаться от кейнсианской политики, которая стремилась избежать инфляции и безработицы, но на деле привела и к той и к другой, чем подорвала экономическую стабильность. Они считают, что прогресса в области экономики можно добиться путем снижения налогов, понижения нормы инфляции монетарным путем и стимуляции новых капиталовложений. М. Андерсон, бывший советник президента Никсона, главный советник Рейгана по внутриполитическим вопросам

---

[1] *Friedman M., Friedman R.* Free to Choose: A Personal Statement, p 309.

[2] Le Nouvel Observateur, 1981, 13—17 april,

во время предвыборной кампании 1980 г. и сотрудник Гуверовского института, не боится предлагать проведение реформ, направленных на уменьшение социальных расходов даже в ущерб благополучию определенных слоев населения. По его подсчетам, в США лишь 3 процента населения являются действительно бедными, тогда как социальные льготы существенно уменьшили стимулы к работе у значительной части населения. Одновременно с сокращением расходов необходимо четко определить, кому и на каком основании следует выдавать пособия. Осуществление программ, направленных на повышение благосостояния, по его мнению, следует передать местным властям, а также стимулировать частную благотворительность. Сокращение расходов должно коснуться сферы образования, жилищного хозяйства и здравоохранения. В интересах ограничения государственного вмешательства в экономику он предлагает уменьшить централизованный контроль за распределением энергии и защитой окружающей среды.

Эти воззрения были поддержаны и в другом сборнике, также изданном Гуверовским институтом под редакцией стоящего близко к консерваторам социолога С. М. Липсета и вышедшем в свет под очень характерным названием: «Тридцатый век. Америка как постиндустриальное общество».

К данному направлению в политэкономии примыкает группа так называемых прагматических экономистов, основным представителем которых является профессор Гарвардского университета М. Фелдстайн. Они ставят своей целью выявить оптимальную роль государства в экономической жизни. Фелдстайн сетует, что социальные льготы, в особенности средства, выделяемые на пенсионное обеспечение, отнимают 55 процентов от накопления капитала и 14 процентов от совокупного национального дохода. В результате значительные средства выключаются из оборота, тогда как они могли бы способствовать оживлению экономики. Члены данной группы не делают таких далеко идущих выводов, как представители чикагской школы, но своими исследованиями по конкретным вопросам они укрепляют позиции тех, кто ратует за необходимость ограничения вмешательства государства в экономику.

И наконец, это направление поддерживают экономисты, публикующие свои исследования в «Джорнэл оф либертейриэн стьюдиз». Их ведущим представителем является М. Ротбард. По его мнению, надо выступать против всякого государственного вмешательства в экономику, а ведение

экономических дел должно быть предоставлено небольшим сообществам.

Пожалуй, неоконсерваторы считают себя ближе всего к прагматической школе экономистов. Близки им и взгляды Фридмена, а также других экономистов.

Выступления неоконсерваторов против вмешательства государства в экономику основываются не только на экономических, но и на политических и философских позициях. В 1974 г. вышла в свет книга профессора Гарвардского университета Р. Нозика «Анархия, государство и утопия», в которой он выступил в защиту индивидуальной свободы. В конечном счете его рассуждения оказались в русле идей неоконсерватизма. Нозик считает государство институтом, созданным для защиты естественных прав индивида. Оно обладает монопольным правом применять насилие, и это право признано. Современное капиталистическое государство, по мнению Нозика, в максимальной степени использует эту свою монополию и беспардонно вмешивается в частную жизнь своей политикой «всеобщего благоденствия».

Формированию неоконсерватизма способствовали и такие социологи, как Р. Низбет, который в середине 70-х годов выступил против чрезмерного вмешательства государства в экономику и вообще в дела граждан. В истории западноевропейских государств, считает он, были такие переходные периоды, когда государственные институты приходили в упадок, существовавшие системы ценностей расшатывались, усиливалась отчужденность. В такие периоды на первый план выступает власть, причем власть военная, и это сопровождается централизацией в экономике и политике, гедонизмом и эгалитаризмом в культуре. Низбет считает, что Америка в настоящее время переживает именно такой период, но он убежден, что противоборствующие силы в состоянии изменить тенденцию упадка, проведя фундаментальные изменения в практике политической власти [1].

Все эти предпосылки следовало изложить, чтобы перейти к самому неоконсерватизму, который проявляется прежде всего как «политическая философия», пытающаяся с помощью политологических и социологических методов дать анализ американского общества и его политики. В 1965 г. стал выходить журнал «Паблик интрист», издаваемый в Нью-Йорке обществом «Нэшнл эффейрз» под ре-

---

[1] *Nisbet R.* Twilight of Authority. N. Y., 1975.

дакцией И. Кристола и Н. Глейзера. Членами редколлегии являются Д. Белл и Д. П. Мойнихен. В журнале публикуются и прагматические экономисты, но главным идеологом представляемого им направления является И. Кристол, который в молодости в течение некоторого времени интересовался и марксизмом. Но с мятежной молодостью было быстро покончено. В 1953 г. на деньги ЦРУ совместно с англичанином С. Спендером он основал журнал «Энкаунтер», целью которого было идеологическое воздействие на социалистические страны и борьба против марксизма. Одновременно он стал одним из ведущих деятелей так называемого «Конгресса свободы культуры». Кристол тесно сотрудничал с бывшим троцкистом С. Хуком, которого тоже считают одним из основных инспираторов неоконсервативной идеологии. Кристол редактировал журнал «Комментари» и был вице-председателем редакционной коллегии популярной серии «Бэзик букс». В начале 70-х годов он был одним из тех, кто всеми силами поддерживал Никсона.

В 70-е годы появились две книги Кристола, вызвавшие интерес у читателей США. Одна вышла в свет в 1972 г.— «Об идее демократии в Америке», вторая в 1978 г.— «Два похвальных слова капитализму». Первая констатирует упадок культуры при капитализме, причины которого усматриваются в том, что развитие техники и урбанизация меняют уклад жизни, что пуританское самоограничение было предано забвению. И теперь от государства ждут того, чтобы оно удовлетворяло желания человека в духе некоего демократического равенства. Возник особый мир молодежи, который ставит под сомнение нравственные авторитеты своих родителей. Так называемая массовая культура отдана на откуп антибуржуазно настроенному авангарду, который издевается над традиционными буржуазными добродетелями, восхваляет наркотики, неупорядоченные половые отношения, гомосексуализм и терроризм. И наконец, считает Кристол, религия оказалась не в состоянии дать ответы на основные общественные вопросы.

По его мнению, причины кризиса, испытываемого американским обществом, прежде всего идейные и в первую очередь нравственные. Кристол приходит к выводу, что надо преобразовать все учреждения при помощи «консервативных» реформ, и для этого он ищет опору в области морали. Кристол говорит о наличии в современном американском обществе трех видов морали: протестантской, дарвинистской (так он называет убеждение, что сильный должен вытеснять слабого) и технократической (которая выдвига-

ет на первый план эффективность достижения цели). Он особенно выступает против последней, считая, что погоня за техническими достижениями и успехом, взятыми в отрыве от других ценностей, приводит к кризису подлинной системы ценностей.

Кристол не согласен с Хайеком и Фридменом, которые делают упор на индивидуальную свободу, и считает необходимым применение принципа социальной справедливости, но на основе новой системы ценностей. Он признает, что повышение благосостояния сопровождалось и негативными явлениями, и предлагает ограничить систему социальных дотаций только теми, кто действительно в ней нуждается. Но для этого необходимо исходить из более реалистических представлений о природе человека и мотивах его поведения. Однако «утопическая» американская традиция мешает этому. В настоящей ситуации, по мнению Кристола, есть только два выхода: или резко ограничить систему социальной помощи, но тогда пострадают и те, кто действительно в ней нуждается, или все останется по-старому, пока не произойдет какой-либо взрыв в обществе. Таким образом, традиционный подход, с точки зрения Кристола, утопичен и во многих других аспектах фактически мешает обновлению американского общества, хотя интеллигенция осознает его моральный кризис.

Во второй своей книге Кристол пытается доказать, что, собственно, не капиталистическая система виновна в наличии кризисных явлений, испытываемых США. Ведь она выдерживала испытания, пока в ней господствовала протестантская мораль. Вся беда в том, что капитализм порвал с этой моралью, создав крупные корпорации, тресты. Иными словами, произошла бюрократизация хозяйственного механизма, что привело к обезличиванию духа предпринимательства. Корпорации сформировали «новый класс», интеллигенцию, которая, исходя из своей профессиональной квалификации, считает, что может лучше управлять обществом, чем бизнесмены. Именно интеллигенция принесла с собой из сферы культуры антикапиталистический дух и под лозунгом равенства полностью преобразовала американское общество.

Вот на таком крайне поверхностном анализе и основываются предложения Кристола о необходимых реформах, сердцевину которых составляет рынок, или, как он выражается, капиталистический либерализм. Он пытается соединить свои экономические и политические цели с моралью «отцов-основателей» США, с принципом свободной конку-

рессии и требованием «традиционных моральных авторитетов». Капитализм в конечном счете должен найти свое собственное обоснование, то есть идеологию, которая дает обществу возможность функционировать. И сделать это должны, по Кристолу, прежде всего религия и политическая философия. Как замечает П. Стейнфелс, Кристол хочет восстановить авторитет религии, христианских заповедей, но без веры в бога; в политической же философии речь идет о возвращении к взглядам Э. Бёрка и А. Смита.

В октябрьском номере журнала «Энкаунтер» за 1979 г. напечатана статья Кристола «Контркультура интеллигенции», в которой он развивает уже известный нам тезис о том, что авангардистская культура вторгается в массовую культуру и это «утопически-рационалистическое» и «утопически-романтическое» направление «контркультуры» ставит под вопрос иудео-христианскую традицию, являющуюся идеологической основой капиталистической общественной системы. Кристол спрашивает, можно ли восстановить «спиритуалистические основы» буржуазного общества. «В великое отчаяние,— пишет он,— пришла мораль, а не экономика капитализма, которая в сущности является милостью божией. Но для достижения блаженства одного этого еще недостаточно».

На вопрос, что же еще нужно сделать, в том же номере журнала пытается ответить П. Джонсон, утверждающий, что демократический капитализм может существовать лишь при наличии индивидуальной свободы, ибо она является «физическим выражением сознания индивида, которое придает ему экономическую и политическую силу и не в последнюю очередь нравственные устои». Нравственная система должна проявляться в сознании индивида, а сознание является главным противником деспотизма, регулятором капиталистической системы. Эти поверхностные суждения призваны служить доказательством того, что коллективистское, а следовательно, социалистическое общество не может выработать нравственные ценности.

Когда в одном из канадских журналов («Либр мэгэзин», март 1980 г.) было дано изложение взглядов Джонсона, венгерский криминолог Д. Сабо, живущий в Канаде, вполне правомерно поставил вопрос: в какой мере Джонсон учитывает реальную действительность в социалистических странах, почему он не исследует причины оттеснения религии на задний план в капиталистических странах и те противоречия, которые возникали между религией и капитализмом, между христианством и капитализмом в различ-

ные исторические периоды. Мы же со своей стороны добавим, что подобная, если можно так выразиться, философия истории преследует одну-единственную цель: модернизировать современный капитализм идеологическими средствами и обосновать идеологию антикоммунизма.

Влияние Кристола проявилось прежде всего в публицистике. В одном классе с ним учился Д. Белл, который тоже оказывает большое влияние на идеологию неоконсерватизма и ныне является профессором социологии Гарвардского университета. Белл приобрел известность после выхода в 1960 г. его книги «Конец идеологии», в которой он пытался доказать, что идеология (конечно, прежде всего марксизм) отмирает в ходе современного социально-экономического развития. Позже он вынужден был отказаться от этого положения, и в наши дни он скорее занимается возрождением идеологии.

В 1973 г. Белл опубликовал книгу «Грядущее постиндустриальное общество», оказавшую большое влияние на западную социологию. Сравнивая доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общества, он подчеркивает, что понятие постиндустриального общества не столько преследует цель дать описание социальной системы США, сколько представляет собой попытку постичь основные изменения, происходящие в ее структуре. По мнению Белла, происшедшие в США изменения — переход от преимущественного производства материальных благ к расширению сферы обслуживания и вспомогательных отраслей, изменение структуры занятости, в результате которого сформировался класс, состоящий из специалистов и технического персонала, который постепенно обретает руководящую роль, и, наконец, технический прогресс, который захватывает прежде отдаленные провинции и различные слои общества,— привели к расширению межличностных связей в обществе. Вместе с тем возросла взаимная зависимость и расширилась сфера контроля. Общий уровень знания вырос, увеличилась роль социальных слоев, обладающих знаниями.

Основной организационной формой капиталистического общества осталась частная «корпорация», но в политологии возникла дискуссия между так называемыми экономизирующими и социологизирующими направлениями. Первое придает большое значение функциональной эффективности, второе — социальным критериям, что идет в ущерб эффективности. Основной проблемой постиндустриального общества, по мнению Белла, является создание равновесия

между этими двумя подходами к обществу. В данной ситуации большое значение приобретает процесс принятия решений, и, чтобы с этим все было в порядке, необходимо создание понятийного аппарата и системы средств для организации общества.

В конечном счете Белл сформулировал следующие проблемы и тенденции развития, встающие перед постиндустриальным обществом: 1. Это общество усиливает роль науки и когнитивных (познавательных) ценностей как основных институциональных потребностей общества. 2. Обеспечивая компетентность выработки и принятия решений, естествоиспытатель и экономист оказываются непосредственными участниками политического процесса. 3. Усиление тенденции к бюрократизации умственного труда ставит под вопрос ряд традиционных определений интеллектуальных целей и ценностей. 4. Увеличение численности и возрастание влияния технической интеллигенции создает возможность для возникновения конфликтов между технической и «литературной» интеллигенцией.

В современном мире, продолжает Белл, политические решения предшествуют технократическим. В этой связи проблема состоит в том, чтобы понять, какие противоречия будут возникать, как сталкиваются при принятии решений популистские и элитаристские подходы, какие противоречия возникают между различными группами интеллигенции и правительством, какова будет роль университетов и, наконец, как будет развиваться взаимосвязь между «двумя культурами» — научно-технической и гуманитарной. Проблемы же более отдаленного будущего зависят, по мнению Белла, от того, как будут складываться статус и мораль науки, каково будет отношение господствующего класса, который он называет меритократией, к применению принципов равенства, будет ли покончено с бедностью и, наконец, как сложатся отношения между сознанием и культурой.

В книге «Культурные противоречия капитализма» (1976) Белл анализирует положение американской культуры и приходит к выводу, что буржуазный индивидуализм, с одной стороны, привел к авангардистскому модернизму, с другой — к потребительскому гедонизму широких масс. И то и другое подорвало ту мораль, на которой основывалась либеральная политика, ибо последняя исходила из воздержанности, жертвенности, ответственности.

Здесь Белл стоит на той же позиции, что и Кристол, но его анализ более социален. Белл исследовал молодежное

движение 60-х годов, «новых левых» и соответствующие явления в культуре. В результате он пришел к выводу о кризисе «американского образа жизни» и важности идейно-культурных факторов. Но то, что он довольствуется анализом лишь этих факторов, говорит об ограниченности и противоречивости его мышления.

Самого себя Белл характеризует следующим образом: в экономике он социалист, в политике — либерал, в культуре — консерватор. Однако «социализм» его весьма сомнителен, речь идет в лучшем случае о принятии так называемого «государства благоденствия», что противоречит его прочим неоконсервативным взглядам. Либерализм Белла выражается в признании индивидуальной свободы, причем на первый план ставятся личные достижения. Он хочет провести жесткую границу между общественной и частной жизнью, а от политической власти ждет, что она будет действовать, исходя из законов, по отношению к которым все равны, но не будет вмешиваться в частную жизнь людей. Консерватизм Белла в области культуры состоит в том, что он признает авторитеты в оценке культуры или, как он сам говорит, признает необходимость обоснованных ценностных суждений.

Белл убежден, что он смог преодолеть и так называемый «гегелевско-марксистский», и дюркгеймовский функциональный подходы к общественным явлениям, которые ищут прежде всего взаимосвязь между разными видами общественной деятельности. Он же считает, что надо говорить в отдельности о социальной структуре, о политике, о культуре, так как каждая из этих областей имеет свой основной принцип. Таким принципом для социальной структуры, под которой Белл подразумевает экономическо-техническую систему, является функциональный рационализм и эффективность, для политики — равенство и представительство, а для современной культуры — самовыражение.

Концепция Белла не может охватить общество в его целостности, а его метод разделения различных видов деятельности по трем автономным сферам позволяет делать лишь односторонние анализы и выводы. В рассуждениях Белла приоритет отдан так называемым культурным «реалиям», «царству» культуры, особенно ввиду того, что он все более пессимистично оценивает развитие капиталистического общества. Оно, по его мнению, утратило свою обоснованность, авторитет и нравственность, ему угрожает опасность и поэтому необходима «культурная революция».

Представления Белла в этом плане весьма противоречивы, ибо они колеблются между более широкой, антропологической трактовкой культуры и ее ограниченным литературным и искусствоведческим аспектом.

Во всяком случае, он ждет избавления для капитализма в новой системе ценностей и говорит о двух путях ее создания. Первый — это возрождение понятия *civitas*, которое у Белла означает подчинение законам, уважение к авторитетам, стремление избегать соблазна обогащения за счет общества. Данный путь не исключает возможности элитарного и иерархического общества, в котором гарантирована руководящая роль интеллигенции в управлении государством. Второй путь — посредством возрождения религии, так как Белл убежден, что она несет в себе единственное мировоззрение, которое может обеспечить функционирование капиталистического строя. И хотя не очень ясно, о какой религии идет речь в концепции Белла, его комментаторы правы в том, что отношение к религии отличает его от других неоконсерваторов.

Близок к неоконсерватизму и издающийся с 1945 г. журнал «Комментари», финансируемый американской еврейской общиной. Редактором его является Н. Подгорец. В своей книге «Вышедший из рядов», появившейся в 1979 г., он рассказывает о том, почему он относил себя сначала к «новым левым», а затем стал неоконсерватором.

Книга, названная им «политическими воспоминаниями», рисует облик американской интеллигенции, получившей образование после второй мировой войны и находившейся вначале под влиянием антикоммунистического либерализма, а затем все более увлекавшейся радикализмом. Автор описывает историю своих отношений не только с новыми радикалами, но и с другими представителями политической жизни США, с которыми он познакомился, будучи редактором «Комментари». Для нас интерес представляет описание того калейдоскопа идей, которыми жили эти круги, тесно связанные и с литературой, и с политикой. Удивительно, сколь большое влияние могли оказывать незрелые представления «новых левых», и столь же удивительно, что попавшая под их влияние интеллигенция быстро вставала на совершенно иные позиции. В конце 60 — начале 70-х годов Подгорец резко критикует взгляды «новых левых», чем отталкивает от себя недавних друзей, но зато приобретает новых в кругу интеллигенции и политиков. Журнал «Нью лефт» с иронией раскрывает внутреннюю противоречивость его нападок на «новых ле-

вых», но отмечает его антисионизм, которым он оттолкнул от себя часть интеллигенции еврейского происхождения.

Стержнем эволюции Подгореца стал антикоммунизм, который привел его к выводу, что внешняя политика США следует неправильным путем, ибо делает уступки Советскому Союзу, стремящемуся, по его словам, поставить под свой контроль Западную Европу. (Данное положение он заимствует у французского публициста правого толка Ж. Ф. Ревеля, который считает, что США сами себя «обезоруживают», то есть успехи Советского Союза наносят ущерб США в политическом, идеологическом и даже культурном отношении.) Отныне Подгорец считает себя неоконсерватором, причем, как заметил Кристол, в отличие от старых консерваторов он, подобно другим неоконсерваторам, принимает идею «государства всеобщего благоденствия» и хочет ее совместить с традиционными американскими принципами.

Книгу свою Подгорец адресовал сыну. Во введении и заключении он пояснил смысл тех перемен, которые с ним произошли. Он выступает за «политику интереса», которая не сулит ни блаженства, ни постижения «спиритуалистической трансцендентности», но обещает удовлетворение. Такое удовлетворение, которое является результатом действий, берущих свое начало в чувстве самоуважения и ответственности по отношению к семье, группе, общности. Наилучшей средой для подобного поведения Подгорец считает американское общество.

Проблему, о которой шла речь выше, затрагивает и другая его книга, вышедшая под названием «Современные опасности». Во введении к ней, ссылаясь на историю с американскими заложниками в Тегеране, Подгорец говорит об ударе, нанесенном идее великодержавного американского господства. Это лишь один из моментов процесса, предостерегает он, экономического и политического подчинения США Советскому Союзу. Подгорец рассматривает историю американской внешней политики от доктрины Трумэна до современности и откровенно симпатизирует решительным антисоветским акциям. Мягкость по отношению к Советскому Союзу он объясняет вызванным вьетнамской войной пацифизмом, то есть моральным разоружением США и волной отчуждения по отношению к ним в мире. Сюда же он добавляет пропаганду, направленную против атомной войны.

В противовес подобной атмосфере возникает «новый национализм» (Подгорец считает, что это выражение луч-

ше подходит неоконсерватизму). Американская цивилизация должна защитить ценности, воплощенные в ее конституционной и институциональной системе, свобода и демократия требуют энергичного присутствия американцев в мире. Такую позицию Подгорец обосновывает мнимой агрессивностью Советского Союза.

Эта позиция вызывает удивление даже такого человека, как Дж. Ф. Кеннан, который еще в 1947 г. заявлял о том, что политика Советского Союза — это выпад против институтов свободы США и Западной Европы: «Эти неоконсерваторы некогда в большинстве своем были либералами, склонными скорее отмежевываться от вспышек американского шовинизма. Но, начиная с ближневосточной войны 1973 г., по причинам, которые я не могу понять, в вопросах советско-американских отношений они выступают как фанатичные ястребы» [1]. Они ратуют за проведение глобальной, активной интервенционистской политики, не отказывающейся и от методов военного давления. Политика мира, с их точки зрения,— это оттеснение влияния СССР. Все то, что посягает на американскую гегемонию, должно тотчас стать объектом контрудара. Основным средством проведения политики гегемонии объявляется военная сила, поэтому раздаются призывы к ее укреплению, к наращиванию вооружения. В апрельском номере журнала «Комментари» за 1981 г. Подгорец так формулирует основную цель политики США: «оттеснение» коммунизма может привести к «разложению» Советского Союза и «освобождению» стран, находящихся под «коммунистическим игом». Даже политику силы, проводимую правительством Рейгана, он считает недостаточной, так как уже сейчас надо готовиться к «опасностям будущего» и начинать фронтальное наступление.

Следует отметить, что Подгорец не одинок. В журнале «Форин полиси» (1980, летний номер) была опубликована статья неоконсерваторов К. Грея и К. Пейна «Победа возможна», в которой высказывается мысль, что победа Америки в атомной войне возможна при наличии политического желания и решимости к ней. Стратегия США должна исходить из возможности такой войны, с тем чтобы заставить Советский Союз отказаться от достигнутого им превосходства. Это подразумевает в первую очередь проведение дискриминационной политики по отношению к социалистическим странам в области торговли, науки, тех-

---

[1] Die Zeit, 1980, 4 Januar.

нического и культурного обмена, а по отношению к развивающимся странам — политики воспрепятствования социальным переменам. В перспективе речь идет об «американском веке», который в прошлом оставался лишь тщеславной мечтой, но скорее по причине якобы субъективных ошибок, чем из-за объективного соотношения сил.

Тезис об отставании Америки стремятся обосновать и специалисты, чем подогревают истерию консерваторов. В книге «США в 80-е годы» есть статья физика Э. Теллера под названием «Технология: равновесие власти», претендующая на научное обоснование идеи американского превосходства. Теллер обобщает результаты развития военной техники, начиная с первой мировой войны. Особенно детально он останавливается на развитии ракетной техники, стремясь доказать, что в этой области США отстает от Советского Союза. Говоря об атомной и водородной бомбе, он прежде всего обращает внимание на то, что Советский Союз лучше подготовлен к гражданской обороне, чем США. По мнению Теллера, наибольшая опасность порождается «скрытым» неравенством сил. Опасность имеет прежде всего психологический характер. Люди склонны не верить в плохое, сомневаются в значении развития техники и даже не хотят верить в возможность войны. Для того чтобы покончить с подобными настроениями, надо отказаться в определенной степени от секретности — не столько из тактических, сколько из стратегических соображений.

Теллер говорит о необходимости расширения исследований в области военной техники, хотя и признает, что в этом трудно убедить научную общественность США. Он считает необходимым усиление мощи НАТО и создание такой линии обороны, в которую входило бы и нейтронное оружие. Самым результативным методом он считает устрашение и в этой связи предлагает создать соответствующую коммуникационную систему командования и контроля. Теллер делает предложения по использованию космических кораблей в военных целях, развитию ракетной техники, военно-морского флота, особенно подводного. Он не исключает и возможности разработки химического и биологического оружия, хотя и считается с вероятным противодействием этим мерам. По мнению Теллера, развитие техники в интересах мира может быть использовано в двух областях: в метеорологии и исследованиях океана. Мирное сосуществование он признает лишь в том случае, если за ним стоит военная сила США.

Примитивность этой аргументации совершенно очевидна, поразительно лишь то, что в современной Америке многие рассуждают подобным образом.

Можно привести имена политологов, которые защиту интересов США видят в усилении их военной мощи (например, в том же сборнике на эту тему рассуждает Ф. Ч. Икле, бывший одним из американских советников на переговорах ОСВ). Особенно важным они считают проведение подобной политики на Ближнем Востоке, а также в Южной и Центральной Америке. Эти политологи ратуют за конфронтацию с Советским Союзом, с социалистическими странами и всеми теми государствами, которые не склонны признавать американское превосходство. В лучшем случае они говорят о том, что надо разделить ответственность между США и их союзниками, и доказывают необходимость более тесного сотрудничества между ними.

Такого рода настроения находят определенное идеологическое отражение и в международном плане. В начале 1981 г. в Нью-Йорке при содействии журнала «Комментари» был создан так называемый Комитет свободного мира, почетным председателем которого стал французский антикоммунист Р. Арон. Названный комитет поставил своей целью сгруппировать вокруг себя интеллигенцию для защиты «свободного общества». Управляет им М. Дектер, жена Н. Подгореца. Согласно опубликованному комитетом воззванию, источники опасности для свободы надо искать отчасти во внешних факторах, таких, как «происки» Советского Союза или стран ОПЕК, отчасти же в таких внутренних факторах, как терроризм. «Свободный мир», говорится в воззвании, надо защищать потому, что он «обеспечивает больше политических и культурных свобод, большее равенство, большее благосостояние, более равномерное распределение, большие возможности для самовыражения индивида».

Либерально настроенный социолог Р. Дарендорф (ФРГ) отказался присоединиться к этому комитету, так как считает, что в нашу эпоху с ее общественными, экономическими, политическими и духовными преобразованиями подлинная опасность грозит не слева, а справа. «Мы лишь в том случае сможем эффективно бороться с влиянием крайне правых,— писал он,— если будем вести с ними упорную идейную и политическую борьбу за тех, кто хотел бы идти посредине, за нерешительных, привлекая их на свою сторону. Комитет свободного мира своей дея-

тельностью затрудняет эту борьбу»[1]. Дарендорф добавляет, что этот комитет весьма напоминает финансируемый ЦРУ Конгресс культурных свобод, олицетворяющий стремление к «холодной войне».

Уже в начале 70-х годов неоконсерватизм в США подвергся критике. В 1974 г. вышел сборник «Неоконсерваторы: критика слева» под редакцией А. Левиса, А. Козера и И. Хоува. Критика была направлена против нападок неоконсерваторов на идею равенства. Указывалось на то, что эти нападки совершаются в «обществе неравенства», в котором на 10 процентов богатых приходится около трети всех личных доходов и 56 процентов национального дохода, тогда как на 10 процентов бедных — лишь 1 процент всех доходов.

В сборнике была помещена работа М. Харрингтона, автора появившейся в 1962 г. и затем многократно переиздававшейся книги «Другая Америка: бедность в США». Приводя многочисленные данные, Харрингтон доказывает, что значительная часть американского общества (не 2—3 процента, как об этом говорят сотрудники Гуверовского института, а около 30 миллионов взрослых людей) живет в нищете или находится очень близко к официально установленной черте бедности. На основании этого автор возражает против оттеснения на задний план проблемы социальной справедливости, и прежде всего права на труд. С точки зрения нравственности и справедливости, полагает Харрингтон, каждый гражданин должен считать своим долгом покончить с «другой Америкой», ибо нетерпимо, что самая богатая в истории человечества страна мирится со страданиями своих сограждан. Лишь разрешив проблему «другой Америки», можно научиться решать проблемы «всей Америки»[2].

Исследуя причины, вызвавшие волну неоконсерватизма, Дж. Эпстайн в сборнике, вышедшем в 1974 г., на основе социологического анализа приходит к выводу, что неоконсерваторы — это «трубящая отбой интеллигенция», которая отвернулась от либерализма и занялась критикой «государства благоденствия». Ее поиски новой системы ценностей основываются на идеологии Gemeinschaft (общности), которая не дает подлинной альтернативы существующему строю.

В 1978 г. против неоконсерватизма выступил либераль-

[1] Die Zeit, 1981, 9 Januar.

[2] *Harrington M.* The other America: Poverty in the United States. Penguin Books, 1977, p. XXIX.

ный экономист Дж. К. Гэлбрейт, который отверг утверждение о том, будто для роста экономики необходимо развитие военной промышленности, а следовательно, и гонка вооружений. Он выступил против того, что научные круги принимают позицию Пентагона и способствуют усилению «синдрома» антикоммунизма. Гэлбрейт считает, что университеты должны вести просветительную работу и выступать с протестом против войны. Человечество прежде всего хочет жить, и, апеллируя к инстинкту жизни, возможно избежать конфронтации [1].

Но все же на идеологической сцене США в 80-е годы превалируют сторонники переоценки либеральной системы ценностей. Так, П. Стейнфелс в своей уже упоминавшейся книге усматривает достоинство неоконсерваторов в том, что они придают большое значение «моральной культуре» как основе политической и экономической жизни и отвергают сентиментализм, то есть непосредственную эмоциональную реакцию на проблемы действительности, стремятся к исследованию больших жизненных проблем, основательно критикуя как либеральные, так и радикальные программы. При этом он признает, что неоконсерваторы не затрагивают существенных вопросов общественной и экономической структуры, действительной экономической власти, что они недооценивают своих противников и избегают самокритики. По мнению Стейнфелса, неоконсерватизм может оказать положительное влияние на политику США, поскольку он выявляет слабости либерализма, но вместе с тем есть опасность, что он станет «идеологией олигархической Америки, где решения будут приниматься корпоративной элитой, где социальное неравенство будет утверждаться принудительными обстоятельствами и меритократической, иерархической системой, в рамках которой демократия будет носить характер праздничных ритуалов» [2]. Иными словами, неоконсерватизм в конечном счете укрепляет ретроградные силы.

Рейган послал представлять США в ООН профессора политологии иезуитского университета в Джорджии (штат Вашингтон) Дж. Киркпатрик, которая относится к кругу людей, связанных с «Комментари» и причисляет себя к неоконсерваторам. Киркпатрик видит разницу между неоконсерваторами и «новыми правыми» в том, что пока в число первых входят в основном интеллигенты, а вторые

---

[1] Süddeutsche Zeitung, 1980, 21 Dezember.

[2] *Steinfels P.* The Neoconservatives: The Men Who are Changing America's Politics. N. Y., 1979, p. 294.

состоят из активистов, то есть политиков, обладающих достаточно «узкими» представлениями о культуре, обществе, экономике. «Мы, неоконсерваторы,— заявляет она,— существенно отличаемся от них тем, что сохранили старые представления о том, каким должно быть общество, несмотря на уверенность, что средства, необходимые для достижения наших целей, изменились». Киркпатрик считает «социал-демократическими методами» все прежние попытки, направленные на преодоление общественного неравенства, расовой дискриминации, осуществление социальных реформ. Причины краха этой политики она усматривает прежде всего в уровне просвещения, ибо следовавшие одна за другой реформы привели к такому снижению уровня культуры, что значительная часть американцев даже не умеет читать. Но, несмотря на различия, имеющиеся между неоконсерваторами и «новыми правыми», и те и другие, указывает Киркпатрик, способствовали победе Рейгана и общему усилению волны консерватизма [1].

По мнению Т. Доллана, одного из идеологов американских «новых правых», быть консерватором — значит признавать необходимость увеличения военных расходов и обеспечения военного превосходства США, необходимость ограничения власти федерального правительства, уменьшения подоходных налогов, выступать против узаконивания абортов, а также против совместного обучения негритянских и белых детей в школах. Доллан стремится привлечь на свою сторону рабочих обещаниями о том, что восстановление принципов капитализма времен свободной конкуренции принесет с собой увеличение прибылей, а вследствие этого улучшит положение рабочих. Все эти рассуждения сильно напоминают взгляды Фридмена и части неоконсерваторов.

Сторонники «новых правых» заявляют, что они представляют «молчаливое большинство» и для его активизации хотят создать так называемые «коалиции». Основной ареной своей деятельности они считают выборы, воздействие на них при помощи радикальной демагогии. Они «организуют недовольство», чтобы изменить структуру власти страны [2]. Различные группировки «новых правых» носят пышные названия: Комитет национальных консервативных политических акций, Американцы против правительственного контроля и т. п. Один из руководителей «но-

[1] Le Monde, 1981, 21 janvier.
[2] *Komorowski K.* «New Right». Plumage for the Hawks.— Political Affairs, 1978, June.

вых правых», Р. А. Вигери, организовал вычислительный центр, с помощью которого он собирает денежные средства для политических целей от многих миллионов консервативно настроенных американцев. Как истинный бизнесмен, он заявляет: «Консервативное движение оказалось способным поставлять писателей и полемистов, но среди них не было никого, кто бы знал, как надо продавать массам идеи» [1]. Вигери же это знает. Во время предвыборной борьбы 1980 г. «новые правые» при поддержке крупных трестов, используя самые крайние формы демагогии, сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать переизбранию таких сенаторов-либералов, как Ф. Черч, А. Кренстон, Дж. Макговерн.

Бывший сенатор Дж. Макинтайр охарактеризовал «новых правых» как людей, для которых в первую очередь характерен гиперпатриотизм и антисемитизм, хотя о последнем они не говорят открыто [2].

По оценке «Монд», это направление отличает чувство катастрофизма. Одна из групп «новых правых», называющая себя Комитетом сохранения свободного конгресса, устами своего представителя П. Уэйриха заявляет, что внешние и внутренние враги США одержат победу, если не активизировать народ на защиту американских свобод и ценностей в духе религии и национализма.

«Новые правые» оказывают влияние и на институты культуры. На них обращают внимание писатели и артисты, которых привлекает идеал пуританской Америки. Например, театральный режиссер С. Тэсич провозгласил лозунг: «Хватит нам голых тел! В будущем на этих телах мы нарисуем полосатый звездный американский флаг. Пусть нас называют рейганистами!» [3]

«Новые правые» США основательно представлены в книге А. Кроуфорда «Гром справа: «новые правые» и политика возмужания» (Нью-Йорк, 1980), изданной еще до избрания Рейгана. Кроуфорд стремится вскрыть в ней политические, идеологические, социальные корни этого направления. Он считает, что для него характерен старый изоляционизм, который в прежние времена выражался во враждебности к Европе, а в наши дни направлен против политических деятелей, проживающих на восточном побережье США. Их называют космополитами и обвиняют в

---

[1] The Atlantic, 1978, November.

[2] *Mc Intyer T. J., Obert J. C.* The Fear Brokers. Philadelphia — New York, 1979.

[3] *Giachetti R.* Avanti, a destra! — Panorama, 1981, 16 februar.

том, что они торгуют интересами Америки. Этот изоляционизм не означает обособления во внешней политик как раз наоборот, его отличает агрессивность в защите интересов США и готовность на военные интервенции. Ег родиной является юг и юго-запад США, прежде всего штаты Техас, Аризона, Колорадо и в особенности Калифорни где возникло Общество Джона Бэрча. Здесь начинали сво деятельность такие политики, как Никсон, Голдуотер Рейган. Их идеалом является киноактер Джон Уэйн олицетворявший в ряде «вестернов» стиль «Диког Запада».

В отношении защиты семьи, религии, прежней пуританской морали «новые правые» могут рассчитывать н поддержку религиозного фундаментализма, одним из глав ных представителей которого является Дж. Фолуэлл, осно вавший в 1979 г. Общество морального большинств целью которого объявляется «мобилизация по меньшей ме ре двух миллионов американцев на то, чтобы они во им бога и семьи трудились, управляя обществом». Евангели стское движение располагает 36 телевизионными канала ми, 1300 радиостанциями, и эта «электронная церковь еженедельно охватывает своими проповедями до 100 мил лионов американцев. С помощью самых современных тех нических средств она распространяет примитивнейши идеи, причем не ограничиваясь только проблемами рели гии, но затрагивая и политические вопросы, давая в это. плане непосредственные указания, запугивая людей.

Например, организация фундаменталистов «Христиан ский голос» разослала письмо, которое начинается так «Это письмо вызовет у Вас негодование, но я хочу рас сказать правду о гомосексуалисте-маньяке, о либерально воспитании, о бесчеловечных атеистах и безбожных поли тиках. Дорогой друг, это настоятельное письмо я пишу по тому, что дети находятся в опасности. Что бы Вы почувст вовали, если бы завтра Ваших детей отдали на воспитани гомосексуалисту, если бы их ежедневно отправляли на ав тобусе за 20—30 миль, если бы они должны были ходит в школу, из которой изгнана религия? Если Вы считаете что такое невозможно, то Вы с удивлением обнаружите что ошибались».

Подобные послания призваны содействовать организа ции политических акций, а кроме того, способствоват сбору средств, ибо всякая политическая акция требует де нег. В интересах поддержания традиционалистских идеа лов «новые правые» уделяют особое внимание воздейст

вию на женщин, которых наряду с фундаменталистами считают «стражами дома и семьи».

Для «новых правых» характерно, что они выступают и против популизма, и против элиты. Они заявляют, что стоят на стороне трудящихся, против так называемого «нового класса», состоящего из бюрократов и интеллигенции. Именно поэтому «новые правые» не очень-то симпатизируют неоконсервативной интеллигенции, хотя часть своих доводов черпают из ее котла. Они стремятся вербовать себе сторонников среди рабочих, даже среди негритянского населения, выступая не только в защиту традиционализма, но и против государства, федеральных учреждений, в защиту всякого рода местных интересов и прав личности.

Идеология «новых правых» представлена и интеллигенцией, провозглашающей популистский бунт. Например, К. П. Филипс говорит о том, что толпа нуждается в бунте, «направленном против касты мандаринов либерального истеблишмента, против их политики и налоговой системы».

Анализ, проведенный Кроуфордом, показывает, что «новые правые» черпают свои идеи из более ранних идеологических источников и имеют более широкую социальную базу, чем неоконсерваторы.

С избранием Рейгана президентом США неоконсерваторы и «новые правые» попали в несколько иную для них ситуацию. Его победа была подготовлена отчасти калифорнийскими кругами, отчасти «мозговым трестом» интеллигенции, в котором мы находим М. Фридмена и его учеников, сотрудников Гуверовского института, профессоров Джорджтаунского университета, а также таких неоконсерваторов, как Н. Подгорец. «Нью-Йорк таймс» 15 декабря 1980 г. перечислила органы печати, поддерживавшие нового президента, и среди них такие, как «Нэшнл ревью», не говоря уже о «Комментари». А они заявляли сами, что с 1970 г. приняли ряд идей консерваторов, среди них идею укрепления обороноспособности и постоянного американского военного присутствия в Персидском заливе. Сюда же относят издаваемый И. Кристолом и Н. Глейзером журнал «Паблик интрест», который предоставлял конгрессу «солидные исследования».

В президентской речи Рейгана нашли отражение положения неоконсерватизма. «Время от времени,— говорил он,— нас осеняла мысль, что государственное управление обществом стало слишком усложненным, что правление группы элиты стало более значимым, чем правление на-

рода и избранного народом правительства, работающего на благо народа. Править должен народ. Наше правительство не располагает иной властью, чем та, которой его наделил народ. Настало время приостановить и повернуть вспять расширение сферы государственного управления, ведь факты свидетельствуют о том, что это расширение уже не принимается самими управляемыми. Я намерен уменьшить масштабы федерального управления и его влияние, а также потребовать разделить права федерального правительства и права штатов и народа».

Апеллируя в решении экономических проблем к народу Америки, Рейган в то же время воспроизводит принципы капитализма периода свободной конкуренции. Ссылаясь на народ и историю Америки, он провозглашает в националистических полутонах гегемонистические притязания США. Все это идеи давно известные, но облаченные в новые одеяния, а в выкраивании этих одеяний большая роль принадлежит неоконсерватизму и «новым правым». Сохранят ли они свою обособленность или сольются с правым крылом республиканской партии и политикой правительства, покажет будущее, во всяком случае очевидно совпадение точек зрения между ними по широкому кругу проблем.

ГЛАВА IV

ОБНОВЛЕНИЕ КОНСЕРВАТИВНОГО И ПРАВОГО НАСЛЕДИЯ В ФРГ

Западноевропейские неоконсерваторы и «новые правые» активно используют немецкую философию жизни и связанную с ней философскую антропологию. Уже само существование этой философии, если иметь в виду духовную атмосферу, господствующую в ФРГ, говорит о многом. На немецкой земле консервативная политическая идеология имеет весьма давние традиции. Уже в начале XIX века сформировался так называемый политический романтизм, основным представителем которого был А. Мюллер. В своем первом манифесте, опубликованном в 1809 г. под названием «Элементы государственного искусства», он характеризует государство как выражение мифического духа народа. По Мюллеру, государство есть воплощение физических и духовных потребностей, внутренней и внешней жизни нации, оно объединяет их в энергичном, постоянно движущемся и живом единстве. Появление таких представлений объясняется борьбой за объединение Германии, следовательно, в известной мере немецким национализмом. Основное место в них отводилось централизующей роли государства в противовес прежним представлениям о достоинствах малых политических единиц.

К политическому романтизму примыкает и Гегель, хотя исходная позиция у него была иной. Сильное государство он противопоставлял внутренним противоречиям капитализма, и эта его позиция была воспринята Ф. Ю. Шталем и другими правыми гегельянцами в их почитании прусского государства. У данной точки зрения есть несколько вариаций, например социальный консерватизм Л. фон Штейна, который на первый план выдвигал социально-примирительную роль государства.

После возникновения единого немецкого государства наряду с официальной консервативной политикой возникают такие консервативные направления, которые, по существу, являлись антикапиталистическими, например аристократический консерватизм Ницше. После первой мировой войны эти направления усилились. Появились

работы О. Шпенглера, А. Меллера ван ден Брука, К. Шмитта, писателя Э. Юнгера, которые вновь оживили миф о народе-нации и хотели использовать государство для обновления немецкой «общности». Гитлеризм впитал в себя существенные элементы старого и нового консерватизма, провозгласив его «революционным», сочетав его с мелкобуржуазной националистической и социальной демагогией. Что из этого вышло — известно.

Таким образом, в центре внимания немецкого консерватизма стояли вопросы о народе, нации и государстве. После 1945 г. казалось, что наступил коренной поворот. Германская империя распалась, на первый план выдвинулись вопросы общественного развития, прежние идеи потерпели фиаско. Наступило время господства христианско-демократического консерватизма, который в социальном плане выполнял определенные функции правого толка, даже тогда, когда рядом с ними оказывались большие или малые группировки — отпрыски гитлеризма. Христианско-демократический консерватизм во имя буржуазной демократии «защищал» капитализм от социализма. При поддержке США была создана специфическая государственная система ФРГ, которая наряду с функциями централизованного государства унаследовала некоторые традиции малых государств, федерализм земель. Это было время, когда еще не пристало выступать ни в роли правых, ни в роли консерваторов. Аденауэр и его сторонники выступали под флагом буржуазного либерализма и христианского социализма.

После прихода к власти социал-демократической партии, и особенно во второй половине 70-х годов, под воздействием экономического кризиса христианские демократы (ХДС), пожалуй, в меньшей мере, чем представители Христианско-социального союза (ХСС), уже осмеливаются провозглашать консервативные лозунги. Отчасти это связано с усилением влияния консерватизма за границей, отчасти — со все более резким размежеванием с социал-демократией. Усилению консерватизма в ФРГ способствовали также выступления «новых левых» и особенно волна терроризма, вызвавшего в широких слоях населения потребность в государстве, способном обеспечить общественный порядок.

Идеологически политический консерватизм 50-х годов выступал как составная часть теории «индустриального общества». По словам юриста Э. Форстхофа, «дух техники, который соотносят только с идеей рациональной эффек-

тивности, полностью исключает свободу индивида»[1]. Эта реставрация романтической критики культуры не стремится противопоставить себя теории «индустриального общества». Она лишь констатирует, что прогресс техники и общественные отношения, сопровождающие его, ограничивают свободу личности. Форстхоф на примере ФРГ пытался выявить основные характеристики «индустриального общества», чтобы подчеркнуть необходимость в сильном государстве, которое должно оставаться правовым до тех пор, пока классовая борьба не приобретет острые формы.

На теорию права уже упоминавшегося К. Шмитта опирается концепция так называемого «сформированного общества» Р. Альтмана. С ее помощью (а она предполагает наличие сильного государства) ее автор пытался в 60-е годы решить проблему классовой борьбы. При этом обоснование политической деятельности, если хотите, идеологическое обоснование перенималось у левых, а способы решения проблем заимствовались прежде всего у правых.

Наиболее агрессивный тип консерватизма в эти годы был представлен А. Молером, бывшим личным секретарем Э. Юнгера, а также самим Юнгером, творчество которого вызывает в последние годы большой интерес на Западе, интерес, прямо пропорциональный распространению неоконсерватизма. Оно вызвало интерес даже во Франции, которую Юнгер «посетил» во время второй мировой войны в составе оккупационных войск. Молер — представитель философии иррационализма и крайнего национализма. В одной из своих работ, опубликованной в 1973 г., он не постеснялся восхвалять «фашистский стиль», проявлявшийся, по его мнению, прежде всего в действии, в интенсивных формах выражения жизни, в понятии «опасной жизни». Таким образом, консерватизм вновь заговорил о «революционности», выразителями которой стали не столько неоконсерваторы, сколько «новые правые».

Неоконсерватизм принимает определенные элементы консерватизма 50-х и 60-х годов, но исходным импульсом для него служит разочарование в либерализме, поэтому он разделяет очень противоречивые взгляды по поводу основных категорий консерватизма. Смена направления была зафиксирована в одной из лекций социолога Х. Шельски, прочитанной им в 1973 г. под названием «Больше демо-

---

[1] Handbuch politischer Theorien und Ideologien. Hrsg. *H. Neumann*. Rohwolt, 1977. О консерватизме см. также: *Greiffenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus. München, 1971; *Greibing H.* Konservative gegen die Demokratie. Frankfurt a. M., 1971.

кратии, больше свободы», в которой констатировалось, что в ФРГ демократия и свобода противостоят друг другу. Прежде чем обратиться к анализу широкого круга политических проблем, Шельски занимался социологией семьи, секса, молодежи, образования. Его ученики считают, что свою идейную направленность Шельски получил от американского прагматизма, сравнительной этнологии, немецкой антропологии, представленной М. Шелером, Х. Плеснером, А. Геленом, и так называемой «биологии человека», связываемой с именем А. Портмана[1].

В том же 1973 г. вышла другая книга Шельски «Преодоление системы, демократизация и распределение власти: конфликт принципов в Федеративной республике», в которой дается анализ внутренних противоречий общественного развития ФРГ прежде всего с точки зрения политической системы, осуществления принципов демократии и роли государства. Основную проблему Шельски видит в чрезмерной власти государства.

Острые дискуссии вызвала книга Шельски «Работу выполняют другие: классовая борьба и священническое господство интеллектуалов» (1975), в которой он доказывал, что среди интеллигенции возникла новая властвующая группа, фактически ведущая себя так же, как и любой правящий класс, с той лишь разницей, что она старается обеспечить свое господство прежде всего идеологическими средствами. Отдельную главу своей книги Шельски посвятил общественно активным журналистам и писателям и в этой связи поставил под вопрос прежде всего деятельность журнала «Шпигель» и Г. Бёлля, который предстает у него как «кардинал и жертва». Он критикует писателя за его отношение к насилию и терроризму.

В 1978 г. был издан сборник «Либерал без примесей: неоконсерватизм», в котором помещена статья Шельски «Либерал без примесей». В ней он заявил, что бывших социал-демократов и либералов, ищущих сейчас «новые пути», лишь формально можно назвать консерваторами. Фактически это либералы, но в новом смысле данного слова. Их основные принципы следующие:

1. От государства следует требовать так мало, как это возможно, и так много, как это необходимо.
2. Защита гражданских прав, которые определяют обязанности граждан по отношению к государству.

---

[1] Recht und Gesellschaft: Festschrift für Helmut Schelsky zum 65. Geburtstag. Berlin, 1978.

3. Автономия институтов, то есть их деятельность должна быть по возможности ограждена от государственного вмешательства.

Эти либералы, продолжает Шельски, отличаются от консерваторов тем, что не делают упор на чрезмерной роли государственной власти, не считают нацию, «общность» основой общественной жизни. Институциональную систему они не считают божественным даром и вообще не верят в христианско-религиозное обоснование общественного порядка. Они не противники революции или каких-либо общественных реформ, они не являются приверженцами дворянства, помещиков, армии и государственной бюрократии.

Ю. Хабермас и Р. Левенталь называют Г. Шельски и его сторонников «горе-либералами», желая этим сказать, что их образ мыслей не соответствует требованиям современного общества. Шельски, разумеется, не принимает подобных обвинений и считает себя просто либералом, но признает, что в наши дни правомерно говорить о консервативной роли либералов. «Поскольку традиционные исторические силы консерватизма в Западной Европе играют крайне незначительную роль,— пишет он,— то принципиальный либерализм у нас все более выступает как такая политическая сила, которая призвана сохранить важное политическое наследие нашей культуры, идею свободы Просвещения, то есть такой подход, который уже давно является частью убеждений ведущих мыслителей и писателей США».

Следовательно, речь идет о том, что эта группа интеллигенции считает себя либералами и в то же время становится на позиции американского неоконсерватизма. Примечательно в их подходе то, что они принимают идею свободы Просвещения, тогда как «новые философы» во Франции и другие западноевропейские неоконсерваторы отказываются от этого наследия.

Шельски хотел бы рассуждать о политике с точки зрения «самостоятельно мыслящего человека». Показателем такого мышления, с его точки зрения, является свободный выбор работы, планирование индивидуальной жизни, принятие на себя ответственности. Проблема заключается в том, что так называемое «техническое государство», то есть индустриальное государство, выхолащивает сущность демократии, не желая при этом выглядеть антидемократическим государством. В противовес данной тенденции Шельски предлагает концепцию «правового государства»,

которое будет гарантировать индивиду все те возможности, которые необходимы для осуществления вышеупомянутых прав. Он хотел бы найти нечто среднее между либерализмом и консерватизмом, но на практике он оказывается весьма близко к Ф.-Й. Штраусу.

Представителем другого направления западногерманского неоконсерватизма является Г. Люббе, от которого Шельски стремится в известном отношении отмежеваться. В статье, напечатанной в мюнхенском журнале «Критикон», Люббе следующим образом характеризует основные черты неоконсерватизма: «1. Консервативной является культура траура, который мы испытываем в связи с невозвратимой утратой добра, утратой, ценой которой достигнут прогресс. 2. Консервативной является наша привязанность к тому, от чего нельзя отказаться. Консервативным является утверждение настоящего в противовес опасностям непредсказуемого будущего. 3. Консервативной является потребность придерживаться в науке и политике принципа доказательства, причем необходимость прогресса рассматривается как в большей мере нуждающаяся в доказательстве, чем необходимость традиций. 4. Консервативным является предоставление приоритета всему тому, что может помочь избежать катастрофы, в противовес практике претворения утопий в жизнь» [1]. В данном случае очевидна приверженность традициям и отказ от либерального представления о прогрессе.

Один из наиболее активных теоретиков неоконсерватизма, Г. К. Кальтенбруннер, издал в 1974 г. сборник «Вызов консерваторов: отказ от иллюзий». Среди авторов сборника встречаются имена А. Молера, П. Ноака и Э. Топича. В предисловии Кальтенбруннер напомнил о дискуссии, имевшей место в начале 70-х годов среди американской интеллигенции и посвященной возрождению идей консерватизма. Он также напомнил о полемике между Адорно и Геленом относительно той институциональной системы, которую первый представлял себе совершенно открытой, второй же — с позиций защиты сложившейся в обществе системы права, семьи и государства. Кальтенбруннер цитирует Гелена, занявшего так называемую терапевтическую позицию: «Я все же являюсь сторонником того, чтобы все, что содержат в себе институты — я осмеливаюсь применить это слово,— законсервировать». По Кальтен

---

[1] *Lübbe H.* Lebensqualität oder Fortschrittskritik von Links.- Criticon, 1974, Januar — Februar.

бруннеру, консерватизм в наши дни — это и искусство, и терапия, но необходимо, чтобы была разработана и его теория. «Элементы такой теории,— пишет он,— в наши дни можно найти в различных областях науки, начиная от антропологии, анализа поведения и генетики человека до кибернетики и теории систем, от экологии и теории управления до критики научной идеологии и утопии, от мировоззренческого анализа до исследования символов» [1].

Среди других авторов сборника назовем еще Топича, который старается доказать, что «дух» теперь уже не принадлежит левым. Ноак критикует консерватизм технократов, не уважающих систему нравственных ценностей, и говорит в свою очередь о необходимости создания такой системы ценностей. В статье К. Хорнунга мы сталкиваемся со стремлением неоконсерваторов использовать религиозную мораль христианства.

В появившейся в 1975 г. книге «Трудный консерватизм: Определения. Теория. Портреты» Кальтенбруннер уже прямо утверждает, что в 70-е годы начала происходить смена тенденций и мир повернулся в сторону консерватизма. Он заявляет, что возникла необходимость в критической теории, которая будет основываться на антропологии, политической экологии, на теории свободы консерватизма XIX века. Первая представлена К. Лоренцом, вторая включает в себя так называемую этику окружающей среды, затрагивающую и межличностные отношения людей, третья связана с именами Бёрка, Токвиля, лорда Эктона, Парето, Ф. Баадера (среди новых имен называются Х. Арендт, Дж. Бэрнхем, Г. Фрайер и Н. Бердяев). Кальтенбруннер придает большое значение выявлению связи между консерватизмом и христианством, доказательству того, что христианство, в сущности, является обоснованием идей консерватизма. Он говорит о десяти заповедях консерваторов, в которых рекомендуется форма поведения, не принимающая никаких нововведений.

Одна из заповедей, например, гласит: «Не верь в историческую закономерность и ее экстраполяцию. Наследие — это не история, история вовсе не обязательно предполагает прогресс, а сам прогресс далеко не всегда желателен. Консерватизм — это не культ истории, не фетишизация прошлого и не обожествление будущего, он скорее выступает за возврат к прошлому и за возможность его об-

---

[1] Die Herausforderung der Konservativen: Absage an Illusionen. Hrsg. *G. K. Kaltenbrunner*. Herder Bücherei, 1974, S. 14.

новления в этом несовершенном, подверженном всякого рода замешательствам мире, мире, постоянно сталкивающемся с противоречиями, конфликтами, кризисами». Есть и такая заповедь: «Не торгуйся на рынке утопий и не позволяй завлечь себя обещаниями найти наилучший путь к лучшему обществу».

Чтобы сделать консерватизм привлекательным, Кальтенбруннер заявляет: быть «консерватором при существующем положении дел не банально; это — дисциплина для нонконформистов»[1]. Забавный парадокс, только он не выдерживает испытания, если смотреть на вещи с точки зрения политической реальности. Различия во взглядах между неоконсерваторами не исключают их сотрудничества. Журнал «Критикон» стал выходить в Мюнхене в 1970 г. Среди его авторов мы находим имена Р. Альтманна, А. Гелена, Г. К. Кальтенбруннера, А. Молера, Х. Шельски, Г. Э. Шёпа, Э. Топича, то есть представителей различных направлений неоконсерватизма.

Так называемый «просвещенный консерватизм» Кальтенбруннера и его последователей не был принят как подлинная теория неоконсерватизма. Один из лучших знатоков современного немецкого консерватизма, Х. Гребинг, считает его характерной особенностью эклектическое соединение различных моментов, которое держится лишь общим для его сторонников выступлением против «советского империализма» и акций ультралевых. Они неустанно повторяют, что человек по природе своей ограничен, несовершенен, но что его можно приучить к дисциплине и порядку при помощи сильного государства. Столь же часто они говорят о том, что «индустриальное общество» является продуктом упадка, оплакивают «общность», но не в духе антикапитализма, как это было свойственно романтикам. Ссылаясь на немецкий консерватизм 20-х годов, они говорят о «сохранении» ценностей. Но при этом невозможно точно определить, чего они хотят, разве только предположить, что они недалеко ушли от идеи тоталитаризма. Что же касается социального базиса, на который предполагается опереться, то Кальтенбруннер и его сторонники рассматривают себя как «одиноких борцов», следуя в этом отношении Э. Юнгеру, Г. Фрайеру и К. Шмитту.

«Неоконсерватизм — критическая теория,— пишет Гребинг.— Это такая идеология, которая служит обосновании

---

[1] *Kaltenbrunner G. K.* Der schwierige Konservativismus. Herford — Berlin, 1975, S. 157.

нового захвата власти, философия окопной войны, которая время от времени подкрепляется дуновениями исторической метафизики». При всей своей путаности и теоретической слабости, считает она, данная идеология может содействовать правому радикализму и усилению влияния консерватизма в кругах «частнособственнических» рабочих, средних слоев и «простых людей». Гребинг полагает, правда облекая свои предсказания в форму вопроса, что в 80-х годах неоконсерватизм будет воодушевлять консервативный популизм [1].

Наряду с неоконсерватизмом мы встречаемся в ФРГ и с таким направлением, которое называет себя «новыми правыми» и образует свои собственные политические организации. Среди его представителей обычно упоминают имена Г. Зингера, Л. Пенца, М. Майнрада, Г. Валдмана, А. Экштейна и В. Штрауса [2].

«Новые правые» действуют прежде всего в университетах, создавая так называемые опорные группы, конфедерации, издавая всевозможные газеты, журналы, листки. Например, группа, называющая себя «Акция новых правых», была создана в 1972 г. и уже в 1974 г. распалась на ряд группировок, вышла из Немецкой национальной партии (профашистской). «Новые правые» ФРГ создали международную организацию «Движение социального и национального коренного обновления Германии и Европы», которая тесно сотрудничает с французскими «новыми правыми», поддерживает контакты с диссидентами из восточноевропейских стран, а также с организациями немцев-переселенцев.

Часть группировок, близко стоящих к этому направлению, не называет себя «новыми правыми», предпочитая именоваться или «национальными революционерами», или «солидаристами». Своим изданиям они дают всевозможные помпезные названия: «Молодой форум», «Дело народа», «Новые перспективы» и т. д. Г. Барч, давший первую обобщенную критику данного направления, перечисляет следующие его идеологические особенности: «биогуманизм», противопоставляемый «техномарксизму», гносеология логического эмпиризма, биологическая картина мира, этноплюрализм, «освободительный» национализм и так называемый «европейский социализм».

---

[1] *Grebing H.* Erneuerung des Konservativismus.— Politische Vierteljahrschrift, 1978, № 3.

[2] *Bartsch G.* Revolution von rechts? Ideologie und Organisation der Neuen Rechten. Herder Bücherei, 1975.

Анализируя на основе приводимых Барчем документов эти идеологические банальности, можно сказать, что первоистоком «биогуманизма» является возникший в 20-е годы так называемый «биологический гуманизм», представителем которого был Э. Г. Кольбенхайер, рассуждавший о «северной душе», «народной общности». Позже некоторые заготовки для «биогуманизма» предоставили исследования К. Лоренца.

Что же касается отношения к марксизму и вообще к социальному идеалу, то в журнале «Юнгес форум» (апрель 1971 г.), издаваемом в Гамбурге, Г. Юнкер заявил, что хотя нельзя не признать значение разума, а соответственно и науки, но в конечном счете существует необходимость в иррациональной вере, благодаря которой человек оказывается в состоянии подключаться к древнему социальному опыту. Человек прежде всего природное и лишь затем культурное существо, с этим необходимо считаться и соответственно разрабатывать новую политику. По мнению Юнкера, марксизм не понял этого, односторонне переоценил технику и стремится к такому общественному строю, система регуляций которого бессодержательна. Существует потребность в «органических общностях», таких, как семья, система родственных связей, народ. Именно они могут дать подлинное освобождение человеку, как в биологическом, так и в моральном плане. По Юнкеру, соответствующую этому обновлению философскую базу можно найти у Ницше и в философии жизни. С таких позиций он нападает не только на марксизм, но и на «потребительское общество».

«Новые правые» апеллируют к опыту, накопленному, по их мнению, неопозитивизмом. Г. Зингер считает, что «западный синдром», ориентация на индивидуализм и индивидуальные способности определены биологической структурой европейского человека. В выявлении этого «синдрома», продолжает он, выдающаяся роль принадлежит Марксу и Ницше, но особенно М. Веберу и Расселу, которые олицетворяют западный рационализм. Ныне «западный синдром» переживает кризис, так как политика и культура пришли в острое противоречие друг с другом. Логический эмпиризм, по мнению Зингера, является единственным выходом из создавшегося положения.

Основой преобразования общества, согласно «новым правым», должно стать новое представление о человеке, которое учитывало бы его инстинкты, унаследованные от животных предков: территориальности, господства, собст-

венности, агрессивности, общительности, сексуальности. В то же время нельзя не принимать во внимание культурное развитие, роль техники, труда, вооружения, сигналов в формировании человека. «Новые правые» на словах не принимают фашистскую расовую теорию, но сами расы должны, считают они, трактоваться как биологическая реальность, специфику которой нельзя оставлять без внимания. По мнению «новых правых», расизм в наши дни выражается как раз в том, что расовые особенности игнорируются, везде применяют одни и те же нормы и стремятся к смешению рас.

Правильное решение, считают они, мог бы дать этноплюрализм, который предполагает развитие культуры различных рас в соответствии с их специфическими особенностями. В данной связи «новые правые» ссылаются на исследования А. Р. Йенсена, которые якобы доказывают существование интеллектуальных различий между расами. Результаты научных исследований приводятся и в тех случаях, когда надо подкрепить выступления против сохранения жизни детям, страдающим наследственными заболеваниями, то есть в защиту евгеники.

Национализм оправдывается «новыми правыми» с помощью рассуждений о так называемом территориальном инстинкте, включающем в себя и другие факторы, государственную, языковую, культурную специфику народа. «Новые правые» считают, что национализм не имеет никакого отношения к фашизму. Они наделяют национализм освободительной миссией и считают данный момент особенно важным применительно к социалистическим странам.

«Новые правые» провозглашают себя сторонниками «европейского социализма». Согласно данной концепции, носителем социализма является народ. Для подтверждения этого тезиса делаются ссылки на А. Богданова, противопоставляемого В. И. Ленину. Новое общество должно быть иерархическим, ибо именно такой строй соответствует природе человека и традициям. Но поскольку оно в то же время представляет собой «общность», то оно является социалистическим. Такой социализм надо будет осуществлять на основе европейской общности.

«Новые правые» — наследники «новых левых» в том смысле, что на первый план они тоже выдвигают субъективные факторы, подчеркивают свою неудовлетворенность «обществом потребления», стремятся «революционизировать» его путем изменения «форм жизни». По мнению

Барча, такие представители «новых левых», как Р. Дучке и другие, согласны с «новыми правыми» в отрицании истеблишмента, в неприятии манипулирования общественным сознанием. И те и другие выступают против чрезмерной специализации, против технократической идеологии. Общим и для тех, и для других было намерение создать молодежные общины и через них воздействовать на общество. Влияние «новых левых» заставило и «новых правых» обратиться к поиску своих теоретических источников. Эти два течения пошли в разные стороны, но часть общих факторов, обусловливавших их возникновение, продолжали проявлять себя у «новых правых» и дальше.

Что же касается конкретных акций, которые совершали «новые правые», то наиболее действенными среди них оказались выступления против иностранных рабочих. В условиях углубляющегося кризиса в ФРГ, постоянно растущей безработицы подобные выступления нашли определенный отклик. Наряду с этим «новые правые» выступают против коррупции и спекуляции. Они организуют «секции солидарности» с народами Восточной Европы и в то же время поддерживают североирландскую оппозицию. В последнее время они заметно активизировали свою деятельность по защите окружающей среды.

«Новые правые» ФРГ чрезвычайно близко стоят к старым правым, прежде всего к современным приверженцам гитлеризма, весьма активно действующим в республике и представляющим наиболее радикальное, хотя и старомодное крыло правого фланга. Такое «родство» в известной степени помогает общественному мнению разбираться в возможных последствиях политики «новых правых».

Неоконсерваторы и «новые правые» влияют на относительно узкий слой населения ФРГ, но это влияние возрастает по мере усиления и распространения консервативных настроений.

ГЛАВА V
ОТ «НОВЫХ ФИЛОСОФОВ» ДО «НОВЫХ ПРАВЫХ» ВО ФРАНЦИИ

«Новые левые» как политическое движение наиболее полно проявили себя в 60-е годы во Франции. События мая — июня 1968 г. создали впечатление, что молодая интеллигенция, составлявшая основу этого движения, способна революционизировать все общество. Ответственность за то, что такие ожидания не оправдались, «новые левые» возложили прежде всего на Французскую коммунистическую партию, которую они обвиняли в «предательстве революции». На самом же деле большая часть рабочего класса была готова бороться за экономические требования и считала правильной позицию компартии, согласно которой объективные условия для революции еще не созрели.

События 1968 г. привлекли внимание к возможности объединения левых сил, и в 1972 г. дело дошло до принятия совместной правительственной программы ФКП и Французской социалистической партии. В результате поляризации общественно-политических сил на президентских выборах 1974 г. правые получили почти столько же голосов, сколько и левые. Однако единство левых сил сохранилось недолго. По мнению коммунистов, их партнеры больше стремились к тому, чтобы склонить на свою сторону определенные слои буржуазии и усилить свое влияние, чем к откровенному сотрудничеству с коммунистами. Это привело к отказу от общей программы.

После 1968 г. часть молодой интеллигенции продолжала искать возможности для политических действий в рядах коммунистической или социалистической партий, придавая большое значение наличию общей программы, которая сделала бы возможной победу социализма парламентским путем. Другие же порвали с компартией, обвинив ее руководство в догматизме.

В своей борьбе с компартией буржуазная пропаганда спекулирует прежде всего на некоторых внутренних противоречиях, испытываемых социалистическими странами, широко используя в этих целях различного рода диссидентов.

Развернувшиеся дискуссии кое-кто постарался использовать для оправдания своего разрыва не только с коммунистами, но и с марксизмом, с самими собой, со своим

недавним прошлым. В такой ситуации активизировались и некоторые представители «новых левых». Определенное время после 1968 г. продолжали свою деятельность анархо-троцкистские группы, маоистские организации. Однако влияние их вскоре сократилось до минимума. Многие интегрировались в буржуазное общество, которое готово было быстро забыть об их былых грехах.

О происшедших изменениях свидетельствовало и возникновение так называемой «новой философии», провозвестником которой стал А. Глюксман, профессор философии, бывший некоторое время коммунистом, затем примкнувший к маоистам. Глюксман впервые привлек к себе внимание в 1975 г. книгой «Кухарка и людоед», в которой вслед за Солженицыным взялся «разоблачить» социалистическую действительность. Марксизм, старался внушить читателям Глюксман, с самого начала был ошибочной теорией, ибо он неизбежно ведет к насилию, угнетению. В книге с позиций анархизма утверждается, что социалистическое государство «пожирает» человека.

Еще больший шум вызвала появившаяся в 1977 г. книга Глюксмана «Мыслители-властители» (точный перевод французского названия затруднителен, ибо по-французски «Les maîtres penseurs» имеет несколько издевательский смысл, который можно передать как «главные мудрецы», более того, maître в «новой философии» означает «господин», представитель власти). Основная мысль книги сводится к тому, что все философы, провозглашавшие свободу человека и его право восставать против существующего общественного порядка, виновны, ибо своей идеей свободы они подготовили *государство*. Виновность их усиливается тем, что все это делалось во имя знания. «Мыслители-властители», пишет Глюксман, во имя знания «сколотили аппарат мышления, необходимый для того, чтобы приступить к великим свершениям XX века. По большому счету. Открыто. Честную искренность Ницше нельзя поставить под сомнение, и она раскрывает суть этих свершений. XX век может понимать Ницше слово в слово, его искренняя мысль может зажечь искру в сердцах богатых. Он поднял жажду власти до уровня сознания, жажду, которая по-мелкому, скрытно стимулирует начальников и лженачальников «дисциплинированного» общества» [1].

Книгу свою Глюксман заканчивает цитатой из «Бури» Шекспира.

---

[1] *Glucksmann A.* Les maîtres penseurs. P., 1977, p. 310.

Актерами, сказал я, были духи.
И в воздухе, и в воздухе прозрачном,
Свершив свой труд, растаяли они.—
Вот так, подобно призракам без плоти,
Когда-нибудь растают, словно дым,
И тучами увенчанные горы,
И горделивые дворцы и храмы,
И даже весь — о да, весь шар земной.
И как от этих бестелесных масок,
От них не сохранится и следа.

«Актеры» в данном случае — это такие философы, как Фихте, Гегель, Маркс и уже упоминавшийся Ницше, сравнение мироощущения которого с настроем «Бури» по крайней мере рискованно. Не говоря уже о том, что Просперо, в уста которого вложены эти слова, не останавливается на них и добавляет:

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь.

В этом «сне» духи способствуют победе добра. Следовательно, пессимистический вывод вообще не соответствует духу шекспировской драмы.

Но вернемся к книге Глюксмана. Исходным пунктом для автора являются «сны» Рабле, его монастырь Телем, в котором человек может делать все, что ему хочется. По мнению Глюксмана, такое представление о свободе порождает нечто ей противоположное: убеждение, что человек может делать лишь то, что хотят другие. Глюксман прежде всего хочет доказать, что все те, кто во имя подобной «свободы» ратовали за изменение действительности, на самом деле подготовили новое варварство. Они создали «тексты», которые увлекали не только революционеров, но и обладающих властью. В этих «текстах» коренятся те политические представления, которые пытались воплотить в жизнь в XX веке. Подобным «текстом» Глюксман считает и марксизм. «Текст» выступает в качестве эквивалента знания, но фактически он утверждает лишь одно — власть, а вместе с ним кабалу.

Когда Глюксман говорит о власти, он имеет в виду господство, а в его рамках — так называемое «рациональное господство», которое, в трактовке М. Вебера и «новых левых», основывается на знании и организационным проявлением которого выступает бюрократия. На отличие просто господства от «рационального господства» стоит обратить внимание, потому что Глюксман и «новые философы»

часто говорят о «господине». Они при этом ссылаются на одну из работ М. Фуко, французского философа-структуралиста. В ней речь идет о так называемом «дисциплинированном обществе», которое регулируется законом, и этот закон члены общества воспринимают как принуждение на основе «текстов».

Создателем «текстов» является философия, функции которой в ходе истории значительно изменились. Глюксман ссылается на Гегеля, считавшего, что Сократ философствовал как частное лицо. Позднее же философы стали играть общественную роль. Философ «прямо становился на службу государству». В глазах Гегеля Сократ представлял собой дух, возбуждавший сомнение, но в то же время он учитель Платона, который уже воплощал новую общественную роль философии. По Глюксману, Гегель берет себе именно этого, второго Сократа, несмотря на то что за исходное он принял «вопрошающего» Сократа. Мыслители двух последних столетий, пишет Глюксман, «часто ссылаются на то, что исходным пунктом для них является сомнение, при этом каждый считает свое сомнение более радикальным, чем у других». Иногда отправным пунктом они считают Декарта (Фихте) или Сократа (Гегель и Кьеркегор). Менее интересен вопрос, продолжает Глюксман, «на каком полотне отражается источник сомнения. Суть дела в том, чтобы схватить корень вещей, и чем радикальнее становится сомнение, тем серьезнее знание, к которому оно приводит. Сомнение бывает вначале как отправная точка, от которой мы отталкиваемся. Вперед к *серьезной* религии, *серьезной* политике, к беспощадной самокритике» [1].

После историко-философского экскурса Глюксман переходит к анализу взглядов избранных им четырех философов, к «четырем тузам». Фихте, вещает он, ввел понятие философии как науки революции и вместе с тем, исходя из идей Просвещения, наделил ее воспитательными функциями по отношению к народу. Гегель создал метафизику философии, поставив в ее центр вместо бога историю. Маркс усилил идею фатальности, подчеркивая неизбежность классовой борьбы и революции. Ницше наиболее остро поставил вопрос о «господине» и вместе с тем о власти, тем самым сделав конечный вывод из развития немецкой философии.

В итоге философия предстает как наука революции,

---

[1] *Glucksmann A.* Les maîtres penseurs, p. 87—88.

однако подверглась сомнению сама необходимость революции. Таким путем, считает Глюксман, философия стала средством манипуляции общественным сознанием. Глюксман пытается доказать, что французская революция, строго говоря, была бессмысленной. Она лишь заменила одну форму господства другой, но все это не затронуло «необозримые» массы людей, которые не являлись ни эксплуататорами, ни эксплуатируемыми.

В 1979 г. была переиздана книга Глюксмана «Трактат о войне», впервые опубликованная в 1967 г. В предисловии к новому изданию Глюксман вновь самым решительным образом отвергает идею революции. В лучшем случае он допускает идею развития, но и тогда акцент делается на непрерывности развития. По мнению Глюксмана, нельзя по-настоящему изменить судьбу человечества, не существует ее «конечного» решения, из этого обстоятельства и надо исходить. Глюксман выступает против того, что и левые, и правые эксплуатируют пессимистические настроения, но в то же время в предисловии к своей книге под названием «Европа 2004» он описывает, как в начале следующего века погибает наш континент. Итак, Глюксман выносит суровый приговор радикальным изменениям, революционной политике. Решение же проблемы он усматривает в выявлении человека как «частного лица» и в стоическом принятии смерти.

Начитанность Глюксмана несомненна. Однако свои знания он выстраивает в цепь самых произвольных рассуждений, которые призваны выразить самоощущение разочаровавшейся интеллигенции. Философские положения вырываются им из их логической и исторической взаимосвязи и самым непосредственным образом используются для сиюминутных политических целей. Основной метод изложения — «тематические прыжки», которые порождают нервозную, отвлеченную, запутанную прозу. Каждая строчка Глюксмана вызывает возражения не только в политическом или философском плане, но и с точки зрения интеллектуальной порядочности.

Такого же метода, но, пожалуй, еще более настойчиво придерживается в области политической публицистики Б. А. Леви, издавший в 1974 г. книгу под названием «Варварство с человеческим лицом», в которой он ссылается на так называемую «пражскую весну» и говорит о «социализме с человеческим лицом». Леви тоже профессор философии, редактор книжного издательства Грассе, специалист в области пропаганды. Основная его идея — «до кон-

ца продумать роль пессимизма в истории». Леви предлагает не принимать те представления, которые исходят из какого бы то ни было смысла в истории и жизни людей. Главный вопрос — вопрос о «господине», вопрос о власти — не навязывается людям извне. Люди — здесь Леви ссылается на новые данные некоторых психоаналитиков (Лакан и др.) — сами жаждут быть в услужении. Одной из основных целей бессознательного «желания» людей является как раз власть или создание таких отношений, которые приведут к власти. Действительность не существует, ее создает власть. Истории нет. В лучшем случае изменяются формы господства, но не общественные и человеческие отношения. Именно поэтому идея лучшего общества абсурдна, бессмысленно спорить об угнетении и освобождении личности.

Чтобы лучше прочувствовать такого рода прозу, мы приведем более пространный отрывок, в котором обобщено все вышесказанное. «Вот, пожалуй, лозунг для этого окаменевшего поколения: сломайте шею оптимизму и смехотворному рационализму, вооружитесь пессимизмом и одурманивайте себя огорчениями. Такова наша грубая правда, которая вызревала в нас на протяжении длительного времени, которую мы нашептывали в темные дни нашего благодушия: крушение мира, на вершине которого стоит человек, криводушие политики, наивысшее благо недосягаемо. Счастье никогда не станет новой идеей (здесь Леви ссылается на французскую революцию и Сен-Жюста.— *Б. К.*), за исключением того случая, когда все общества порвут со всем тем, что делало возможным появление такой идеи. Революция не стоит и не может стоять на повестке дня до тех пор, пока история не станет историей, пока должное не станет должным. Человек, даже взбунтовавшийся человек, есть лишь впавший в ошибку бог, его неудавшееся подобие. Поэтому в конце концов надо сказать правду весталкам, апостолам того, что «все идет хорошо», и исторического «хэппи энда». Там, где они есть, их надо выявить не в туманных понятиях, а в самом материализованном их проявлении. Надо довести до конца это отцеубийство, сделать последний шаг к тому, чтобы оградить нас от самого большого святотатства, и это *задача* такого рода, к которой надо быстро подготовиться: дойти до конца по пути, начатому тридцать лет назад критикой сталинизма, продолженному в 1968 г. забвением ленинизма и закончившемуся в последнее время разрывом с марксизмом. Другими словами, надо критиковать само имя со-

циализма в той форме, в которой оно завещано нам традициями»[1].

В приведенном обобщении, которое напоминает и стиль Ницше, и патетическую публицистику «новых левых», Леви призывает ни больше ни меньше как на основе перечисленных, но недоказанных соображений усомниться не только в идее социализма или революции, но и в возможности и смысле любого усилия человека что-либо изменить в мире.

Леви ведет огонь прежде всего по социализму потому, что социализм основывается на действительности, истории, развитии, исходит из существования пролетариата, о котором автор говорит в духе «новых левых». То, что капитализм сохранится, для Леви несомненно, ибо он считает его естественной формой существования человека, вопреки тому, что, по его же словам, капитализм представляет собой определенную разновидность проявления варварства. Впрочем, согласно его точке зрения, социализм — это лишь неудавшийся капитализм. Особенно мрачен его пессимизм по отношению к будущему, ведь, по его мнению, в Западной Европе возникнет такое «варварство», которое объявит себя «социализмом», но воспримет все «крайности» «индустриального общества». Появится такая «политическая сирена, тело которой будет капитал, а голова — марксистская». Что же делать в таком случае? Выбрать себе, вещает Леви, некую провизорную мораль для интеллигенции. Пусть интеллигенция выступит по отношению к грядущему варварству как художник, как моралист и как метафизик.

В 1979 г. в Париже была издана книга Леви «Завещание бога», в которой он стремился доказать, что тоталитаризм возник в результате того, что был принесен в жертву монотеизм. Тоталитаризм Леви находит в любой языческой религии, в том числе и в греческой мифологии, поэтому он считает, что надо вернуться не к язычеству, как призывают «новые правые», а к иудео-христианской вере. В послесловии к книге он вновь повторяет, что в будущем интеллигенция призвана стать «метафизиком, художником и моралистом». Надо вновь возвысить бога в духе иудео-христианских мифов. Бог — это «незаменимый форум» и «нужное представление».

Книга Леви «Французская идеология» (1981) вызвала шквал негодования, ибо он утверждал в ней, что во Фран-

[1] *Lévy B.-H.* La barbarie à visage humain. P., 1977, p. 85—86.

ции и левые, и правые в равной мере способствовали возникновению фашистской идеологии. По мнению Леви, к ее источникам относятся и националистический неокатолицизм Ш. Пеги, и персонализм Э. Мунье. В конечном счете Леви бросает всей современной французской духовной жизни обвинение в национал-социализме и прежде всего в антисемитизме. Книга встретила всеобщее неприятие, она оказалась подходящей для выявления противоречий между «новыми правыми» и «новой философией» [1]. Леви обвинил и «новых правых» в антисемитизме, аргументируя это имевшими место инцидентами.

Идея возврата к религии встречается не только у Леви, но и у других авторов, причисляемых к «новым философам». В 1976 г. вышла книга Г. Лярдро и К. Жамбе «Ангел». Опираясь на воззрения некоторых современных представителей психоанализа, ее авторы приходят к тем же выводам в области философии истории, что и Глюксман. Авторы книги полагают, что действительность не существует, это, так сказать, лишь дискуссия, разговоры о чем-либо. История тоже не существует, ибо она предполагала бы наличие действительности. Основной фигурой истории Лярдро и Жамбе считают «господина», власть, в противовес которой появляется «бунтарь», внимающий «ангелу». Двумя основными орудиями «господина» служат «желание», трактуемое в духе нового психоанализа, и «язык». «Бунтарь» же совершает культурную революцию. «Бунтарь,— пишет Жамбе,— один противопоставляет эту жизнь, которую он так любит, политическому декадентству, ужасающей монотонности неравенства и несправедливости» [2]. В конечном счете «бунтарь» являет собой некий новый аскетизм, а «ангел» олицетворяет великое «религиозное отрицание».

Авторы первой книги, направленной против «новой философии», Ф. Обрар и К. Делькур, которые еще не могли знать работ Глюксмана и Леви, проанализировав «Ангела», ставят вопрос: как можно было от маоизма прийти к религии? И отвечают: «Это праздный для маоистов вопрос, ибо они всегда были религиозными людьми. «Христианские леваки» свое отношение к маоизму выражали в форме веры... Они открывают свои красные книжечки как катехизис, чтобы найти в них бальзам ангельской простоты. Это возврат к пустыне разума, в которой встречаются

[1] О развернувшейся вокруг нее дискуссии см.: Le Monde, 1981, 16, 23 janvier.

[2] *Jambet Ch.* L'apologie de Platon. P., 1976, p. 93.

«христианские аскеты» и «маоистские аскеты», святые и герои, которые ведут по пути, по королевскому пути бессмертия души и спасения... «Новая философия», надев на себя бунтарские крылья, присоединяет свой голос к хору ангелов» [1].

«Новая философия» начала свой путь как явление моды, однако ее отрицание прогресса, антинаучная направленность, иррационализм и, конечно, антимарксизм и антикоммунизм оказывают и более широкое воздействие.

Что же касается французских «новых правых», то они сформировались в 70-е годы, их организационной формой выступает так называемая «Группа исследования и изучения европейской цивилизации». По начальным буквам французского названия она звучит как GRECE («ГРЭС»), Греция, что должно задавать некий исторический фон определенной ориентации. Группа издает на французском и итальянском языке журнал «Элеман» («Элементы европейской цивилизации»), поставляющий идеологическую пищу для объединений и клубов единомышленников в различных «округах», за которыми сохраняются прежние фашистские названия. Согласно западной печати, число членов группы «ГРЭС» достигает 500 человек и значительную часть их составляет интеллигенция. Среди основателей группы довольно много ученых-естественников, писатели Ж. Ануй, Ж. Жано и М. Жуано, такие политики, как бывший голлистский министр М. Понятовский, сын Жискара д'Эстена и др.

Свои взгляды эта группа распространяет среди миллионов читателей через журнал «Фигаро-магазин», главным редактором которого является Л. Повель, один из представителей «новых правых», как и печатающийся на страницах журнала А. де Бенуа. (Издателем же является Ж. Эрсан, бывший во времена второй мировой войны коллаборационистом.) А. де Бенуа издает и журнал «Эколь нувель», который имеет патронирующую международную редакцию, среди членов ее мы встречаем имена немецкого археолога Ф. Альтхайма, французского писателя Ж. Ко, английского ботаника К. Д. Дарлингтона, французского нейропсихолога П. Дебре-Ритцена, историка религии М. Элиаде, французского историка искусства Р. Хига, английского писателя А. Кёстлера, австрийского этолога К. Лоренца, А. Молера (бывшего секретаря Э. Юнгера),

---

[1] *Aubrard F., Delcourt X.* Contre le «nouvelle philosophie». P., 1977, p. 139—140.

французского историка религии Л. Ружье, а также других специалистов по классической филологии, германистов, политологов.

Философскими вопросами занимается прежде всего журнал «Эколь нувель». На его страницах можно прочитать (летний номер за 1979 г.), что следует вернуться к номинализму, который отражает неравенство, существующее в мире, ибо номинализм и в вещах, и в людях прежде всего подчеркивает различие. А. Молер утверждает, что номинализм возвращает человеку его достоинство, а А. де Бенуа, исходя из идеи неравенства, ищет пути «возрождения человека в этосе чести». Разумеется, оба они нападают на марксизм, заявляя, что они выступают против всякого «универсализма». Свои взгляды они подкрепляют ссылками на О. Шпенглера и итальянского историка религии Ю. Эволу, умершего в 1974 г. Они ссылаются и на этнопсихические и этологические исследования. Из числа их предшественников не мог выпасть и Э. Юнгер с его «синтезом» действующего и мыслящего человека, «германца нашего столетия». Они нахваливают его писания с их воспеванием воинских доблестей.

Для обоснования апелляции к мифологическому сознанию цитируют прежде всего исследования в области истории религии Ж. Дюмезиля, а в серии «Мыслители-властители», редактируемой А. Бенуа, вышел посвященный данному вопросу сборник под редакцией профессора из Нанси Ж. К. Ривьера, которого также относят к числу «новых правых». Дюмезиль занимается сравнительной историей религий, стремясь выявить в структуре религий общие для них черты, чтобы затем воздействовать на идеологию, которая основывается на глобальных представлениях о всемирной истории и тех силах, которые на нее влияют.

Идеология, по его мнению, наделена тремя функциями, которые обеспечивают группам людей их стабильность, осмысление действительности и формирование социальных систем. Первая функция способствует утверждению светской и церковной власти, суверенитета данной человеческой общности, вторая обосновывает применение насилия, третья связана с обеспечением плодородия и здоровья. Эти функции воспроизводятся в общественных структурах, каждая из них соотносится с определенным общественным слоем или классом: первая — с жрецами, вторая — с воинами, третья — с земледельцами. Дюмезиль определяет характерные черты, отличающие ту или иную функцию идеологии в общественном, политическом, религиозном, а

также в психологическом, символическом плане. Основной характерной чертой первой функции он считает мудрость и знание, второй — храбрость, третьей — умеренность. Источником ошибок соответственно являются для первой функции святотатство и злоупотребление властью, для второй — трусость, для третьей — воровство и вообще так называемые заурядные грехи. «Перспективы» в первом случае — космическое единство, во втором — единство пространственного и индивидуального, в третьем — единство общественного и личного. В «цветовом плане» этим трем функциям соответствует в первом случае белый цвет, во втором — красный, в третьем — черный или темный.

Эти выявляемые, прежде всего в индоевропейской мифологии, функции Дюмезиль прослеживает в древних эпосах и в средневековой литературе, в греческой, римской и персидской истории. Он оперирует богатым материалом, остроумно его использует, но систематизация его спорна, отнесение отдельных мифологических элементов исключительно к индоевропейским особенностям очень сомнительно. А «новые правые» используют именно подобного рода «специфику».

«Новых правых» вдохновляет и другой историк религии, Л. Ружье. Как философ, он примыкал в свое время к Венскому кружку и занимался различного рода мифами или, скорее, проблемой «мистического». Ружье обратил на себя внимание в 1925 г. работой «Цельс против христиан», в которой он прославлял язычество. А. де Бенуа и его сторонники заметили эту книгу Ружье потому, что они тоже выдвигают на первый план «мистический» характер идеологии, тоже пропагандируют язычество под знаком индоевропейства.

Распространению «индоевропейской мифологии» способствовала рекламная шумиха вокруг исторических романов Р. Граве «Я, Клавдий», М. Валтари «Цинна в Египте» или Ж. Мартина «Приключения Аликса», направленных, по определению журнала «Элеман», против таких исторических работ, которые ставят под сомнение «американский образ жизни» и буржуазные ценности. Издательство «Коперник» выпускает в свет целую серию «Мифы и эпосы Европы», которая должна служить обоснованию идеалов «индоевропейской цивилизации».

«Новые правые» хотели бы использовать и естественные науки. Здесь основным источником для них служат американская генетика и социобиология. Для доказательства врожденного неравенства они особенно охотно цити-

руют работы А. Йенсена. Например, ссылаясь на них, И. Кристен доказывает, что «умственная отсталость наследуется и именно это главным образом определяет жизнь людей и групп» [1]. В своей книге «Время социобиологии», изданной в Париже в 1979 г., он объявляет себя учеником Уилсона и воспроизводит основные положения его концепции. Социобиология, по его мнению, может значительно помочь в познании людей и общества, более того — в формировании будущего. Уилсон, рассказывает он, заявил в одной из бесед с ним: развитие культуры работает против биологических потребностей, но если мы будем считаться с ними, то сможем принимать более мудрые решения, более соответствующие природе человека. Таким образом, естествознание используется для обоснования призывов возвратиться к ценностям прошлого, в том числе и к иерархической общественной системе.

Основные идеи «новых правых» обобщает книга А. де Бенуа «Взгляд справа: Критическая антология современных идей». Он дает следующее определение: «Правым я называю чисто условно такое поведение, которое считает позитивными существующие различия в мире и, следовательно, относительное неравенство, являющееся их неизбежным результатом, а негативным — постепенную гомогенизацию мира, которую провозглашает и осуществляет тысячелетняя идеология равенства. Правыми я считаю те доктрины, которые исходят из того, что относительное неравенство бытия порождает соотношение сил, имеющее своим результатом исторический процесс, которые исходят из того, что история должна продолжаться. Кратко говоря, «жизнь есть жизнь, то есть борьба для определенной нации, точно так же, как и для отдельного человека» (Ш. де Голль). Это значит, что для меня противниками являются не «левые», или «коммунизм», или «революция», а всякая идеология равенства, определения которой, и религиозные, и светские, и метафизические, и якобы «научные», уже две тысячи лет непрерывно пускаются в ход вновь и вновь. В этом плане «идеи 1789» представляют собой лишь этап, а современные революции и коммунизм являются только неизбежным его последствием» [2].

Бенуа считает необходимым, чтобы правые открыто заявили о себе, показали, что ничто не может быть нейт-

---

[1] Figaro Magazine, 1980, 1 mars.

[2] *Benoist A. de.* Vu de droite: Anthologie critique des idées contemporaines. P., 1978, p. 16.

ральным и всякая тема должна явиться предметом «дискуссии». Для чего это нужно? С тех пор как человек существует, пишет Бенуа, он постоянно пребывает в кризисе, но в наши дни ему угрожает та опасность, что он может поверить в невозможность преодоления кризиса. «Новые правые», провозглашает Бенуа,— как раз те, кто обращают внимание на возможность современного решения проблемы.

В летнем номере «Эколь нувель» за 1979 г. Бенуа делает попытку дать изложение исторических взглядов «новых правых». Согласно его точке зрения, историческое развитие может быть только цикличным, ибо это соответствует индоевропейскому мировосприятию и самой природе человека, ибо подобное развитие предполагает изменения, возвраты, но в то же время и возможную гармонию. Бенуа хотелось бы несколько видоизменить шпенглеровскую теорию истории, и вслед за Ницше он говорит о «сферической» концепции истории, согласно которой есть круг, но нет конца истории. Ведь сфера, шар может двигаться в любом направлении, и фактически оно зависит от желания человека.

Следовательно, продолжает Бенуа, есть возможность преодоления кризиса, более того, преодоление на основе определенных ценностей. Человек существует не сам по себе, а только посредством культуры. Отсюда необходимо выявить наши культурные ценности. В любом обществе господствуют определенные нормы, и их надо воспринимать как естественные, как некий абсолют, к которому следует приспособиться. Современное достойное поведение есть так называемая «героическая субъективность», которая принимает определенные нормы и благодаря этому находит выход из создавшегося кризиса. Биологический детерминизм в человеке имеет негативный характер, он проявляется потенциально, в заданных нашей природой рамках. Но свобода человека безгранична. Задача заключается в том, чтобы быть человеком, подняться от уровня индивида до уровня личности, что предполагает наличие души. Однако ею мы располагаем лишь в том случае, если в состоянии властвовать над собой. Честь означает приверженность определенным выбранным нормам, верность человека представлению о самом себе.

Коль скоро речь идет о продолжении европейской цивилизации, изначально в ее истории, считает Бенуа, правитель и жрец стояли выше воина, а воин — выше производителя и потребителя. Другими словами, душа и дух

преобладали над сердцем, а сердце над желудком. В ходе исторического развития данная иерархия оказалась перевернутой, и задача заключается в том, чтобы восстановить первоначальное их соотношение. Эта мысль высказывается Бенуа и в статье, написанной для коллективного издания, вышедшего под названием «Майастра. Возрождение Запада» (Париж, 1979) [1].

Другой идеолог «новых правых» — Л. Повель заявил в ней, что начиная с 1978 г. время благоволит правым. Результаты научных исследований и новые идейные направления оттеснили на задний план утопии и «мессианские» идеологии. До сих пор все идеологии и связанные с ними общественные науки были «редукционистскими», все они шли в одном направлении, в сторону равенства. Однако надо вернуться к великим идеям «индоевропейской культуры» (здесь следует отсылка к исследованиям Дюмезиля и лингвиста Бенвениста), к «трехфункциональному» измерению. Надо принять данные биологии, особенно генетики и этологии, которые свидетельствуют о том, что не было и нет ни одного общества, которое обходилось бы без элиты. Все это мы уже встречали у Бенуа. Точно так же в противовес христианству Повель пропагандирует античность, язычество, стремясь отграничить этим «новых правых» от традиционалистов с их приверженностью наследию христианской Европы.

Появление «новых правых» вызвало во Франции определенное смущение и сопротивление. Знатоки немецкой духовной жизни быстро распознали источники «новых правых» — не только те или иные положения философии Ницше, но и консерватизм времен веймарской Германии. Многие усматривают в них просто возрождение данного направления в более «современной» форме. Другие ищут у «новых правых» следы влияния французского традиционализма и Ж. Сореля. Есть и такие, кто прямо сводит их к фашизму.

В интервью, данном западногерманскому журналу «Шпигель» (1979, № 34), А. де Бенуа утверждает, что «новые правые» «не являются неофашистами, что это не дань новой моде, а движение молодого поколения интеллигенции, направленное против старшего поколения». Бенуа не относит себя ни к традиционалистам, ни к монархической партии, ни к бонапартистам, то есть он отмеже-

---

[1] Майастра — чудо-птица из румынской мифологии, с которой Западную Европу познакомил историк религии М. Элиаде, румын по происхождению.— *Прим. автора.*

вывается от традиционных правых. «Мы хотим сформировать новое мышление,— декларирует он,— в центре которого стоит идея элиты». Такое мышление «новые правые» намерены питать традиционными мифами и выраженным в них «народным духом».

Они требуют ограничения динамичности экономики и выступают против экономической власти транснациональных корпораций. Экономическая жизнь, с точки зрения «новых правых», должна быть подчинена политике. Политика же должна складываться на основе идеи иерархического общества. Дохристианская культура греков, персов, германцев, по их мнению, была более гуманистичной, ибо там имело место естественно заданное неравенство и иерархия, вершину которой составляла элита. Идею «естественно заданного» неравенства «новые правые» пытаются подкрепить работами К. Лоренца, его суждениями о поведении, определяемом врожденными инстинктами, исследованиями генетики поведения у Э. Уилсона и Р. Доукинса.

Когда редактор «Шпигеля» упрекнул А. де Бенуа за то, что он превозносит К. Шмитта, одного из идейных предшественников немецкого фашизма, его представления о государстве, антропологию А. Гелена, художественное творчество Э. Юнгера, который в глазах общественного мнения своей страны является правым (а некоторые причисляют его к фашистам), то в ответ было заявлено, что «новые правые» проводят теоретические изыскания, к которым не следует прикладывать политические ярлыки. На замечание, что в комитет, который патронирует «Эколь нувель», входят и член НДП, то есть неонацистской партии, и один из теоретиков южноафриканского апартеида, и американский проповедник биогенетики, и А. Молер, которого «никак нельзя заподозрить в каких бы то ни было либеральных наклонностях», Бенуа ответил, что среди двухсот членов комитета есть и имена А. Кёстлера, К. Лоренца и М. Элиаде, которые, по его мнению, не относятся к правым, что вообще надо видеть различия между консервативными течениями в ФРГ.

К «новым правым» близко примыкает так называемый «Клуб часов» или «Орлож», выпустивший манифест под названием «Политика живого», написанный А. де Леканом. Этот клуб рекрутирует своих членов прежде всего из числа технократов и больше занят вопросами политики, чем группа «ГРЭС». Представители данного направления исходят из того, что, с точки зрения современной биоло-

гии, люди от рождения располагают разными способностями. Отсюда они отвергают «утопии равенства», которые, по их мнению, начиная с XVIII века приобретали все большее влияние.

Свои воззрения члены «Клуба часов» пытаются подкрепить критикой философии истории. Они выступают против Руссо и всех тех его последователей вплоть до Леви-Строса, которые говорят о природе человека и его «естественном состоянии». Другим объектом нападок является Маркс. Выступая против его воззрений на историю, они пытаются доказать, что социализм противоречит факторам, вытекающим из биологической природы человека, а также его свободе, являющейся единственной чертой, отличающей человека от животного мира. Социалистические учения, по мнению сторонников «Клуба часов», зиждутся на трех положениях, которые они называют «железным треугольником», а именно: преувеличении роли среды, идее равенства и утопизме. Современную биологию они используют для обоснования элитарных, героических и трагических представлений о человеке, «неорыцарских идеалов».

В 1979 г. во Франции прошли широкие дискуссии о «новых правых». Одна из наиболее интересных статей была написана Р. Ремоном, историком, занимающимся консерватизмом XIX столетия. По его мнению, для новой школы характерно прежде всего акцентирование неравенства индивидов и цивилизаций. В этой связи он пишет: «Критика утопии равенства так же стара, как и контрреволюционное мышление. Она лежит в основе всех тех философий, которые по праву можно назвать реакционными»[1]. Отличие «новых правых», продолжает Ремон, состоит в том, что они апеллируют не к доводам морали или к отвлеченным мыслительным конструкциям, а хотели бы основываться на науке, прежде всего на биологических науках. Их Дарвином является Лоренц. Из его учения они делают тот вывод, что человек относится к животному миру, и его этика должна считаться с законами рода.

Подобная «научность» не исключает иррационализма, особенно иррационализма мифов и легенд. Прежде всего восхваляется античная Греция, однако «новых правых» привлекают и мифы «варварских» северных народов. Это первый случай в истории, пишет Ремон, когда классицизм соединяется с романтизмом, ибо до сих пор культ Афин

---

[1] Le Mond, 1979, 20 juillet.

исключал германские божества, а свет Акрополя — северный туман. «Новые правые», по его мнению, менее националистичны, чем их предшественники, они хотели бы считаться скорее европейцами, и для утверждения подобной приверженности Европе используются работы Ж. Дюмезиля. Новым моментом является и то, что они противостоят христианству, которое обвиняют в распространении утопий равенства и в упадке общества. Ремон обращает внимание на то, что, хотя «новые правые» и не создали политической партии, их влияния нельзя недооценивать, как неправильно было в свое время преуменьшать влияние «Аксьон франсэз», тоже не создавшей политической партии.

М. Бегбеде, издавший первую антологию «новых правых» (Париж, 1979 г.) и сам выступавший в «Эколь нувель», специально проследил связь «новых правых» с естественными науками. Он тоже считает, что одним из основных источников для них является этология и ее положения, разработанные К. Лоренцом, положения, которые, по мнению Бегбеде, не имеют ни малейшего отношения к фашизму. Однако Лоренц, как и Хайдеггер, в 30-е годы симпатизировал фашизму. Морализирующий Лоренц легко может быть использован в правых целях, потому что его работы, затрагивающие нравственные и политические проблемы, полны противоречий и неправильных определений. Например, о демократии Лоренц говорит, что это «ирреальная система», ибо она основывается на идее равенства, тогда как законом природы является неравенство. Лоренц явно забывает здесь то, что как этолог сам подтверждал: человек есть не только природное, но и культурное существо и основу общественного порядка не могут составлять исключительно биологические законы.

«Новые правые» особенно выделяют понятие отличия, которое широко применяется в наши дни и в математике, и в генетике, и в этологии. Но при этом нельзя забывать, что отличие находится в диалектической связи с тождеством, гомогенностью, непрерывностью, универсальностью. «Новые правые» подчеркивают лишь само отличие, чем упрощают проблему. Такого рода односторонность явственно проявляется тогда, когда речь заходит о различиях между расами. Хотя «новые правые» всегда возражали против расовой теории, однако своим постоянным и усиленным акцентированием неравенства они вызывают уверенность, что относят понятие отличия к человеческому роду одинаково и в расовом и в общественном отношении.

Суждения по поводу того, насколько опасны «новые правые», весьма различны. Так, социолог А. Турен пишет: «В настоящий момент «новые правые» имеют определенный вес в идеологии большинства, несмотря на то что им противостоит либеральный жискардизм, и этот вес будет возрастать по мере углубления кризиса и по мере того, как правительства, оставив позади пробу сил в ходе избирательной кампании, начнут непосредственно взывать к защите характерных особенностей и традиций страны в условиях враждебного окружения». По мнению этого автора, речь идет не о возрождении фашизма, а о появлении некой другой формы правых умонастроений. «Культура «новых правых»,— пишет он,— сочетается с политическим и экономическим элитаризмом, который отличается от национал-социализма, стремившегося казаться антиаристократическим и народным» [1]. Они могут стать фашистами, считает Турен, если начнут свои идеи о культурном и государственном единстве применять против народных движений, что вполне может случиться в будущем.

Вылазка против одной из парижских синагог осенью 1980 г. вызвала во французской печати много разговоров об идейной ответственности «новых правых». Но их представители выступили против обвинений в расовой ненависти, высказанных в их адрес. В своих последующих заявлениях «новые правые» старались более четко изложить свои установки, которые они суммировали следующим образом:

1. Они являются сторонниками философской антропологии и в этом плане стремятся вслед за Геленом согласовать природу и культуру.

2. Они хотят защищать право на отличие, но лишь в рамках культуры, а не на основе расовой теории.

3. Они выступают против экономизма, провозглашают автономию и даже примат политики.

4. Они осуждают направления, провозглашающие конец истории, считают, что подобные представления направлены против буржуазии. В интересах общественного плюрализма они осуждают сверхдержавы. Выступают в защиту Европы, за солидарность Европы с «третьим миром» [2].

Однако все новые и новые разъяснения не в состоянии убедить широкое общественное мнение в том, что «новые правые» не близки фашизму.

Существует и такая разновидность неоконсерватизма,

[1] *Touraine A.* L'Apres-socialisme. P., 1980.
[2] Nouvelles littéraires, 1980, 6—13 novembre.

которая была близка политике В. Жискар д'Эстена и стремилась соединить либерализм с консерватизмом. Так, Р. Арон, «отец» теории «индустриального общества», в своей статье в «Экспресс» от 28 июля 1979 г., высказываясь по поводу дискуссии о «новых правых», говорил об идеологических источниках этого направления и выделял при этом ориентацию на биологию, стремление использовать положения Джексона и Йенсена об умственной отсталости не только применительно к индивиду, но и для доказательства наследственного неравенства отдельных групп людей. Арон упоминает о том, что А. де Бенуа старается представить своими единомышленниками Б. Рассела и К. Поппера, хотя оба они далеки от его политических убеждений. Сам Арон разделяет отказ «новых правых» от метафизики и их апелляцию к науке. Он отмечает, что они стремятся к единству Европы на основе общности «индоевропейской цивилизации», что они противостоят Америке, которую осуждают за милитаризм и отказ от ценностей более высокого порядка. «Использование творчества Жоржа Дюмезиля и генетики, культ героев и признание биологического фатализма, применение достижений экспериментальных наук и интерес к дохристианским легендам и эпосам — все это перемешалось и создает скорее определенную атмосферу, чем доктрину».

Сам Арон, по его выражению, испытывает аллергию на подобного рода литературу, ибо, ссылаясь на общепризнанные достижения наук, ее авторы переходят к гипотезам, близким к абсурду. Например, возражает он, правильно, что наследственность влияет на духовные и физические способности индивида, но неправильно, что можно пренебрегать влиянием окружающей среды. Арону не нравится акцент, который делается на лозунге социальной элиты, ибо он не убежден в достоинствах селекции. Генетическими причинами нельзя объяснить различия культур и их разнообразие. Арон не признает также дискуссии о достоинствах той или иной религии: «Читая печать, складывается впечатление, что необходимо делать выбор между горой Синай и Олимпом, между Яхве и Вотаном». Арон не желает делать такого выбора и считает, что необходимо «чтить в другом человеческую сущность, какое бы скромное положение этот человек ни занимал, каким бы скромным ни был уровень его умственного развития. Именно такого рода наказ содержится в обращениях религий спасения. Нарушить его равносильно тому, чтобы открыть дорогу варварству».

Арону симпатичнее члены «Клуба часов», которые больше интересуются политикой и напоминают ему о немецких консерваторах догитлеровских времен. Говоря о них, он тоже подчеркивает, что «духовное и нравственное обновление имеет более важное значение и требует меньшего высокомерия. В наши дни избранники денег и власти страдают болезнью чрезмерного элитаризма. Они нуждаются в том, чтобы оправдывать свои действия идеологией партии-элиты»[1]. По мнению Арона, «новые правые» представляют собой опасность, но бороться с ними надо интеллектуальными средствами.

Хотя Арон стремился отмежеваться от «новых правых», общественное мнение видело в нем одного из основных представителей консерватизма. В своей книге «Речь в защиту упадка Европы», вышедшей в 1977 г., он выступил за спасение «либеральной Европы», ибо она, по его мнению, гарантирует рост производительности, возможность обновления и свободу индивиду. Эта Европа, считает он, в наши дни стала жертвой самой себя, ее существованию грозит серьезная опасность. Наступил конец так называемому экономическому чуду, сложилась некая комбинация стагнации и инфляции, порождающая экономические и общественные проблемы. В политическом плане Европу охватил «веймарский синдром», произошла резкая поляризация правых и левых сил. Наряду с этим обнаружились признаки кризиса цивилизации. Ими являются неомальтузианская идеология, экологизм, отрицательное отношение к росту производства. Арон выступает против всякого рода левизны, которая разрушает Западную Европу, и призывает ее объединиться с США в защиту либеральных идей.

Книга Арона вышла в свет до выборов 1978 г. и была нацелена прежде всего на то, чтобы отпугнуть французских избирателей от левых в такой момент, когда коммунисты и социалисты придерживались общей программы. Фактически же Арон обнажил консерватизм буржуазного либерализма.

Во Франции влияние таких представителей экономического либерализма, как Хайек или Фридмен, было менее значительным, чем в США или в Англии. Здесь основным представителем этого направления был А. Лепаж, выпустивший в Париже в 1980 г. книгу под названием «Завтрашний день либерализма», где он подчеркивает значе-

[1] L'Express, 1979, 28 juillet.

ние прибыли в тесной связи с рынком, который рассматривается не просто как форма обмена материальных благ и услуг, но и как процесс обмена информацией, опытом, делающий возможным их столкновение и пересмотр.

Французские правые, пожалуй, не так бросаются в глаза, как в других странах, они с определенной осторожностью следуют за консервативным направлением. На последних президентских выборах один из представителей голлистов, Ж. Ширак, открыто выступил под знаменем консерватизма, который проводят на практике Рейган и М. Тэтчер.

В исключительно широкой по своему спектру французской политической жизни «новые философы» и «новые правые» представляют собой течения, привлекающие прежде всего «интеллектуалов». Главные буржуазные политические силы как бы предоставляют возможность для выбора, применяя различного рода идеологические средства, в том числе и воззрения «новых философов» и «новых правых». «Новые правые» получают возможность влиять на политику господствующих классов. «Новые философы» — скоропреходящее явление в духовной жизни Франции, которое используется буржуазией в борьбе против марксизма, реального социализма и Французской коммунистической партии. Однако во Франции левые силы достаточно сильны для того, чтобы противопоставить консервативной волне реальную альтернативу.

ГЛАВА VI
ПОПУЛИСТСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В АНГЛИИ

Англия — страна, в которой некоторые идеи неоконсерватизма стали претворяться в жизнь до того, как сформировалось само это направление. В 1979 г. к власти пришло правительство М. Тэтчер, победа которого объясняется не только разочарованием в политике лейбористской партии, но и определенными преобразованиями внутри консервативной партии.

Мы бы выделили две особенности так называемого тэтчеризма. Первая — это возврат к традиционной буржуазной идеологии, провозглашающей общественным благом рынок, конкуренцию, элитаризм, частное предпринимательство, а также осуждающей государственное вмешательство в экономику и бюрократизм. Вторая — акцент на таких моментах, как авторитет, законность, порядок, патриотизм, национальное единство, семья, индивидуальная свобода, которые противопоставляются профсоюзному движению, стремлению к национальному отделению, чрезмерной уступчивости, кампании по раскрепощению женщин и т. д.

Это значит, что в своей политике неоконсерваторы хотели бы при помощи свободной игры рыночных сил преобразовать промышленность, ограничить вмешательство государства в экономическую жизнь, противостоять рабочему движению и вообще демократическим направлениям, защищающим социальные завоевания, достигнутые после 1945 г. Как пишет М. Жак, «тэтчеризм объединяет экономическую стратегию laissez-faire * правого толка с реакционным, зиждущимся на авторитете популизмом» [1].

Новым в данном направлении Жак считает его «народность» и одновременно обращение к авторитетам, а ранее партия тори выступала, желая быть партией национального единства, под знаком демократизма. Неоконсерваторы по-новому заняты поисками своей опоры в обществе, ибо

* «Laissez-faire» — «предоставьте свободу действий» — формула буржуазных экономистов, сторонников свободной торговли и невмешательства государства в сферы экономических отношений.

[1] Marxism Today, 1979, October.

они хотели бы привлечь одновременно средние классы, мелкую буржуазию, определенные слои рабочего класса и представителей крупного капитала. Другие авторы данную сторону дела формулируют следующим образом: Тэтчер стремится найти опору в консервативно настроенных массах, а не в прежней элите, что было характерно для старой партии тори[1]. Такая политика, как и в Соединенных Штатах Америки, оказывается тесно связанной с антисоветизмом, не признает каких-либо раздумий по этому поводу и выступает с крайне непримиримых позиций.

Победа Тэтчер идеологически готовилась лондонским Институтом экономических дел — группой экономистов, находящихся под влиянием чикагской школы. Эта группа стремилась доказать, что социализм не в силах обеспечить высокий жизненный уровень и свободу личности, более того, что вмешательство государства в экономику и при капитализме также ограничивает эту свободу. Основным средством для «цивилизованного общества» было объявлено свободное развитие рынка, ибо оно может привести экономическое развитие в соответствие с развитием свободы.

Один из относящихся к этому кругу экономистов, А. Селдон, утверждает, что везде, где экономическая свобода претворяется в жизнь, достигается более высокий жизненный уровень, ибо производство развивается лучше. Так, в США он в два с половиной раза выше, чем в Великобритании, в ФРГ он выше в два раза, во Франции — в полтора раза. Селдон с полной серьезностью считает, что капитализм с его свободой конкуренции развивает у людей бескорыстие и любовь, которые тесно связаны с возможностью свободного выбора, а это в свою очередь — с эффективностью и качеством во всех областях жизни. Государственное же вмешательство сопровождается господством невежества, снижает эффективность и порождает общественные противоречия, ибо способствует расширению монополии, насилию и насаждает коррупцию[2].

Другой представитель этих экономистов Р. Харрис нападает прежде всего на доктрину Кейнса, ратовавшего за усиление государственного вмешательства в экономику. Харрис выступает против существующей налоговой политики, которая, по его словам, фактически финансирует непроизводительную деятельность широкого круга бюрократии, и в этом смысле он полностью согласен с М. Фридме-

[1] Multi-Party Britain. Ed. *H. M. Drucker*. N. Y., 1979.
[2] *Seldon A*. Corrigible Capitalism, Incorrigible Socialism. L., 1980.

ном. Он также согласен с ним в отношении проведения монетаристской политики и выступает против Н. Калдора, доказывающего, что имеющаяся в обращении масса денег не влияет существенным образом на инфляцию. Харрис же считает, что между этими двумя факторами существует связь и, защищая министра финансов Дж. Хоу, предлагает уменьшить инфляцию с помощью трех- четырехлетних монетарных планов[1].

Арсенал английского консерватизма обновляется не только при помощи политэкономии, но и благодаря английскому политическому мышлению, которое в равной степени использует как консервативные, так и либеральные традиции. Особенно любят ссылаться консерваторы на Дж. С. Милля, считавшего свободу благом не только для индивида, но и для общества, применимым и в интересах индивида, и в интересах элиты. Будучи сторонником утилитаризма, Милль считал необходимым до минимума ограничить вмешательство государства и видел свою задачу в том, чтобы содействовать созданию либерального общества. Популисты чтят как своего учителя консерватора Дизраэли, который, отталкиваясь от романтического мистицизма и культа героев, попытался внести новую струю в английскую колониальную идеологию, создать видимость того, что она служит гуманным целям.

Все эти различного рода элементы сегодня пытаются соединить в нечто единое на основе некой политической житейской мудрости. Один из наиболее влиятельных исследователей английского политического мышления, М. Оукшот, пишет о консерватизме следующее: «Быть консерватором означает, что человек почитает знакомого больше, чем незнакомого, человека опытного больше, чем не нажившего еще опыта, факты почитает больше, чем таинственность, действительность больше, чем возможность, ограничения предпочитает безбрежности, близкое далекому, достаток избытку, приемлемое совершенству, настоящее предпочитает утопическому счастью будущего»[2]. Плоды подобного и исторически, и эмоционально подкрепляемого политического поведения можно, по его мнению, пожинать и сегодня.

Основной огонь идеологи консервативной партии направляют против идеи равенства, цитируя Дизраэли или Т. С. Эллиота. Например, Б. Патерсон считает, что поиски

---

[1] *Harris R.* The End of Government?.. L., 1980.
[2] *Oakeshott M.* Rationalism in Politics and Other Essays. L., 1962.

равенства противоречат как этическим нормам, так и экономическому благосостоянию и цивилизации. Демократия должна осуществляться в определенных рамках, она должна рассматриваться как необходимый метод для выработки приемлемых политических решений, метод, который исходит из наличия руководства, «leadership» и в то же время предполагает его ответственность. Надо произвести переориентацию национального сознания, пишет Патерсон, и задача обновляющейся консервативной партии состоит в том, чтобы поднять знамя патриотизма, восстановить потрепанную национальную гордость Англии. Патерсон подчеркивает различие между народом и нацией, но при этом признает, что необходимо улучшить жизнь народа, хотя и не теми средствами, которые предлагает лейбористская партия [1].

Создание консервативной системы ценностей многими воспринималось не только как задача партии тори. Антимарксист профессор Лондонского университета Р. Скратон в своей работе «Смысл консерватизма» напоминает о прозвучавшем еще в 30-х годах XIX века призыве к «большому и интеллигентному классу общества», который был бы заинтересован не в поддержке какой-то одной партии, а в том, чтобы поддерживать порядок и хорошее управление. Скратон хотел дать начало движению, которое было бы привержено определенным «доктринам», таким, как авторитет, семья, родина и традиции, являющимся, по его убеждению, отправными моментами для существования государства, законности, свободы индивида, собственности, труда, так называемых автономных институтов и истеблишмента. В вопросах «естественного права» и трактовке свободы Скратон считает себя либералом, в общественных вопросах относит себя к радикалам, но прежде всего он традиционалист. «Самым естественным поступком,— пишет он,— было бы вернуться назад и заняться самими собой» [2]. В конечном счете, считает Скратон, традиции стоят ближе к действительности и оказались более прочными, чем разного рода нововведения. Приверженное традициям поведение следует рекомендовать ныне всему английскому обществу.

Консервативная партия в Англии имеет сегодня то преимущество (а может быть, это как раз ее недостаток), что

---

[1] *Patterson B.* The Character of Conservatism. Conservative Political Center. L., 1973.

[2] *Scruton R.* The Meaning of Conservatism. Penguin Books, 1980, p. 191.

свои заявления она может претворить в политику. Ее политика во многих отношениях совпадает с политикой администрации Рейгана, и по данному поводу Тэтчер после встречи с Рейганом заявила следующее: «В относительно широко трактуемой стратегии наши взгляды совпадают: необходимо соответствующее количество денег, а соответствующее количество денег является лучшим выражением монетаризма. Монетаризм означает, что мы стремимся привести денежное обеспечение в соответствие с товарным обеспечением и со сферой обслуживания. При отходе от этого принципа теряется доверие к деньгам и доверие к будущему. Мы оба считаем, что свободное общество предоставляет значительно более высокий жизненный уровень и обеспечивает такое достоинство и свободу, которые являются основой нашей веры... Мы хотим иметь сильное правительство в тех делах, которые может решать только правительство. Правительство должно быть сильным в области национальной обороны, в поддержании законности, соблюдении валютных интересов, интеграции общества и индивида, в защите свободы. Такие дела может совершать только правительство, но не надо чрезмерно вмешиваться в те дела, которые люди могут сделать лучше, чем правительство» [1].

Правительство Тэтчер обещает путем экономических мер модернизировать английскую промышленность, способствовать капиталовложениям и тем самым оживлению развития промышленности, в результате чего уменьшатся темпы инфляции, а затем и безработица. Однако имеющиеся данные свидетельствуют о том, что принятые консерваторами меры к ожидаемым результатам не привели.

Безработица продолжала расти, а оказание выборочной помощи только тем, кто оказался в самом бедственном положении, не обнадеживает профсоюзы. Сокращение государственных расходов на общественное страхование, здравоохранение, социальное обеспечение, образование и жилищное строительство обостряет общественные противоречия [2].

Выступления профсоюзов против политики консерваторов становятся все более решительными. Это оказывает свое влияние и на лейбористскую партию, в которой резко обозначились левое и правое крыло. В 1981 г. в партии произошел раскол в связи с тем, что ряд депутатов во гла-

[1] Time, 1981, 16 February.
[2] *Gough I.* Thatcherism and Welfare State.— Marxism Today, 1980, July.

ве с бывшим министром иностранных дел Р. Оуэном вышли из нее и сформировали новую, социал-демократическую партию, которая стремится наладить контакты с либеральной партией.

Известный экономист марксист Э. Хобсбаум, анализируя сложившуюся ситуацию, считает, что в мае 1979 г. лейбористская партия не потерпела поражение, а скорее «сдалась», выступая за свободное от политики профсоюзное движение и лейборизм без социализма. Свидетельством определенного сдвига лейбористской партии влево является то, что она стала осознавать последствия «политики доверия». Хобсбаум считает, что она сможет успешно выступать против нее в том случае, если вернется к своей программе 1945 г. [1]

Несомненным фактом является то, что политика консервативной партии ведет к поляризации масс и тем самым к поляризации политических сил. Популистские «преобразования» не привели к принятию антисоциальной политики капитализма.

---

[1] Marxism Today, 1980, October.

ГЛАВА VII

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ ПОД ЗНАКОМ КОНСЕРВАТИЗМА

Идеология неоконсерватизма и «новых правых» отличается от идеологии «новых левых» тем, что в гораздо большей степени подстраивается к уже готовым схемам, традициям, системам мышления. Часто кажется, что неправильно применять по отношению к ним слово «новые», и если мы все же это делаем, то лишь потому, что данные направления хотят приспособиться к современной действительности. Слово «новые» приходится применять и потому, что порой мы склонны описывать консервативные идейные системы как уже пройденный этап, в то время как они, отражая интересы определенных слоев общества, способны к обновлению. Определенные слои буржуазии в наши дни под влиянием кризисных явлений смотрят не столько вперед, сколько назад и в тоске по прошедшим «счастливым временам» стремятся найти идеологическое подтверждение своего господства. Зная, как стойко держатся суеверия, предрассудки, привычки, нельзя недооценивать подобного рода настроения, даже тогда, когда объективные процессы фактически противоречат им. История XX века предупреждает нас, что порой общественные и национальные движения проявляются в старых формах, ложное сознание, к сожалению, может стать действенным фактором общественных перемен.

В дальнейшем мы постараемся обобщить основные положения идеологической реконструкции консерватизма и покажем ее несостоятельность с точки зрения не только марксизма, но и любого прогрессивного мышления.

РЕЛИГИЯ, НАУКА, ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕССИМИЗМ

Прописные истины консерватизма возрождаются тогда, когда мир испытывает состояние кризиса. В течение длительного времени многие пребывали в убеждении, что новые достижения науки и техники устранят все преграды на пути прогресса. В 50-е и 60-е годы развитые капиталистические страны достаточно успешно внедряли у

себя научные и технические достижения, модернизировали производство и в результате подняли жизненный уровень населения. Именно в этих условиях возникли всевозможные теории «индустриального общества», «общества потребления», «общества благосостояния» и т. д. Подобного рода теории исходили из того, что капиталистическая формация в состоянии разрешить все общественные противоречия. В мире произошли огромные изменения как в политическом, так и в социальном плане. Возникла и укрепилась мировая система социализма, осуществилось освобождение колониальных стран, и многие из них отвернулись от капитализма. И хотя происходящие изменения остро ощущались и в индустриально развитых капиталистических странах, конъюнктура делала возможным улучшать в них положение рабочего класса, то есть дело не доходило до существенного обострения классовой борьбы.

Общественное настроение было оптимистическим, и вызвано это было прежде всего развитием науки, техники. Литература же, искусство, философия еще долго оставались под влиянием второй мировой войны. В них преобладали скорее настроения кризиса, однако не безропотности. Французский экзистенциализм и находившиеся под его влиянием литература и искусство не довольствовались тем, чтобы выявлять абсурдность мира, но говорили о необходимости самовыражения человека, в том числе благодаря использованию возможностей общественного прогресса. Критика культуры философами франкфуртской школы осуществлялась во имя защиты ценностей и, исходя из этого, осуждалось манипулирование сознанием людей в буржуазном обществе. Литература и кинематограф неореализма потому давали такую мрачную картину общества, что хотели изменить его.

Во второй половине 50-х годов под влиянием феноменологии, структурализма и неопозитивистской философии в западной литературе и искусстве на первый план выдвинулись такие направления, целью которых было описание мира, предметов, а также исследование глубинных психологических процессов, порой поиск новых средств коммуникации. Во французской литературе, которая обычно наиболее чувствительно реагирует на новые идеологические веяния, именно тогда появился «новый роман», который занимался описаниями деталей, составляющих человеческий или предметный микрокосмос, и не претендовал на анализ основополагающих проблем общественного раз-

вития. В такой атмосфере вопрос Ж. П. Сартра: «На что способна литература?» — казался почти смешным.

Затем разразился мятеж второй половины 60-х годов, охвативший развитые капиталистические страны и проявившийся в движении «новых левых» и в так называемой контркультуре, в основу которой и легли идеи «новых левых». Уже и до этого было очевидно, что часть западной молодежи не принимает систему ценностей «потребительского общества», что она стремится к чему-то другому, правда в большинстве случаев выражая свое неприятие анархистскими средствами. Все эти «хиппи» и «битлы» наглядно демонстрировали подобные настроения. Политика бунта проявилась в США в движении за гражданские права, затем в протесте против войны во Вьетнаме. В Западной Европе молодежный бунт приобрел известное политическое содержание под влиянием того, что капиталистическое общество с трудом приспосабливалось к кризисным явлениям, и, конечно, прежде всего под воздействием рабочего движения. Возникли музыка, поэзия, театральные и кинематографические постановки, танцы, ставшие частью субкультуры молодежи. Хотя молодежный бунт и приобретал острые формы, он не угрожал самому капиталистическому обществу, его существованию. Однако он способствовал утрате оптимистического настроя, столь характерного для предшествующего десятилетия.

После того как волна молодежного протеста пошла на убыль, начались попытки реконструкции буржуазной идеологии. Одним из проявлений данного процесса стала книга профессора права Ч. Рейча (США) «Зеленеющая Америка» (1971). Автор сделал в ней такой вывод из движения «новых левых»: возникла необходимость в новом сознании и одновременно с этим в создании нового образа жизни или, если угодно, в новой культурной революции. В предложенной Рейчем системе ценностей на первый план ставятся труд как средство самовыражения человека, культура, которая ратует за любовь, уважение и мудрость, и такая свобода индивида, при которой «человеческий дух» может достичь своих наивысших возможностей.

В начале 70-х годов и в США начинают более явственно обнаруживаться экономические и социальные причины кризиса, в отличие от 60-х годов, когда очевиднее были идеологические и политические противоречия. Надо, однако, сказать, что неоконсерватизм, да и «новые правые» не анализируют эти причины, а продолжают обра-

щать главное внимание на факторы сознания. Кризисные же явления они не связывают с капитализмом, а распространяют на все человечество, усматривая в них «судьбу человека».

С данной точки зрения очень удобно поставить под сомнение достижения науки и техники, которые раньше внушали оптимизм. Появляется целый ряд книг, толкующих о вреде технического прогресса. Так, в книге Р. Синаи «Упадок современного мира» осуждается «индустриализация», ибо она портит человечество: «Колоссальные силы, высвобожденные современной техникой и наукой, действуют независимо друг от друга. Без достаточного контроля и согласованности между собой они служат лишь тому, что подрывают здоровье человека и нарушают равновесие организма человека как некоего целого» [1]. Английский ученый Д. Биран в своей книге «Технизация — смерть мира» провозглашает доктрину «антитехницизма», предполагающую упрощение жизни человека, повышение социального престижа женщины, уменьшение населения Земли, максимальную демеханизацию промышленного производства, защиту «экологической системы», развитие сельского хозяйства, «дезорганизацию», а также соответствующие преобразования в области образования и политики. Всему этому сопутствует проповедь отказаться от применения достижений науки и техники.

Авторы названных книг упоминают протест Оппенгеймера против атомной и нейтронной бомб и дискуссию, развернувшуюся в этой связи, предостережения Бора и Гейзенберга о разрушительном потенциале современной науки и техники, протесты известных биологов против бесчеловечного применения достижений генной хирургии. Переход от «благословения» науки и техники к пессимизму существенно затрагивает апологетическое отношение к капитализму, хотя, конечно, и в данном вопросе речь у авторов идет скорее о системе ценностей, чем о сомнении в этой общественной формации.

Пессимизм является составной частью большинства направлений неоконсерватизма, которые возлагают ответственность за возникновение «индустриального общества» или «общества всеобщего благоденствия» на науку, на применение достижений науки. Выдвижение на первый план биологической сущности человека предполагает оп-

---

[1] *Sinai R.* The Decadence of the Modern World. Cambridge. Mass., 1978.

ределенный антисциентизм, хотя он не обязательно должен отличать каждого представителя неоконсерваторов или «новых правых».

Антинаучная направленность данного течения выразилась прежде всего в «новой философии», которая атакует в первую очередь общественные науки. Глюксман в дискуссии с Л. Колетти сказал следующее: «Что касается науки, то я не присоединяюсь ни к Галилею, ни к Декарту, а иду назад лишь до начала XIX века, лишь до того момента, когда в революционном философском мышлении и в социалистическом мышлении начинает проявлять себя триада: «государство — революция — наука». Но какого рода наука? Не естествознание, а подделка под него в форме картезианства. И к чему ее начинают применять? К человеческому обществу. Это наука господ, самых различных немецких философов, претендующих на то, чтобы господствовать над обществом» [1]. Следовательно, речь идет о том, что на общество нельзя распространять естественнонаучное мышление, и о том также, что обществоведение не наука, а лишь средство господства, которое фактически узаконивает государство как источник варварства.

Для обоснования данной точки зрения используется, в частности, творчество М. Фуко, начинавшего как философ-структуралист, например его работа «Безумие», в которой сказано, что сумасшедший дом является другим аспектом «классического разума». Декарт и Мольер говорят о рациональности и основывают на ней мораль, которая запирает всех, кто ее не принимает, в «сумасшедший дом». Следовательно, делают вывод «новые философы», наука была скомпрометирована не только в наши дни, но и в прошлом.

Конечно, здесь прежде всего подвергается сомнению рационалистическая традиция, которая в равной мере связана как с философскими выводами естествознания, так и с общественными науками. Подобное сомнение распространяется не только на философию, но и на теорию государства и права, более того, даже на политэкономию, долго считавшуюся «наукой фактов». Современный экономический кризис, который по своим формам отличается от прежних [2], застал буржуазную политэкономию врасплох. Экономические предсказания не оправдались, а кейнсианство, лежавшее в основе буржуазного оптимизма, каза-

[1] Цит. по: Valóság, 1980, N 2.

[2] *Erdös P.* Az amerikai gazdaság háború utáni nem klassikus típusú válsága.— Közgazdasági Szemle, 1980, N 12.

лось опровергнутым. Ревизия кейнсианства происходила посредством доказательства преимуществ капитализма периода свободной конкуренции.

Такое же скептическое отношение возникло и по отношению к социологии, которая не смогла предвидеть некоторые социальные процессы, например возникновение движения «новых левых». Но если ничего нельзя предвидеть, то нет никакого смысла в «пророчествах». От подобных рассуждений уже один шаг до отказа от идеи закономерности общественного развития и особенно идеи прогресса.

Ленин, говоря о заслугах Маркса, особенно подчеркивал, что он «впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс» [1]. Естественноисторический процесс есть необходимый и объективный процесс, то есть он не зависит от воли отдельных людей, хотя и осуществляется благодаря действиям людей.

Принцип необходимости и объективности общественного развития признается многими буржуазными философами и историками — от философов-просветителей через Гегеля до современных либеральных мыслителей. И тот факт, что в наши дни часть буржуазной интеллигенции отказывается от данного принципа, свидетельствует об углублении кризиса капиталистического общества. Ведь пока его развитие шло по восходящей линии, теоретики буржуазии никогда не ставили под вопрос возможность познания общества, а тем самым и процесс прогрессивного развития общества. Ставя под сомнение общественный прогресс, буржуазия оказывается лишенной перспективы будущего. Это противоречит устремлениям даже неоконсерваторов, ведь они хотят изменений в состоянии современного капиталистического общества, правда, под знаком регресса.

Неоконсерватизм отвергает идею прогресса, присутствующую в различных направлениях буржуазной философии и исторической науки, прежде всего примыкающих к либерализму и радикализму, равно как и марксистскую теорию развития, которую в целях упрощения преподносят как версию механистического материализма Просвещения.

Напомним, что Маркс, разрабатывая теорию общест-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 139.

венного развития, сформулировал положение о том, что революция оказывается на повестке дня тогда, когда производственные отношения приходят в противоречие с развитием производительных сил. Известно его знаменитое высказывание из «Предисловия» к работе «К критике политической экономии»: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что́ является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции» [1].

Затем Маркс продолжает: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого́ старого общества. Поэтому человечество ставит себе всегда только такие задачи, которые оно может разрешить, так как при ближайшем рассмотрении всегда оказывается, что сама задача возникает лишь тогда, когда материальные условия ее решения уже имеются налицо, или, по крайней мере, находятся в процессе становления» [2].

Следовательно, Маркса нельзя обвинить в каком-то волюнтаристском взгляде на революцию, он исходит из наличия объективных процессов, которые подготавливают революционные процессы. Но при этом, конечно, Маркс не принижал роли субъективных факторов. Когда Парижская коммуна при казавшихся безнадежными обстоятельствах попыталась свергнуть капитализм, он стал на сторону ее защитников.

История показывает, что революции совершаются при самых различных условиях и самыми разными способами, в зависимости от эпохи, времени, места и, конечно, от степени общественного развития данной страны. В предшествовавших социализму формациях не было примера того, чтобы господствовавший класс признал устарелость той общественной структуры, которая гарантирует его привилегированное положение, и сам изменил бы ее. Именно поэтому революции стали неизбежными.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 7.

[2] Там же.

Наряду с отрицанием революции неоконсерваторы, естественно, отвергают и теорию классовой борьбы, ссылаясь на происшедшие экономические изменения, а также на христианскую мораль.

Несомненно, что общественная структура капиталистических стран претерпела существенные изменения. В ходе развития и дальнейшей дифференциации производства, возникновения новых общественных потребностей эта структура становилась сложнее, более расчлененной, расслоенной. Однако противоречия, характерные для капиталистического общества, существуют по-прежнему, несмотря на то что произошли изменения в составе отдельных классов, слоев, групп и в их взаимоотношениях, да и их включение в политическую борьбу происходит поразному. Эти противоречия по-прежнему определяют развитие буржуазного общества, те идейно-политические течения, которые в нем проявляются.

Если бы интересы различных классов, слоев, групп совпадали, то было бы непонятно, почему капиталистическое общество неоднородно, почему в нем существуют различные партии, направления. Следовательно, можно и имеет смысл спорить о том, применимы ли социальные категории XIX века к капитализму XX века, и если применимы, то в каком смысле, но не имеет смысла спорить о том, существуют ли в каждом обществе наряду с общими интересами особые интересы тех или иных классов, слоев, групп и приводит ли их наличие к столкновениям.

Неоконсерватизм разработал свою специфическую реакционную утопию общественного развития, которая исходит из предположения, что возможно полностью однородное общество под знаком «общности», расы или нации. Подобные концепции хотят остановить течение времени, желают установить незыблемый статус-кво, хотя и торопят с проведением определенных реформ, прежде всего институционального характера. Неоконсерватизм пытается спастись от кризиса в прошлом, в некой подвижности, в мифе о стабильности, которой никогда не существовало.

К неоконсервативным явлениям следует, на наш взгляд, отнести и волну ностальгии, выразившуюся раньше всего в оживлении моды 30-х годов. Стали популярными шлягеры тех лет, мода на одежду и на формы поведения. Оживают и моды 50-х годов, напоминающие бунтующую молодость тех, кто теперь уже «интегрировался» в буржуазное общество. Клубы, сцены которых стилизуют свое убранство под моду тех лет, призваны служить тем,

кому еще нечего вспомнить, но кто уже ощущает «настроение кончины».

Конечно, есть и другие примеры обращения к прошлому, отражающие интерес к познанию различных исторических эпох развития человечества, особенно оживление интереса к античности и средневековью. Вновь оживают такие школы и направления в искусстве, которые напоминают об этих периодах, культивируют настроения наивности и примитивизма или же напоминают определенные течения в искусстве конца XIX века. И наконец, не случайно возрастает интерес к различным древним религиям и философским направлениям, который связан с модой на иррационализм и в известной мере способствует распространению политического консерватизма.

РАВЕНСТВО И РАЗЛИЧИЕ

Основным объектом нападок для неоконсерватизма является идея равенства. В данном отношении, пожалуй, больше всех достается Руссо, которого обвиняют в том, что в своем труде «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми» (1755) он обосновывал идею равенства и тем самым оказал пагубное воздействие на политическое мышление всего XIX и XX веков. Конечно, Руссо идеализировал так называемое «естественное состояние» человека, но бесспорно и то, что он отвечал естественным чаяниям человека, когда утверждал не только формальное равенство перед законом, но и необходимость реального осуществления социальной справедливости в жизни, реального равенства перед законом. Руссо связывает возникновение буржуазного общества с возникновением собственности, но не отрицает, что в сложившемся экономическом неравенстве играют свою роль и различия, имеющиеся между людьми.

Бабёф и его последователи восприняли эти идеи и, основываясь на опыте плебейского крыла французской революции, провозгласили идею полного экономического равенства. «...Общественные учреждения,— писал Бабёф,— должны... навсегда отнять у каждого надежду стать более богатым, более влиятельным, превосходящим своими знаниями кого-либо из своих сограждан... Надлежит *обуздать судьбу*; сделать каждого из членов общества независимым от удачи, от счастливого или неблагоприятного стечения обстоятельств; *обеспечить каждому человеку и его потом-*

ству, сколь бы многочисленно оно ни было, достаток и ничего, кроме достатка; и навсегда уничтожить все возможности для того, чтобы кто-либо мог получить свыше положенной ему доли в произведениях природы и труда» [1].

Таким образом, Бабёф не признавал даже различий в способностях, но не потому, что не замечал их, а потому, что с точки зрения распределения не считал важным их учитывать. «...Равное распределение знаний между всеми сделало бы всех людей почти равными по способностям и даже по талантам... Образование противоестественно, когда оно основано на неравенстве и является исключительным достоянием только части общества; ибо тогда оно становится в руках этой части машиной, оружием, с помощью которого она сражается против другой части, безоружной...» [2] Идеи последователей Бабёфа нашли немалый отзвук в рабочем движении, которое на начальной стадии своего развития принимало идеи утопического социализма. Но делать из этого далеко идущие выводы нельзя.

Было бы несерьезно упрощенно толковать проблемы социальной справедливости, которые занимали представителей утопического социализма, да и не только их. Очень многие буржуазные либеральные мыслители ратовали за справедливое распределение, хотя и отрицали эгалитаризм. Исходя из интересов развития производства, с одной стороны, и стремясь избежать обострения классовой борьбы, с другой, либеральные идеологи капитализма выдвигали учения, которые в XX веке обосновывали создание «общества всеобщего благоденствия». Представители разных направлений консерватизма заявляют в наши дни о непризнании этой политики, которая вовсе и не провозглашала экономического равенства.

Наиболее характерную и в то же время наиболее примитивную аргументацию в данном отношении мы встречаем у четы Фридменов, которые апеллируют к Т. Джефферсону, стремясь доказать, что американская революция исходила из равенства перед богом, то есть из равенства личностей, признающего и наличие различий между ними. Фридмены ссылаются и на А. Токвиля, доказывая, что чрезмерное равенство чревато опасностями для демократии. Они признают, что наряду с равенством перед законом можно обеспечить определенное равенство шансов для способностей людей, но они резко выступают против идеи эко-

---

[1] *Бабёф Г.* Соч. В 4-х т. М., 1977, т. 3, с. 521—522.
[2] Там же, с. 521.

номического равенства. При этом Фридмены допускают логическую неточность, отождествляя «политику благосостояния» с эгалитаризмом.

Для сторонников подобного неравенства они приводят выдержку из книги «Алиса в стране чудес», в которой говорится о том, что «все должны выиграть, каждый должен получить вознаграждение». Да, но кто даст вознаграждение? Люди наделены различными качествами, свои возможности они используют по-разному. Эту мысль Фридмены подкрепляют примерами, вспоминая исключительную силу боксера Мухаммеда Али и красивые ноги киноактрисы Марлен Дитрих. Поэтому, утверждают они, политика, которая хочет претворить в жизнь экономическое равенство, противоречит индивидуальным способностям и свободе и тем самым тормозит развитие техники, в конечном счете препятствуя повышению жизненного уровня широких масс. И подобная весьма прозрачная в своих мотивах аргументация рождается в стране, где существуют огромные экономические различия между разными слоями общества.

В уравниловке, конечно, обвиняют прежде всего коммунистов, не пытаясь даже вникнуть в теорию марксизма и в практику социалистических стран. Общеизвестно высказывание Маркса в «Критике Готской программы», где говорится, что равенство может быть осуществлено лишь в высшей фазе коммунистического общества, «после того как исчезнет порабощающее человека подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе с всесторонним развитием индивидов вырастут и производительные силы и все источники общественного богатства польются полным потоком, лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: Каждый по способностям, каждому по потребностям!» [1]

Данный лозунг не говорит о том, что все получают одинаковое количество благ, а лишь о том, что каждый получает в соответствии со своими способностями и потребностями. Что касается начальной стадии коммунистического общества, социализма, то Маркс здесь говорит о неравенстве прав. В этом случае неравенство «не признает никаких классовых различий, потому что каждый является

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 20.

только рабочим, как и все другие; но оно молчаливо признает неравную индивидуальную одаренность, а следовательно, и неравную работоспособность естественными привилегиями» [1]. Практика социализма применяет именно этот принцип и выступает против возникавших тенденций уравнивания. Естественно, что социализм обеспечивает не только юридическое, но и социальное равенство, создает материальные условия для равенства шансов. В распределении благ речь идет о дифференцированном подходе, который основывается на соответствии вознаграждения проделанному труду, не принимая во внимание столь характерных для капиталистического общества имущественных и прочих различий.

Следует отметить, что представители неоконсерватизма хотят прежде всего обосновать необходимость неравенства, необходимость некоего гибкого, руководимого элитой общества. Так, Г. Гилдер в книге «Богатство и бедность» (1981) утверждает, что свободный рынок стимулирует предприимчивость, способствует появлению нового. И хотя некоторые нововведения терпят крах, предприниматель и страна становятся богаче. Следовательно, надо способствовать свободному предпринимательству. А для этого нужна такая система, которая стимулирует частную инициативу, не связывает ей руки налогами и прочими средствами экономического регулирования. «Общество благосостояния», напротив, не побуждает бедного работать, разрушает семью и распространяет веру в то, что будущее будет хорошим. Капитализм, без тени иронии пишет Гилдер, возвращает к древним обычаям людей: ведь капиталовложения подобны подарку, который вызывает доброжелательность и симпатию. Итак, в интересах всего общества надо вернуться к свободе частного предпринимательства и соответственно считаться с индивидуальными различиями.

В этих целях, как мы уже не раз показывали, неоконсерваторы обращаются к социобиологии и генетике. В журнале «Комментари» в июне 1979 г. была помещена статья профессора философии Колумбийского университета Ч. Френкеля, в которой он обращает внимание на критику, последовавшую после выхода книги Э. Уилсона. Френкель считает, что социобиология дает новое, более точное и всеохватывающее толкование теории Дарвина, а кроме всего прочего пытается биологически запланировать поведение человека. Но при этом он вынужден признать, что

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 19.

данная область науки, добывающая в известном отношении интересную информацию, обременена ви́дением «прекрасного нового мира» и может быть использована для обоснования идеи неравенства рас, отдельных социальных слоев и людей.

Неоконсерваторы нападают на прогрессивных ученых, прежде всего на марксистов, за то, что они якобы не признают естественных различий между людьми. И здесь они вновь искажают суть дела. Марксизм в отличие от старого естествознания, подчеркивавшего неизменность природы человека, говоря о его формировании, переносит акцент на общество, на общественные отношения. Марксизм утверждает, что отношения человека с миром и с другими людьми, его труд, мышление, его нравственные и эстетические чувства формирует общественно-историческая практика, а не природа.

По Марксу, вся история есть не что иное, как постоянное изменение природы человека. Но это изменение совершается не само по себе, а благодаря деятельности человека, на которую воздействует совокупность всех сопутствующих обстоятельств. Марксизм высоко ставит значение человека и его деятельности в преобразовании мира и самого себя. Биологическим факторам он отводит меньшую роль, но отнюдь не отрицает их значения. Что же касается формирования личности человека, то марксистские представления выдержали проверку и в плане научном, и в плане практическом. Они исходят из положений, которые являются основой всякой подлинно гуманистической концепции.

Конечно, неоконсерваторы не намерены изменить человечество с помощью биологии. Достижения биологии они используют лишь для того, чтобы дать видимость естественнонаучного обоснования собственным иерархическим представлениям об обществе, а ссылаясь на естественно существующие отличия — обосновать положение о неравенстве между расами и общественными слоями.

Идеологи «постиндустриального общества» пишут о необходимости передать руководство обществом в руки специалистов, то есть прежде всего в руки интеллигенции. Но надо сказать, что интеллигенция, как об этом говорится в одном исследовании, не может выступать в качестве источника рациональности и интеграции. Она не может выйти за пределы мифов и политических границ, которые определены нетехнократической, господствующей элитой.

Западноевропейская гуманитарная интеллигенция под воздействием событий 1968 г. настроена более скептически, чем американская. Согласно исследованиям Р. Дебре и других авторов, воздействие интеллигенции на формирование общественного мнения благодаря современным средствам массовой коммуникации возросло. Но это влияние в наши дни направлено скорее на сохранение капитализма как общественной формации, чем на его критику, потому что оно исходит от интеллигенции по сути своей конформистской. Выступления против равенства и подчеркивание значения различий способствуют сохранению общественной несправедливости, а не созданию идеального государства Платона.

ГОСУДАРСТВО И СВОБОДА ИНДИВИДА

В период становления капитализма консерваторы были сторонниками сильного государства, а либералы в противовес им выступали за ограничение власти государства. Сейчас положение изменилось. Либералы под воздействием результатов экономического развития и под давлением рабочего движения все больше склоняются к усилению роли государства. Консерваторы же выступают против вмешательства государства в экономическую жизнь и утверждают, что такое вмешательство имеет серьезные последствия с точки зрения свободы индивида. Неоконсерваторы, по-видимому, согласны с этим, а «новые правые» продолжают ратовать за сильное государство, делая при этом попытки отождествить государство или с народом, или с нацией.

«Новые философы», как мы видели, возлагают ответственность за нынешнее всемогущество государства на прогрессивных мыслителей, но при этом ведут речь только о насильственной функции государства, хотя уже Аристотель определял государство как «общую власть», которая поддерживает порядок, охраняет жизнь и собственность граждан. Теоретики буржуазии выступали за усиление власти государства в противовес феодальной анархии. Утописты стремились преобразовать абсолютистское государство в интересах угнетенных и в этом плане создавали идеальные представления о новом Левиафане. Мы обращаем на все это внимание, чтобы показать, что государство, несмотря на то что оно является орудием власти господствующего класса, с самого начала выполняло и та-

кие функции, которые отвечали интересам всего общества. Этим объясняется появление различных проектов реформ государственной машины и утопических иллюзий по отношению к ней.

В противовес утопистам и консерваторам К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали государство в его реальном экономическом и социальном развитии. Во «Введении» к работе К. Маркса «Гражданская война во Франции» Ф. Энгельс писал: «В чем состояла характерная особенность прежнего государства? Первоначально общество путем простого разделения труда создало себе особые органы для защиты своих общих интересов. Но со временем эти органы, и главный из них — государственная власть, служа своим особым интересам, из слуг общества превратились в его повелителей. Это можно видеть, например, не только в наследственной монархии, но и в демократической республике» [1].

Очевидно, что возникновение государства связывается здесь с отношениями между собственниками средств производства и непосредственными производителями, отношениями, соответствующими определенной степени развития производительных сил. Энгельс так характеризовал буржуазное общество: «Государство есть не что иное, как организованная совокупная власть имущих классов, землевладельцев и капиталистов, направленная против эксплуатируемых классов, крестьян и рабочих» [2].

К. Маркс и Ф. Энгельс в соответствии с существовавшими производственными отношениями в первую очередь подчеркивали наличие у государства функции угнетения и показывали, что первоочередной задачей революции является слом буржуазной государственной машины.

Неоконсерваторы часто упоминают марксистское положение об отмирании государства, говоря о том, что практика социалистических стран противоречит этому теоретическому положению. Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» пишет о том, что государство не существовало вечно, что оно складывалось по мере разделения общества на классы. На определенной же ступени развития общества, на такой ступени развития производства, когда существование классов станет тормозом развития производства, оно исчезнет. «Общество, которое по-новому организует производство на ос-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 199.
[2] Там же, т. 18, с. 253.

нове свободной и равной ассоциации производителей, отправит всю государственную машину туда, где ей будет тогда настоящее место: в музей древностей, рядом с прялкой и с бронзовым топором»[1]. В другой своей работе — «Развитие социализма от утопии к науке» Энгельс говорит о том, что «на место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами. Государство не «отменяется», *оно отмирает»*[2]. Ни у Маркса, ни у Энгельса нет речи о том, что все это произойдет непосредственно после социалистической революции. Как известно, в «Критике Готской программы» Маркс указывал, что «между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата»*[3].

Можно спорить о том, не слишком ли оптимистически оценивал Энгельс процесс и темпы отмирания государства. Но несомненно, что классики марксизма не были глашатаями всемогущества государства. В Парижской коммуне они высоко ценили то, что она назначала на все должности по управлению, в суд, народное просвещение лиц, выбранных в результате всеобщего голосования, то, что она платила всем должностным лицам такую же зарплату, какую получали другие рабочие. Во «Введении», написанном Энгельсом к работе «Гражданская война во Франции» Маркса, говорится о том, что подобная практика демократической государственной власти способствовала разрушению суеверной веры в государство: «По учению философов, государство есть «осуществление идеи» или, переведенное на философский язык, царство божие на земле, государство является таким поприщем, на котором осуществляется или должна осуществиться вечная истина и справедливость... В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии. И в лучшем случае государство есть зло, которое по наследству передается пролетариату, одержавшему победу в борьбе за классовое господство; победивший пролетариат, так же, как и Коммуна, вынужден будет немедленно отсечь худшие стороны этого зла, до

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 173.
[2] Там же, т. 19, с. 225.
[3] Там же, с. 27.

тех пор, пока поколение, выросшее в новых, свободных общественных условиях, окажется в состоянии выкинуть вон весь этот хлам государственности» [1].

«Новые философы» и неоконсерваторы нападают на представления К. Маркса и Ф. Энгельса о государстве, но основной огонь своей критики они направляют против книги «Государство и революция» В. И. Ленина. В этой работе Ленин, опираясь на положения Маркса и Энгельса, подчеркивает, что государство возникло в результате непримиримых классовых противоречий, что оно есть средство насилия и угнетения. В противовес оппортунистам Ленин говорит о необходимости революционного насилия: «Смена буржуазного государства пролетарским невозможна без насильственной революции. Уничтожение пролетарского государства, т. е. уничтожение всякого государства, невозможно иначе, как путем «отмирания» [2].

В годы гражданской войны на первый план, естественно, выступает насильственная функция государства, но этот вопрос В. И. Ленин все время связывает с вопросом о большинстве и меньшинстве. «...При *переходе* от капитализма к коммунизму подавление *еще* необходимо, но уже подавление меньшинства эксплуататоров большинством эксплуатируемых. Особый аппарат, особая машина для подавления, «государство» *еще* необходимо, но это уже переходное государство, это уже не государство в собственном смысле, ибо подавление меньшинства эксплуататоров большинством *вчерашних* наемных рабов дело настолько, сравнительно, легкое, простое и естественное, что оно будет стоить гораздо меньше крови, чем подавление восстаний рабов, крепостных, наемных рабочих, что оно обойдется человечеству гораздо дешевле» [3].

В работе «Пролетарская революция и ренегат Каутский» В. И. Ленин выступает против тезиса о «чистой демократии» и вновь заявляет о том, что диктатура пролетариата есть пролетарская демократия, или демократия бедных. В Советском Союзе государственная власть находится в руках Советов, ставших органами государственной власти. Это значит, что в управление государством вовлекаются десятки миллионов граждан и деятельность государственной машины становится значительно демократичнее, чем при капитализме. Ленин, возражая бельгийскому оппортунисту Вандервельде, подчеркивает: «Управление

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 200—201.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 22.
[3] Там же, с. 90.

людьми исчезнет и уступит место администрированию вещами лишь тогда, когда отомрет *всякое* государство. Этим сравнительно отдаленным будущим Вандервельде загромождает, затеняет задачу *завтрашнего* дня: *свержение* буржуазии» [1].

В. И. Ленин считал вопрос о так называемой представительной демократии второстепенным не потому, что якобы не признавал представительную систему, а потому, что при сложившихся тогда международных условиях многопартийная система представляла, по его мнению, угрозу социализму. Он считал Советы органами самоуправления трудящихся и был убежден, что они смогут представлять интересы большинства. При этом у него не было сомнений в том, что партия стоит на страже пролетарской демократии и поддерживает самую тесную связь с массами. В этих рамках он считал необходимым согласовывать свободу индивида с целями, поставленными обществом, тем более что сам индивид под влиянием изменений всемирно-исторического масштаба тоже стал иным.

В 30-е годы культурные и экономические функции социалистического государства получили развитие, однако в результате догматических искажений усилились бюрократические черты и возросла функция подавления под лозунгом усиления классовой борьбы, направленной не только против истинных врагов социализма. XX съезд КПСС подверг критике такое представление о государстве, и за прошедшие с тех пор десятилетия социалистическая демократия получила дальнейшее развитие. Социально-экономическое развитие сопровождалось усилением экономической, планирующей и культурно-идеологической функций государства. Однако буржуазная, в том числе и неоконсервативная, пропаганда не желает замечать позитивных изменений, происшедших за последние десятилетия в социалистических странах. Показателем демократии для нее является исключительно осуществление таких прав, как свобода слова и печати и т. д. Однако она даже не ставит вопроса о том, как осуществляются эти права с точки зрения интересов широких народных масс, как реализуются экономические, социальные, культурные права масс, ибо все это, по мнению буржуазных идеологов, не относится к содержанию демократии.

То, что «общество всеобщего благоденствия» на протяжении длительного времени выступало как цель буржуаз-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 37, с. 337—338.

ного либерализма и социал-демократии, доказывает, что и при капитализме на повестке дня оказалось практическое обеспечение экономических и культурных прав человека. Неоконсерватизм именно эту тенденцию считает вредной, поэтому не только социализм, но и буржуазное «государство всеобщего благоденствия» отождествляет с тоталитарным государством.

Несмотря на пропаганду, развернутую против государственного вмешательства, было бы наивно думать, что неоконсерваторы или «новые правые» отказываются от государства и особенно от его функции подавления. Там, где та или иная разновидность консерватизма приходит к власти, там усиливаются авторитарные устремления государства, а государственные учреждения используются для проведения агрессивной внутренней и внешней политики.

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ, ИДЕОЛОГИЯ, МИФОЛОГИЯ

Как мы уже говорили, под воздействием «новых левых» в начале 70-х годов часть буржуазных идеологов стала высказывать мысли о том, что основным средством реконструкции идеологии является преобразование сознания, создание новой системы ценностей, культурная революция. Именно к их числу относится большинство теоретиков неоконсерватизма и «новых правых».

Напомним появившуюся в 1976 г. книгу Д. Белла «Культурные противоречия капитализма», в которой осуждается буржуазный индивидуализм, ибо он привел, с одной стороны, к авангардистскому модернизму, с другой стороны — к потребительскому гедонизму масс и подорвал основы пуританской морали. Эта мораль призывала к самоотверженности, жертвенности, ответственности, и под ее знаменем формировалась либеральная политика. Белл, подобно И. Кристолу и другим, ищет моральное обоснование капитализма, которое он надеется найти в религии и в некой новой политической философии. Американский неоконсерватизм мечется между требованиями современности и архаичностью фундаментализма. Но наибольшее влияние он оказывает тогда, когда сближается с традиционализмом.

Что касается Англии, то длительное существование там консерватизма облегчает выявление системы ценностей, способствовавшей обновлению, которое хотели бы провести его сторонники. Р. Скратон в своей уже упоминавшейся

нами работе «Смысл консерватизма» утверждает, что консерватизм «возникает непосредственно из ощущения, что человек относится к некой непрерывной и уже до него существовавшей общественной системе, и этот факт является наиболее важным для определения того, что надо делать» [1]. Наиболее характерные черты консервативной системы ценностей в области политики Скратон видит в способе применения власти, в признании авторитета, традиций, государства, частной собственности, но он готов признать и такую систему общественных институтов, которая располагает определенной автономией, готов признать профсоюзы, которые примиряют интересы разных слоев. О моральном поведении в духе консерватизма Скратон говорит следующее: «Это признание такого устройства, которое отдает преимущество общему перед частным, общественному перед индивидуальным, привилегиям перед правом» [2]. Такое исконно традиционалистское, консервативное поведение он подкрепляет популизмом, то есть консервативно-религиозным мироощущением масс.

На Европейском континенте формирование неоконсервативной системы ценностей идет более сложным путем, ведь здесь консервативной позиции в последние десятилетия был нанесен серьезный удар, и она в немалой степени скомпрометировала себя. Среди части неоконсерваторов определенная роль отводится религии, другие более охотно опираются на светские традиции. Весьма характерно, что во Франции прошла дискуссия по вопросу, какая религия может способствовать созданию соответствующей системы ценностей. Некоторые (например, Б. А. Леви) ссылались на монотеизм, на иудео-христианское наследие, другие же пытаются возродить индоевропейскую мифологию и провозглашают наступление нового язычества. В обоих случаях жаждут возрождения мифологии и убеждены, что именно таким путем можно достичь необходимого изменения сознания и принятия новых моральных ценностей. Миф трактуется при этом как фактор, определяющий модель поведения человека, а мифология выступает в качестве такой системы мыслей и чувств, которая придает бытию значение и смысл.

Не удивительно поэтому, что неоконсерватизм примыкает к тем философским и религиозным течениям, которые способствуют возрождению мифологии. Именно так в арсе-

---

[1] *Scruton R.* The Meaning of Conservatism, p. 21.
[2] Ibid., p. 189.

нале неоконсерватизма оказались Ницше, Шелер, Дюмезиль. Этим же объясняется мода на философскую антропологию Гелена, связывающего проблематику мифов с природой человека. Миф у Гелена есть творение человека, не оторвавшегося от своего биологического бытия. У неоконсерваторов, а особенно у «новых правых» миф может быть связан с нацией, но для многих из них миф является современным, если он распространяется на всю Европу. С точки зрения форм поведения наиболее ценным они считают героизм, который у некоторых теоретиков сочетается со стоицизмом и даже с определенным трагическим мироощущением.

Неоконсерваторы и «новые правые» считают систему ценностей, основанную на мифологии, способной не только оказывать воздействие на мировоззрение, поведение и образ жизни людей, но и стать таким идеологическим оружием, при помощи которого можно преобразовать весь общественный порядок, вернуть капитализм к его истокам или еще дальше, содействовать созданию общности людей, базирующейся на человеческой природе.

Такие устремления находят поддержку религиозных, политических и культурных институтов в тех странах, где в последние годы идеологические столкновения не принимали особенно острого характера и где религия по-прежнему оказывает сильное воздействие на массы. В некоторых странах эти попытки встречают скептическое отношение или противодействие. Тем самым дают себя знать прежние и новые противоречия не только между марксизмом и буржуазной идеологией, но и в рамках самой буржуазной идеологии.

Вся изложенная здесь система идей противостоит прогрессивному образу мыслей, который начал формироваться, если не уходить слишком глубоко в историю, со времен Ренессанса и ставил перед собой цель освободить человека экономическими, социальными, научными средствами. Именно поэтому мы убеждены, что противодействие неоконсерватизму и «новым правым» является задачей не только марксистов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытка идеологической реконструкции, предпринятая неоконсерваторами и «новыми правыми», дает нам повод задуматься о наших задачах в области идеологии. Фронтальная атака на марксизм делает совершенно ясными те различия, которые имеются между ним и другими направлениями современной мысли. Неоконсерватизм рассматривает диалектический и исторический материализм в контексте длительного периода развития философии, охватывающего историю прогрессивной мысли от античности до Маркса. Фронтальная атака, о которой идет речь, касается не столько частных вопросов, сколько имеет в виду определенное направление развития человечества и в его рамках ставит под вопрос социализм как таковой. В связи с этим в ходе формирования своей позиции неоконсерваторам приходится возвращаться к конечной проблеме, к проблеме соотношения прогресса и реакции.

Марксистские критики консерватизма говорят о том, что присущая ему система идей первоначально была характерна для феодальной реакции, не признававшей суверенитета народа, принципов свободы и равенства, революции и общественного прогресса вообще [1]. Современный консерватизм многое сохранил от этой идеологии, но приспособился к новым обстоятельствам. Сегодня для него главное — защита капитализма, и поскольку сторонники консерватизма считают, что буржуазная демократия способствует развитию таких сил, которые угрожают самой его системе, то они ищут контактов с теми, кто представляет либерализм. Либерализм неоконсерваторы вообще-то осуждают, но он им близок в своей направленности против социализма. Мы упростили бы картину современной классовой и идеологической борьбы, если бы не принимали во внимание существующие противоречия между либеральными, а также социал-демократическими течениями и консерватизмом, идет ли речь о возврате к периоду свободной конкуренции, о «государстве всеобщего благоденствия» и

[1] *Steigerwald R.* Konservativismus heute.— In: Der Konservativismus als politische Strömung. Berlin, 1978.

социальной политике или же о реакции в области культуры в духе традиционализма, иррационалистической идеологии.

Марксисты подчеркивают, что любой «ренессанс» консерватизма, соответствующая «реконструкция» мышления и политического поведения в период перехода от капитализма к социализму оказывается связанным с усилением антикоммунизма в его антинародной и антипрогрессивной направленности [1]. Вопрос заключается в том, насколько современная экономическая ситуация, социальная структура капиталистических стран соответствуют тому, чтобы мышление и действия консерваторов оказались господствующими.

Несомненно, что многочисленные идеологические направления, которые принесла с собой волна консерватизма, поднявшаяся в 70-е годы, противостоят не только коммунистическим партиям или социалистическим странам, но и силам буржуазной демократии, либерализма, социал-демократии. Кризисные явления, глубокие структурные изменения в капиталистическом обществе выдвинули вперед во многих странах левореформистские и радикальные общественные движения. В современной ситуации, когда четко выявилась расстановка сил, можно рассчитывать на усиление роли таких немарксистских теорий и идей, которые пусть не прямо, но поддерживают марксистские представления об историческом прогрессе, социальной справедливости, освобождении человечества, а тем самым и идеи современного рационализма. Очевидно, в новых обстоятельствах иначе будут налаживаться контакты между ними и марксизмом.

---

[1] *Elm L.* Traditionen, Wesen und Erscheinungsformen des Konservativismus an Beispiel der BRD.— In: Der Konservativismus als politische Strömung, S. 9.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Исследование и критический анализ неоконсервативной политики, философии и идеологии в США и развитых капиталистических странах Западной Европы продолжает оставаться одной из наиболее актуальных задач марксистского обществоведения. В последние годы в СССР и за рубежом опубликовано немало марксистских работ, монографий и статей, посвященных выявлению идейно-политической природы и социально-политической направленности неоконсерватизма [1]. Однако авторы большей части этих публикаций при всей их содержательности и теоретической основательности, как правило, ограничивались общей характеристикой данного значительного явления в политической и духовной жизни той или иной конкретной страны и лишь попутно касались проблематики неоконсерватизма, его разновидностей, его отношений с другими политическими и идейными течениями Запада.

Издаваемая в русском переводе монография венгерского философа-марксиста Бела Кёпеци является одной из первых попыток содержательного и сравнительного анализа неоконсерватизма в четырех странах — США, ФРГ, Франции и Англии, а также тех взаимоотношений, которые сложились между неоконсерватизмом и идеологией «новых правых». Исходя из принципиальной общности этих идейных течений, автор, как отмечается во введении, не отделяет их друг от друга, хотя и стремится специфику каждого из них объяснить особенностями политической и идейной жизни конкретной страны, ее культурными и политическими традициями.

---

[1] Приведем некоторые работы о неоконсерватизме и «новых правых», опубликованные на русском языке: *Замошкин Ю. А., Мельвиль А. Ю.* Между неолиберализмом и неоконсерватизмом.— Вопросы философии, 1976, № 11; *Галкин А. А.* Новая «консервативная волна» как порождение идеологического кризиса капитализма.— Вопросы философии, 1977, № 12; *Мельвиль А. Ю.* Социальная философия современного американского консерватизма. М., 1980; *Элем Л.* Новый консерватизм: идеология и политика одного реакционного течения в ФРГ. М., 1981; *Фадеева Т. М.* «Новые правые» во Франции: к критике концепции «консервативной революции».— Вопросы философии, 1985, № 2; *Студенцов В. Б.* Два течения в социальной философии британского консерватизма.— Вопросы философии, 1985, № 2.

В качестве их общих черт Б. Кёпеци выделяет пессимистическое истолкование истории, отрицание возможности совершенствования природы человека и самой общественной жизни. Отсюда их критическое отношение ко всяким теориям и идеологиям, предполагающим революционное преобразование существующего капиталистического общества, и, разумеется, прежде всего к теории научного коммунизма, стремление доказать, что всякое радикальное изменение существующей капиталистической действительности чревато невозместимыми разрушениями тех материальных и духовных ценностей, которыми располагает современная западная индустриальная цивилизация.

Как для консервативных идеологов, так и для «новых правых» характерно биологицистское и органицистское понимание природы человека и общества, которое, с их точки зрения, может выдержать лишь постепенные и частичные преобразования. Соответствующим образом истолковывая современные данные биологии, физиологии, психологии, этологии и других поведенческих наук, представители этих течений объявляют генетически обусловленные естественные различия людей неустранимой причиной их социального и культурного неравенства. Они ополчаются против концепций, защищающих идею общественного равенства людей, признающих возможность достижения такого равенства путем совершенствования общественной жизни, пытаются изобразить их как утопические и ненаучные. С этих позиций неоконсерваторы и «новые правые» отвергают вмешательство государства в экономику и провозглашают необходимость возрождения капиталистических отношений времен полной свободы предпринимательства и конкуренции.

В книге прослеживается политическое и идеологическое развитие западных стран послевоенного времени, приведшее к возрождению старых и возникновению новых форм консерватизма и идеологии «новых правых», отмечаются те факторы и обстоятельства, которые вынудили буржуазию США и Западной Европы отказаться от прежней так называемой деидеологизационной установки и перейти к разработке и пропаганде концепций, открыто утверждающих нравственные ценности и идеалы буржуазного общества.

В конце 50 — начале 60-х годов в условиях временной и относительной экономической стабилизации буржуазия, стремясь создать иллюзию преодоления коренных классовых противоречий капиталистического общества, широ-

ко использовала в пропагандистских целях концепцию деидеологизации, идеологического и мировоззренческого объективизма. Ее задача состояла в том, чтобы ограничить массовое сознание узкоутилитарными, потребительскими интересами, насадить мировоззренческий и политический индифферентизм. Эта идеологическая установка того времени нашла свое выражение, в частности, в соответствующей социально-политической самооценке находившихся тогда у власти буржуазных и клерикально-буржуазных партий. Всячески отмежевываясь от фашизма и современных неофашистских течений, представители этих партий отказывались от своего консервативного прошлого.

Как отмечалось в книге «Новый консерватизм семидесятых годов» [1], в ФРГ слово «консерватор» в 50-х годах считалось бранным, оно неизбежно ассоциировалось с реакционной политикой прошлого. Поэтому его избегали употреблять и те, кто был естественным преемником этого прошлого. Сложилась ситуация, когда не только социалисты и социал-демократы, но и представители основных буржуазных партий провозглашали свои организации общенародными партиями «массовых демократий», пришедшими на смену старым «идеологическим и классовым партиям». В начале 60-х годов буржуазная пропаганда усиленно внедряла представления о конце политического консерватизма и самих консервативных партий [2].

Однако иллюзии о классовом мире, «гармонизированной общественной жизни» и идеологической беспристрастности продержались недолго. Серьезные социально-экономические потрясения конца 60-х годов, массовые антикапиталистические выступления сильно пошатнули положение буржуазных партий, привели к резкому размежеванию политических сил, острой межпартийной борьбе. В некоторых странах пришли к власти социалистические и социал-демократические партии — единолично или в союзе с либералами. Расширили свою социальную базу и стали влиятельной политической силой коммунистические партии ряда западноевропейских стран. Таким образом, «интеграционному мифу», как и уверенности буржуазии в ее способности контролировать положение в стране, идеологически манипулируя массами, был нанесен непоправимый урон. Концепция деидеологизации, мировоззренческой беспристрастности утратила свою былую пропаганди-

---

[1] Der neue Konservatismus der siebziger Jahre. Hamburg, 1974.

[2] *Kuchnelt-Leddihn E. R. von.* Altkonservatismus und Neukonservatismus.— In: «Schweizer Rundschau» 56, Jg. 1956—57, S. 68.

стскую эффективность. Возникла необходимость более откровенной и более активной идеологической защиты классовых интересов буржуазии, выработки и реализации новых принципов утверждения существующих порядков, соответствующих традиций и ценностей.

Крах интеграционной идеологии, официальной концепции деидеологизации сказался на всей буржуазной идеологии — от философских теорий до различных течений социально-политической мысли. С начала 70-х годов на Западе стала осуществляться широкая программа «реидеологизации», пропаганды, активного насаждения в обновленной форме традиционных идеалов и ценностей буржуазного общества, формирования с помощью различных идеологических мифов иррационалистического, утопического и сциентистски-рационалистического толка, антидемократического и антисоциалистического мировоззрения. Под флагом борьбы с дискредитировавшим себя идейно-политическим экстремизмом и буржуазно-анархистским радикализмом, используя разочарование широких кругов молодежи и интеллигенции бесцельными и бесплодными антикапиталистическими выступлениями «новых левых» и справедливое возмущение широких масс действиями террористических групп, буржуазия объявила войну всякому левому идейному и политическому радикализму, всякому общественному и идейному движению, защищающему даже такие общепризнанные ценности, как мир, демократия, социализм, право на труд и образование. С позиций консервативной идеологии, политического и этического плюрализма отвергаются также и те общие демократические идеалы и нравственные основы, которые призваны объединить человечество в решении ряда насущных проблем его современного существования, так называемых глобальных проблем, и прежде всего самой главной из них — проблемы искоренения войн и утверждения мира.

Если прошлое десятилетие в западных капиталистических странах характеризовалось преобладающим влиянием буржуазно-либеральной, социально-реформистской идеологии и политики, укреплением позиций социалистических, социал-демократических, коммунистических партий, различных движений и групп левой направленности, то с середины 70-х годов перевес оказался на стороне консервативных партий и течений. Открытый консерватизм как определенная политика и идеология становится значительным и весьма активным фактором общественно-политической и духовной жизни США, Англии, ФРГ и не-

которых других западноевропейских стран. Неоконсервативные тенденции все в большей степени дают о себе знать в области науки, философии, средств массовой информации, в системе образования, молодежных и ученических союзах, в государственной сфере, а на рубеже 70—80-х годов неоконсерватизм приводит к усилению правых течений, к ужесточению идейно-политических позиций определенных кругов буржуазии во внутренней и внешней политике.

Существенно изменяется политический климат в ряде западных стран и в международной жизни в целом. Со своих правящих позиций были оттеснены некоторые социалистические, социал-демократические и либеральные партии.

Все эти перемены некоторыми западными политологами нередко расцениваются как неизбежная смена циклов в условиях парламентской демократии, как вступление западных стран в длительную пору консервативного культурного и политического развития, более отвечающего требованиям современной переломной и критической во многих отношениях эпохи. Такие прогнозы, однако, представляются малообоснованными. Они не учитывают огромных реальных и потенциальных возможностей левых сил в самом капиталистическом мире, не говоря уже о мощных внешних прогрессивных силах и факторах современного международного развития. Да и само состояние духовной и политической жизни капиталистических стран последнего десятилетия не может быть однозначно квалифицировано как консервативное. Об этом свидетельствуют, в частности, значительные события, противостоящие и противодействующие консервативной тенденции. Такими событиями являются победа левых сил на президентских выборах во Франции в 1981 г., свержение фашистских режимов и приход к власти социалистических партий в Португалии и Испании, укрепление положения правящей социалистической партии в Греции, возвращение к власти социалистов Швеции. Симптоматичным в данном отношении являются также те существенные потери, которые понесли в последние годы консервативные правительства ФРГ и Англии на промежуточных и частичных выборах.

Конечно, в условиях преобладающего влияния консервативной тенденции некоторые правящие социалистические партии в своих конкретных политических решениях и действиях идут на компромиссы, допускают существенные отступления от собственных программных положений.

Но и в этом плане могут быть зафиксированы факты обратного влияния социалистических правительств и либеральных партий на консервативные режимы, направленные на смягчение или устранение крайне реакционных аспектов консервативной политики.

Б. Кёпеци видит и отмечает неоднозначность общей идеологической и политической ситуации в современном западном капиталистическом мире. Он показывает также различия и противоречия, которые существуют в самом консервативном лагере, разнообразие мотивов и целей, приведших те или иные группы интеллигентов к консервативным установкам. И вместе с тем он прав, подчеркивая, что, независимо от этих факторов объективного и субъективного порядка, любой консерватизм в конечном счете направлен на защиту и освящение существующих буржуазных порядков, ратует за сохранение того статус-кво, которое устраивает привилегированные группы общества.

Неоконсерватизм в США и западноевропейских странах характеризуется и оценивается в книге с учетом специфических условий политической и культурной жизни каждой из этих стран, их национальных и исторических традиций. Он рассматривается как продукт внутреннего развития самой капиталистической действительности, как закономерная реакция экономически и политически господствующих классов на демократические процессы, угрожающие их коренным интересам, их привилегированному положению в обществе. Но неоконсерватизм в современной буржуазной политике и идеологии вызван не только социальными потрясениями и противоречиями внутреннего развития капиталистических стран, он является также реакцией определенных буржуазных кругов на те позитивные изменения в системе международных отношений, которые произошли в связи с укреплением позиций и ростом влияния социалистических стран, с успехами национально-освободительного движения и, наконец, в связи с политикой мирного сосуществования, способствовавшей разрядке международной напряженности, благоприятствовавшей широкому признанию и утверждению общедемократических принципов в международной жизни.

Эта политика получила свое конкретное правовое воплощение в ряде договорных соглашений между капиталистическими и социалистическими странами, заключенных в конце 60 — начале 70-х годов, в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., то есть в соглашениях и документах, принятых в период,

непосредственно предшествовавший консервативному повороту в политической и идеологической жизни капиталистического Запада. Разрядка выразилась в решениях и действиях, направленных на преодоление «холодной войны», в установлении нормальных и стабильных межгосударственных отношений, в отказе от политики решения спорных проблем средствами военного и политического насилия, в определенной готовности к мирным переговорам и соглашениям, учитывающим интересы всех сторон, в признании принципов невмешательства во внутренние дела других стран, уважении независимости и территориальной целостности каждой из них. Мирное сосуществование не означало сохранения любой ценой существующего политического статус-кво, оно не замораживало социального прогресса, а предполагало его нормальное осуществление силами каждой страны, без вмешательства извне. Революционные преобразования, национально-освободительное движение, классовая борьба не происходят по заказу извне и не могут быть отменены никакими международными соглашениями. Они являются объективной реакцией на классовое и колониальное угнетение и выражают собой необходимый процесс социального развития и обновления.

Такое понимание мирного сосуществования не устраивало наиболее консервативные круги буржуазии, которые хотели сохранить старую, унаследованную от колониальной поры и выгодную для них структуру экономических, политических и культурных отношений с развивающимися странами, но не могли этого достигнуть, не прибегая к военным действиям, экономическому и политическому вмешательству и давлению на эти страны. Политика разрядки ограничивала возможности внешнеполитической экспансии империализма, способствовала активизации антиимпериалистических и демократических движений в капиталистических странах, препятствовала решению внутренних экономических и социальных проблем за счет эксплуатации других народов и стран. Поэтому усиление консервативных тенденций в политике и идеологии США и других развитых капиталистических стран происходило параллельно с ужесточением их внешнеполитического курса, с проведением политических, экономических и идеологических акций, направленных на подрыв разрядки, на гонку вооружений и возрождение политики «с позиции силы». И если борьба с демократическими и левыми силами внутри этих стран ведется под флагом защиты общественных интересов от террористов и левоэкстремистских

групп, то на внешнеполитической арене экспансионистская и милитаристская политика оправдывается борьбой с международным терроризмом, с которым отождествляется борьба прогрессивных и патриотических сил за свободу и независимость своих народов и стран.

В этих условиях острие идеологических проклятий и морализирующей критики направляется прежде всего против СССР и других социалистических стран, являющихся главной силой, препятствующей политическому своеволию империалистических кругов. Как во внутренней, так и во внешнеполитической идеологии разрабатывается и пропагандируется совершенно определенный, тщательно продуманный и сконструированный образ врага. Образ этот стилизуется, мистифицируется, связывается с конкретным укладом тех или иных слоев населения, и с его помощью недовольство и возмущение жизненными невзгодами, безработицей, инфляцией и терроризмом направляется в адрес реального социализма на внешней арене, левых сил, прежде всего коммунистов и левых социал-демократов внутри капиталистических стран, а в перспективе — против всех противников буржуазной и консервативной идеологии. Определение главного военного, политического и идейного противника нужно для оправдания гонки вооружений, вынашиваемых агрессивных военных концепций «ядерного устрашения» и «упреждающего удара», для консолидации рядов НАТО.

Возрождение политического мышления в категориях «друг — враг» наблюдается и в консервативных кругах ФРГ, наиболее верного и послушного сейчас натовского союзника США. Разгул терроризма в начале 70-х годов, пишет Р. Зааге в своей статье «Неоконсервативная мысль в ФРГ», вызвал острую полемику неоконсерваторов с левыми интеллектуалами и привел к распространению того понимания политики, которую проповедовал еще в 20-х годах К. Шмитт. Согласно этим воспринятым современными западногерманскими неоконсерваторами представлениям, важнейшим критерием «политического» является определение и противопоставление «врага» и «друга»[1]. «Враг» экзистенциально отличен, он — чужак, к нему неприменимы понятия морали, эстетики, экономики. Политика предполагает войну, вооруженную борьбу с внутренним и внешним «врагом», то есть с определенной совокуп-

---

[1] Neukonservative und «Neue Rechte», München, 1983. См. также: *Saage R.* Rückkehr zum starken Staat? Frankfurt a. M., 1983.

ностью людей иного склада, предполагает введение чрезвычайного положения. Такое понимание политики не исключает ограниченного политического плюрализма, но лишь в рамках некоего единства, противостоящего «врагу».

По мнению неоконсерваторов ФРГ, нельзя проводить политику, не имея «врага», стремление к миру подрывает жизнеспособность республики, которая создана «не ради благосостояния и комфорта» ее жителей, а для их безопасности. Неоконсерваторы призывают возродить образ внутреннего и внешнего «врага». С их точки зрения, любые «факторы беспокойства», будь то требования профсоюзов или выступления пацифистов, угрожают целостности государства, нарушают нормальное функционирование существующей системы. В этой связи идеальной политической системой неоконсерваторы провозглашают ту, которая способна обеспечить «абсолютную защиту» прав и свобод своих граждан.

По поводу этих суждений Зааге замечает, что в таком положении трудно будет определить, какое нарушение допустимо для нормального функционирования системы, а какое нет. Перманентное «разграничение друга и врага» и «абсолютная защита прав граждан» — непременные функции фашистских режимов, ибо, кто достаточно силен для того, чтобы всех защитить, тот достаточно силен и для того, чтобы всех поработить [1].

В условиях политического господства консервативных партий в ФРГ сегодня не просто возрождается шмиттовское понимание политики, а практически осуществляется политическая деятельность, восстанавливающая внешнеполитический образ врага в лице Советского Союза и его союзников.

В книге Б. Кёпеци значительное внимание уделяется идейным истокам современного неоконсерватизма. Им посвящен специальный раздел книги, но к этой теме в той или иной степени автор возвращается и в последующих разделах, где характеризуется неоконсерватизм отдельных стран. Возникновение консерватизма как политической идеологии Кёпеци относит к историческому периоду после французской революции. Он обращается к тем представителям классического консерватизма и к тем общим их идеям, которые были восприняты неоконсерваторами всех рассматриваемых им стран и стали существенными

---

[1] *Saage R.* Neukonservatives Denken in der Bundesrepublik.— In: Neukonservative und «Neue Rechte», S. 95.

элементами современной консервативной идеологии. Имеются в виду положения о том, что не разум и теория являются средствами познания и преобразования общественной жизни, что история развивается не усилиями спекулятивного мышления, а силой традиций, обычаев, многовековых нравственных основоположений; аристократические воззрения о предопределенном традициями и божественными установлениями экономическом и социальном неравенстве людей, а также основанная на этих взглядах критика демократии; представление о революции как наказании, насылаемом на людей судьбой (Э. Бёрк, А. Токвиль, И. Тэн).

Наряду с этими общими традициями в книге отмечаются также традиции специфические для каждой отдельной страны. Автор говорит о традиции «отцов-основателей» в США, Дизраэли и его последователей в Англии, о националистических и радикально-консервативных традициях Веймарской республики в ФРГ, о контрреволюционном наследии Ж. де Местра и Ш. Морраса во Франции. В книге выделяются положения разных мыслителей различного уровня и направления прошлого и настоящего, которые используются неоконсерваторами для обоснования их идейно-политических позиций. Речь идет о политико-экономических и этических идеях А. Смита, определенных сторонах идейного наследия ряда представителей философии жизни (Ницше, Дильтей, Зиммель, Шпенглер, Шелер), о социологическом учении М. Вебера, экзистенциализме (Хайдеггер, Ясперс), неопозитивистах Венского кружка, критическом рационализме К. Поппера, социальной философии Г. Фрайера, К. Шмитта, этологии К. Лоренца, социобиологии Э. О. Уилсона и др. Складывается довольно широкая и пестрая картина идейного арсенала неоконсерватизма, отражающая его общую идейно-политическую направленность и эклектический характер теоретического обоснования его идеологии.

Небольшой объем раздела, да и всей монографии, не позволяют Б. Кёпеци с исчерпывающей полнотой воспроизвести историю становления и эволюции консервативной идеологии в целом и в каждой стране в отдельности, но и то, что сделано в книге, представляет значительный интерес и способствует освещению и пониманию других тем проведенного автором исследования. Марксистский анализ идейно-теоретических истоков неоконсерватизма актуален и ценен еще и потому, что он может противостоять весьма вольным и пристрастным попыткам охарактеризовать свое

идейное прошлое, которые предпринимаются самими неоконсерваторами. Например, такую попытку воссоздать родословную современного «просвещенного» консерватизма путем пересмотра и соответствующей трактовки наследия политических мыслителей и философов прошлого предпринял Э. Топич. Протагор и Фукидид, Шатобриан и Токвиль, Юм и Кант, Фрейд и М. Вебер предстают в качестве наиболее значительных его предшественников. Подчеркивая то обстоятельство, что взгляды этих мыслителей не сводились лишь к оправданию существующего, а предполагали также «право сопротивления тирании», возможность постепенных реформ, Топич старается создать образ скептически-реалистического и «просвещенного» консервативного мировоззрения, свободного от разного рода прогрессистских иллюзий просвещения, от его наивной веры в силу разума. Фукидид, описавший разрушение афинской демократии и государственности, по мнению Топича, не питал никаких иллюзий по поводу «демонических сил человеческой природы», затаившихся и ждущих удобного случая, когда пошатнется государственный порядок, чтобы прорваться наружу в своем разрушительном насилии [1]. И Фрейд в изображении Топича предстает последовательным противником политического радикализма, вскрывшим иррациональную деструктивную подоснову деятельности человека, прячущуюся за идеалистическими и морализирующими лозунгами.

За всеми гуманистическими, эмансипаторскими и другими прогрессивными лозунгами «просвещенный» консерватор видит ненависть, зависть и злопамятство, жажду власти и разрушения.

Неоконсерваторы не считают себя противниками прогресса и гуманизма, более того, ратуя за сохранение традиционных ценностей капиталистической цивилизации, они говорят и о ее развитии на основе этих ценностей, об утверждении новой формы гуманизма. Для обоснования своих идейно-политических позиций неоконсерваторы наряду с философско-антропологической аргументацией используют также неопозитивистские методы и критерии различения научных форм сознания от ненаучных, идеологических. При этом все левые демократические социальные концепции и программы трактуются как метафизические, социально-утопические и псевдорелигиозные по сво-

---

[1] *Topitsch E.* Die Aufklärung als konservative Aufgabe,— Frankfurter Allgemeine Zeitung, 1973, 21 Juli. См. также: *Григорьян Б. Т.* Просвещенный консерватизм.— Вопросы философии, 1979, № 12.

ей природе, а неоконсервативное миропонимание — как научно и рационально обоснованное, как реалистический и вместе с тем действительно просвещенный подход к решению насущных проблем современного человеческого существования.

Представителями подобной «просвещенной» мировоззренческой концепции считают себя также французские неоконсерваторы и «новые правые». Характеристике их теоретических и идеологических позиций в монографии Б. Кёпеци посвящена специальная глава. В ней, в отличие от других разделов, предпринята попытка осветить идеологию правого крыла французских неоконсерваторов в связи и в сравнении с теоретико-идейными построениями «новой философии». Такого рода сопоставления оправданы по существу и уже имели место в марксистской литературе, они способствуют пониманию положения и роли этих внешне различных идеологий в рамках общей буржуазной культуры, их взаимодополняющей природы [1]. Однако автору, пожалуй, недостает здесь желательной глубины. Точки соприкосновения идейно-политических установок «новых философов» и «новых правых», осуществляемая ими с разных позиций критика марксизма и социализма специально не фиксируются автором, они скорее вычитываются из содержащихся в главе текстов. После краткого изложения некоторых положений «концепции власти», получившей свое различное обоснование в публикациях Глюксмана, Леви, Лярдро и Жамбе, автор обращается к характеристике идеологии «новых правых», оставив в стороне объявленную им в названии главы тему перехода, или эволюции, французской идеологии от «новой философии» к «новым правым».

Анализируя деятельность и публикации различных групп и изданий «новых правых», прежде всего «Группы исследования и изучения европейской цивилизации» («ГРЭС»), клуба «Орлож» («Часов»), журналов «Эколь пувель» и «Контрпуэн», Кёпеци показывает, сколь активны сегодня «новые правые» в разработке культурных и философских концепций, необходимых для идеологического перевооружения французской монополистической буржуазии и находящихся сегодня в оппозиции правых политических партий. «Новые правые» видят свою задачу не в

[1] В частности, можно назвать статью Н. Б. Маньковской «К критике философско-эстетических взглядов «новых философов» и «новых правых» (Вопросы философии, 1984, № 4), книгу И. М. Кутасовой «Антифилософия «новой философии» (1984).

непосредственном завоевании власти, а в выработке всеохватывающей системы миростолкования, в осуществлении «культурной революции», в достижении «культурной власти над обществом», которая рассматривается ими как необходимое условие овладения властью политической.

В русле консервативной политики, возобладавшей в некоторых странах Западной Европы, «новые правые» предпринимают энергичные усилия по пересмотру систем ценностей, утверждению своего взгляда на основные проблемы мировоззрения и современной человеческой жизни. В противовес левой и леволиберальной идеологии они призывают к возвращению к «индоевропейскому наследию», видят цель своей «просветительской миссии» в «возрождении Европы», под которым подразумевается возрождение греко-римской античной культуры. По мнению «новых правых», следует исправить происшедшую в средневековье историческую ошибку, когда собственно европейская (греко-римская, кельтская, германская, иначе говоря, языческая) культура сменилась «иудео-христианской», привнесенной и навязанной Европе извне. Они считают христианскую религию источником мессианского и утопического мышления, «внесшего в европейское сознание революционную антропологию, основанную на идеях эгалитаризма и тоталитаризма» [1].

В христианской идее равенства людей перед богом, провиденциалистской концепции линейности (в отличие от цикличной теории античности), поступательного развития истории, утверждавшейся как в религиозной форме, так и в различных секуляризированных идеологиях, «новые правые» видят источник современных уравнительно-эгалитарных принципов, прогрессивных воззрений. В этой связи они выступают против понимания истории как объективно-закономерного процесса, объявляют ее вообще лишенной какого-либо объективного смысла. Она предстает в их концепциях лишь как арена борьбы идей, разнородных духовных ценностей. Только культура, понимаемая как сила традиции и определенного духовного наследия, способна быть средством самосохранения народов, подобно тому как инстинкт служит средством сохранения вида.

«Новые правые» подчеркивают органичную связь культуры с «лингвистическим», географическим и этническим

[1] *Vial P.* Pour une renaissance culturelle: Le GRECE prend la parole. P., 1979, p. 199. См. также: *Фадеева Т. М.* «Новые правые» во Франции: к критике концепции «консервативной революции».— Вопросы философии, 1985, № 2.

своеобразием народов, с «кровью и почвой». По мнению А. де Бенуа, господствующий во Франции леволиберальный строй мышления, возведший «антирасизм», «универсализм» и «эгалитаризм» в ранг основных мировоззренческих догм, повинен в уничтожении этнических культур, в «нивелировании и деперсонализации» европейской культуры [1]. Полемизируя с «новыми философами», для которых человек будущего тот, у кого «самая короткая память», «критический интеллектуал», «человек вечного отрицания, понимающий все и вся, кочевник с подошвами из ветра», Бенуа подчеркивает, что родина — это «территория, занимаемая народом». Европа для европейцев — не умозрительная абстракция, а конкретно-историческая и культурная реальность. «Человек неразрывно связан со средой (в пространстве) и наследием (во времени), обусловливающими форму этой культуры, поскольку он «изначально рожден как наследник» этой культуры» [2],— пишет Бенуа.

Современный кризис западного общества объясняется отсюда забвением и принесением в жертву прогрессу тех фундаментальных ценностей, которые обусловили в свое время величие индоевропейских народов. Критикуя либеральный и марксистский «экономизм», «новые правые» делают акцент на перестройке духовной, культурной и моральной. Чтобы вновь занять подобающее ей место в мире, Европа, по их мнению, должна очиститься от «вируса восточных менталитетов», высвободить свое исконное «арийско-кельтское подсознание» с его «героическим» масштабом ценностей. Миф о индоевропейцах как о «почти чистом в расовом отношении единстве» и является для «новых правых» тем контекстом, в котором только и возможно возрождение культуры, отвечающей генетическому наследию западноевропейских народов. Представление о расовой генетической предопределенности той или иной культуры выступает как «новая религия расы» [3].

Идеология «новых правых» привлекательна для некоторых еще и потому, что она порождает новый иррационализм в рациональном облачении. Она использует многие открытия современной физики, биологии, психологии, этологии и других поведенческих наук для обоснования своих теоретических положений и для соответствующих им

---

[1] *Benoist A. de.* Les idées à l'endroit. P., 1979, p. 148, 156.
[2] Ibid., p. 41.
[3] *Moreau P.* Die neue Religion der Rasse.— In: Neukonservative und «Neue Rechte», S. 117—162.

политических выводов. Для «научного» подкрепления своих идеологических установок «новые правые» во Франции и в ФРГ, в частности, привлекают данные этологии в том виде, в каком они подаются К. Лоренцем и И. Эйбесфельдом. Наряду с этим они обращаются и к психологическим теориям Г. Ю. Айзенка и А. Йенсена. Но психологические и этологические исследования о расах используются так, чтобы стереть различия между учением о расах и расизмом для обновленного, «научного» оправдания последнего.

Отличительной особенностью «новых правых» является не только «наукообразный» характер их идеологических концепций, но и широкое использование, перетолкование тем и проблем, традиционных для левой идеологии. Таковыми являются антиколониалистские, этно- и европоцентристские положения, антиамериканизм и защита национальных и местных культур, критика потребительства, экологическая проблематика и др. Все это делается для того, чтобы, используя некоторые крайности мировоззрения левых, дать им бой на их собственной территории и в широкой кампании переоценки ценностей способствовать таким путем распространению консервативных умонастроений.

Как верно отмечает Б. Кёпеци, важной стороной идеологии «новых правых» является обращение их к номиналистической философской традиции. Дискуссия между номиналистами и реалистами в философии позднего средневековья, если отвлечься от центральной темы их спора о сущностных атрибутах бога, вращалась вокруг вопроса о том, выражают ли общие родовые и видовые понятия, то есть универсалии, некую объективную реальность, или они являются просто терминами для обозначения абстрактного. Номиналисты придерживались точки зрения, согласно которой общее понятие не имеет никакого онтологического содержания, не обозначает какой-либо самостоятельной реальности, и признавали существование лишь единичных предметов. Направленный против схоластического псевдознания реалистов, номинализм стремился повернуть умы людей от спекулятивно-умозрительной теологической проблематики к эмпирическому изучению мира.

Но, объявляя общие понятия лишь произведениями человеческого ума, лишенными объективно-реального значения, номиналисты тем самым оказывались вынужденными отрицать и реальность отношений, связей вещей, которые, не будучи единичными вещами, а чем-то общим для них, тем не менее объективно существуют. Такое отрица-

ние объективной реальности общего приводило к учению о нерасчлененности вещи, которая не подчинена никакому целому. Мир превращался в сумму абсолютно разрозненных предметов, а всякая общность их объявлялась лишь плодом чисто умозрительной деятельности человека. Исходя из этого принципа, номиналисты доказывали, что иерархически организованное феодально-церковное целое не может иметь приоритета перед составляющими его личностями. Так номинализм выступил в качестве идеологии бюргерского индивидуализма, став одним из ранних предшественников буржуазной индивидуалистической концепции общественной жизни.

Очевидно, что обращение «новых правых» к номиналистической критике абстрактных сущностей вызвано не стремлением к уточнению теоретико-познавательных представлений номинализма, а чисто прагматической возможностью использовать его теоретические положения для опровержения универсальной этики, объективно значимых общечеловеческих идеалов и культурных ценностей, для утверждения аристократической этики новой элиты и ценностей нового «прометействующего человека». По мнению «новых правых», не существует такой универсальной логики, которая имела бы значение для всех людей как разумных существ. Универсальные системы ценностей должны быть отвергнуты. Нечто является хорошим, истинным и красивым лишь для человека такого типа, чей «этнический субстрат» соответствует психическому состоянию, генетическому составу, социальной и расовой среде, с точки зрения которой это нечто является хорошим, истинным и красивым. Каждому «этническому субстрату» соответствует своя логика и свое ви́дение мира.

Номиналистическое отрицание всего универсального служит основой антиэгалитаризма «новых правых». Коль скоро каждая цивилизация имеет свое собственное миропонимание, собственную логику мышления и собственные системы ценностей, то тогда за универсальным может скрываться лишь конкретный этноцентризм, стремящийся подавить автономные культуры чуждыми для них истинами и ценностями. Это на первый взгляд антиколониалистское положение практически получает расистское применение, поскольку из него делается заключение о том, что принцип равенства всех людей является биологической бессмыслицей. Оно обнаруживает враждебность марксизму и социализму, тем прогрессивным общечеловеческим ценностям и принципам, на основе которых только и возможно мирное

и справедливое сотрудничество народов в решении жизненно важных для них глобальных проблем, и прежде всего проблемы мира.

Характеристика и критический разбор современного американского и западноевропейского консерватизма в монографии Б. Кёпеци в значительной мере осуществляется на материалах зарубежных немарксистских публикаций и тех дискуссий о неоконсерватизме, которые происходили и по сей день происходят в кругах западной интеллигенции. Сопоставляя и противопоставляя высказывания о неоконсерватизме, его оценки представителями самых различных политических и идеологических направлений, Кёпеци выявляет многие существенные стороны этого идейно-политического движения, его противоречия и слабости. Вместе с тем, не удовлетворяясь такой попутной и косвенной критикой неоконсерватизма, он посвящает заключительный раздел специальному критическому анализу важнейших его идейных установок, его отношения к религии, науке, идее социального равенства, к государству, проблеме индивидуальной свободы, к защищаемым им культурным, духовным ценностям.

Заслуживает внимания высказанная в этом разделе мысль о том, что современный политико-идеологический консерватизм направлен не только против марксизма и реального социализма, но и против партий и общественных сил общедемократического толка, против буржуазного либерализма, социал-демократии и других левых движений современного Запада. Система неоконсервативных ценностей и идей, пишет Кёпеци, противостоит тому образу мышления, который, если не уходить слишком глубоко в историю, стал формироваться со времен Ренессанса и имел своей целью духовное и социальное освобождение человека, утверждение социального равенства и справедливости. Именно поэтому критика неоконсервативной идеологии и политики является актуальной задачей не только марксистов и коммунистов, но и всех демократических и левых сил нашего времени.

Исследование Б. Кёпеци вносит свой вклад в ее решение, оно расширяет наше представление о неоконсерватизме, характеризует некоторые его стороны, еще не получившие достаточного освещения в марксистской литературе, вводит в обиход новые материалы и научно-теоретическую аргументацию. Нет сомнения, что книга будет с интересом принята как специалистами-обществоведами, так и широким кругом советских читателей.

Б. Т. Григорьян

СОДЕРЖАНИЕ

Бела Кёпеци

НЕОКОНСЕРВАТИЗМ
И «НОВЫЕ ПРАВЫЕ»

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *М. М. Беляев*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художественный редактор *Г. Ф. Семиреченко*
Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 4565

Сдано в набор 20.11.85. Подписано в печать 18.02.86. Формат 84×108[1]/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Усл. печ. л. 7,56. Усл. кр.-отт. 7,88. Уч.-изд. л. 8,05. Тираж 30 тыс. экз. Заказ 1283. Цена 55 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

55 коп.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Предлагаемая вниманию читателей книга входит в серию «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма». Создаваемая объединенными усилиями издательств социалистических стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике и идеологии.

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА